

ОГОНЁК

№ 36 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На строительстве Шатской
ГЭС. Передовики стройки —
шеф-мастер по сборке тур-
бин Н. Г. Максимов (справа)
и слесарь-монтажник А. Е.
Фролов (см. в номере «Энер-
гия подземного огня»).

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице
обложки: Капитолина Ва-
сильевна Алексеева — луч-
шая доярка первой фермы
колхоза «Кавказ», Курган-
ского района, Краснодарско-
го края.

Фото В. Тарасевича.

На последней стра-
нице обложки: Бирма.
Деревня на юге страны.

Фото М. Савина.

— ЗДЕСЬ МЫ БУДЕМ УЧИТЬСЯ!
Новая школа в городе Ломоносове,
Ленинградской области.
Фото Б. Уткина.

26 августа Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина.

Президент находился в Советском Союзе проездом на родину после дружеских визитов в страны Восточной Европы. Тысячи и тысячи трудящихся Германской Демократической Республики, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании, Югославии, Польши, Венгрии горячо приветствовали выдающегося представителя вьетнамского народа.

2 сентября Вьетнам будет отмечать двенадцатую годовщину со дня провозглашения демократической республики. За эти двенадцать лет, девять из которых прошли в борьбе за независимость и свободу, против иностранных империалистов, вьетнамский народ добился значительных успехов в строительстве новой жизни.

Поездка президента Хо Ши Мина еще раз продемонстрировала, с какой огромной симпатией и солидарностью относятся к свободному Вьетнаму миллионы трудящихся стран лагеря мира и демократии.

Советские люди в день 12-й годовщины Демократической Республики Вьетнам шлют своим вьетнамским братьям сердечные слова любви и дружбы.

Фото Е. Умнова.

Поздравьте Мищенко!

Киевский политехнический институт — старейший технический вуз страны. В этом году в связи с новыми правилами приема в вузы при КПИ были созданы вечерние подготовительные курсы. Их задача — помочь тем молодым людям, которые, закончив среднюю школу, работали на производстве или служили в армии, а теперь решили продолжить свое образование. Занятия здесь посещали свыше пятисот человек. Желающих было, конечно, гораздо больше. При отборе учитывались и рабочий стаж и профессия, которая могла бы стать

основой при выборе соответствующего факультета.

Еще летом мы познакомились на курсах с Евгением Мищенко. После семи классов и школы ФЗО он стал токарем. Затем поступил в индустриальный техникум, который успешно окончил в 1953 году. Кстати сказать, на курсах занималось свыше ста дипломированных техников, уже имеющих опыт практической работы. Такой опыт накопил и Мищенко. Он долго был мастером, а в прошлом году его назначили на должность инженера-конструктора технического отдела.

— Я не думаю расставаться с заводом, — говорил Мищенко, — поэтому рассчитываю пойти на вечернее отделение института.

Мищенко сдал вступительные экзамены и уехал в отпуск. Вернулся в конце августа и, конечно, первым делом направился в институт. Здесь его ждала приятная новость: зачислен.

— Можно поздравить?

— Поздравляйте. Должен сказать, что курсы мне здорово помогли.

На разные факультеты Киевского политехнического института принято более половины слушателей подготовительных курсов.

В. ШУМОВ

Фото И. Пап.

ПЕРВЫЙ В РОССИИ

Выборгская сторона... Леса, заводские и фабричные трубы тянутся к небу. И что ни крупное предприятие, то яркая летопись революционного прошлого и трудовой доблести сегодняшнего дня. Вот на правом берегу Невы за узорчатой оградой кирпичные корпуса бывшего завода Розенкранца, ныне «Красного выборгжца». Это имя ему дано в начале 20-х годов за неукротимый революционный дух и смелые выступления против царизма.

Рабочие первого в России меднопрокатного завода, основанного в 1857 году, имели все основания бунтовать и бороться: условия труда были нечеловеческие. Работали 11—18 часов в сутки. И выборгжцы бунтовали, шли в авангарде революционной борьбы пролетариев Выборгской стороны.

У заводской проходной на граните стоит во весь рост бронзовая фигура Владимира Ильича Ленина. Протягивая руку в сторону цехов, он как бы напоминает молодым рабочим, в веселом гомоне вливающимся в заводские ворота, о славных революционных традициях старейшего петербургского завода. Перелистывая историю столетнего «Красного выборгжца», узнаешь, что самые яркие дела связаны тут с советским временем. В трубном цехе бригада М. Путина заключила первый в стране договор на социалистическое соревнование. В цехах

«Красного выборгжца» звучали слова призыва: «Выполним пятилетку в четыре года».

Трубный цех, как и все другие цехи, теперь не узнать. Он оснащен новейшим оборудованием, все важнейшие процессы механизированы.

У плавильной печи несет вахту в честь 40-летия Ок-

тября известная всей стране бригада Героя Социалистического Труда Александра Лягина, положившая начало скоростным плавкам в металлургической промышленности. «Красному выборгжцу» 100 лет, но он по-прежнему молод и полон сил.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Б. Уткина.

ПРАЗДНИК ШАХТЕРОВ

Вся страна отметила праздник шахтеров. Этот день был богат не только горячими приветствиями и пожеланиями. Передовой отряд рабочего класса страны — горняки — порадовал Родину достойными подарками. С донецких просторов, из Кузбасса, Подмосковья, Урала, Крайнего Севера, Дальнего Востока — повсюду, где высятся копры, идут сообщения

о новых трудовых победах. Горняки Кузбасса отправили пятисотый эшелон угля, добытого сверх плана в текущем году, досрочно завершили девятимесячную программу коллектив шахты № 86—87 в Карагандинском бассейне и шахта «Калачевская» № 1 в Челябинском бассейне.

Всю страну облетела еще одна радостная весть: в Дон-

бассе на четыре месяца раньше срока вступили в строй действующих три новые шахты. Это три первенца из 35 шахт, которые сооружают на донецкой земле украинские комсомольцы. Юные патриоты, соревнуясь в честь 40-й годовщины Октября, добились первой победы: ко Дню шахтера и доказали, что они — достойная смена старой шахтерской гвардии.

Сталинская область. В День шахтера — 25 августа — на шахте «Донецкая-комсомольская» № 1 был большой праздник: выданы на-гора первые тонны угля. Почетное дело — выдать первый уголь — выпало на долю прославленных шахтеров комбайновой бригады Николая Кириченко. На снимке: первая вагонетка угля, выданного горняками этой бригады.

Фото С. Гендельмана (ТАСС).

Слово венгерского народа

Чаба КИШ,
венгерский журналист

Между Сольноком и Дебреце-ном, от Тиссы до Хортобада раскинулся Надь-Куншаг, один из районов венгерской низменности Мадьяр—Альфёльда. Жители этих мест веками упорно боролись с ветрами, засухой, помещиками и чиновниками. «Крепкоголовые куны» — так звали издавна здешних жителей: считалось, что трудно найти путь к их разуму, а еще труднее — к сердцам.

И вот праздничный день 20 августа, День Конституции народной Венгрии. В город Кишуйсаллаш съехались со всего Куншага сотни тысяч крестьян, чтобы послушать председателя Президиума Венгерской Народной Республики Иштвана Доби и Председателя Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Яноша Кадара. И не только послушать, но и сказать собственное веское слово о судьбах своей родины.

Не знаю, слышали ли господин Андерсен, председатель пресловутого «Комитета пяти», и господин Лодж, руководитель делегации США в ООН, то, что говори-

ли на огромном митинге в Кишуйсаллаше крестьяне Куншага. Впрочем, если бы и слышали, то постарались бы заткнуть уши, ибо единодушная поддержка венгерскими крестьянами своего народного правительства, разумеется, не по вкусу этим мастерам лжи и клеветы. Свои «доклады» и прочие фальшивки эти господа предпочитают стряпать на «свидетельствах» всяких беглых убийц, фашистских офицеров и пригретых за океаном «деятели» хортистского режима.

«Тем империалистам, что и сейчас продолжают плести против нас интриги, мы сообщаем, что так же, как не удалось их октябрьское нападение на Венгрию — а они тогда думали, что Венгрия уже находится у них в кармане, — так же мы не разрешим им ни под каким предлогом и сейчас вмешиваться в наши внутренние дела», — сказал на митинге в Кишуйсаллаше товарищ Янош Кадар. Не только сотни тысяч куншагских крестьян встретили эти слова бурными кликами одобрения — весь народ Венгрии подтвердил их на сотнях митингов и собраний, в бесчисленных письмах и телеграммах, адресованных в редакции газет, во Все-венгерский Совет Мира, в Центр

Отечественного Народного фронта.

«Доклад «Комитета пяти» ООН дает абсолютно лживую картину событий, разыгравшихся в октябре 1956 года; он клеветает на Венгерскую Народную Республику, на ее законный порядок, на венгерский народ. Мы протестуем против этого доклада!» — говорится в обращении трудящихся Чепельского комбината. Пресловутый «Комитет пяти» клеветает на Чепель, изображая его как базу так называемых «национальных борцов за свободу», то есть контрреволюционеров. Эту ложь уже опровергла сама действительность; теперь голос всего огромного коллектива чепельцев еще раз разоблачает грязные сказки «Комитета пяти», изложенные на 400 страницах.

«Советский Союз, — говорится в письме трудящихся Сталинвароша, — второй раз спас наш народ от рабства — таково мнение миллионов венгерских трудящихся. Мы благодарны советскому народу за то, что он предоставил нам помощь, о которой мы просили».

А что думает венгерская интеллигенция, самозванцами «представителями» которой выставляют себя некоторые сбежавшие за границу предатели родины? Пусть

им ответит ректор сегедского научного института Лайош Бойа. «Фальшивый доклад «Комитета пяти» напрасно пытается сделать вид, что перечисленные в нем «данные» получены от «очевидцев». Цель распространения этого доклада в ООН — не что иное, как ложь, которая используется в империалистических целях».

Если «доклад» фальсификаторов и клеветников заполнил два тома, то из телеграмм, писем, выступлений и заявлений граждан народной Венгрии можно было составить двести томов. Но дело не в количестве страниц, а в правде, заключающейся в словах этих честных простых людей.

10 сентября созывается специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения так называемого «венгерского вопроса». Мы предлагаем вниманию участников сессии бесчисленные документы, выражающие мысли и волю венгерского народа. Пусть внимательно вчитаются любители козней и провокаций в слова газеты Венгерской социалистической рабочей партии «Непсабдашг»:

«Венгерский народ не подпадет еще раз под иго капиталистов и помещиков. Сколько бы ни кричали о «свободе» и «демократии» преступные инициаторы войны в Корее, Индонезии, Кении, Суэце, Алжире и Омане, — Венгрия не станет страной поджигателей войны. Наша родина была и останется страной мира и социализма».

ОМАН БОРЕТСЯ

Форт Тануф, один из оплотов повстанцев, сражающихся за независимость.

20 августа в Совете Безопасности ООН разгорелись жаркие дебаты. Одиннадцать арабских государств внесли коллективную жалобу на действия Англии в Омане и потребовали срочного рассмотрения оманского вопроса. Горячо поддержал просьбу арабских стран Советский Союз. Против обсуждения этого вопроса Советом Безопасности голосовали Англия, Франция, Австралия, Куба и Колумбия. Представитель США Лодж воздержался, хотя позиция его была ясна из его речей. Обсуждение вопроса об Омане было сорвано.

«Карманные княжества» — так презрительно называют некоторые западные справочники цепь государств, расположенных в Аравии на берегу Персидского залива. Эти государства с давних времен находятся под властью Великобритании. Одним из первых под британский протекторат попал Оман. Потомок ставленников Великобритании — султан находится сейчас в порту Маскат. Религиозный глава страны — имам, издавна живущий в столице Низве, уже 40 с лишним лет назад объявил имамат Оман независимым и от султана и от его британских покровителей. Независимость имамата была в дальнейшем подтверждена в ряде официальных документов. Но в 1955 году войска султана под командованием английских офицеров вторглись в имамат и захватили столицу. Имам был вынужден оставить свою страну. Даже английская пресса не скрывала истинную причину этого вторжения: выявились большие запасы нефти в горах имамата, а имам был против их эксплуатации английскими монополиями.

В середине июля в Омане восстали племена, пытаясь восстановить независимость страны. За несколько дней повстанцы под руководством брата имамата, Талиб бен-Али, одержали крупные победы. Были освобождены Низва и ряд других населенных пунктов, перекрыты дороги, захвачены важные ключевые позиции в горах.

Английские самолеты готовятся обрушить бомбы на глинобитные деревни Омана.

Тогда на сцену выступила Англия. С близлежащих баз в воздух поднялась реактивная авиация. Начались бомбардировки селений, многие из них были стерты с лица земли. На бреющем полете истребители расстреливали почти безоружных бедуинов, беззащитных женщин и детей. Через несколько дней, подкрепленные английскими частями, войска султана заняли Низву. Повстанцы отступили в горы.

«Защита нефтяных прибылей является целью английских реактивных самолетов типа «Веном» и руководимых англичанами войск в Омане», — писала газета «Дейли Уоркер». Во время суэцких событий у английских нефтяных магнатов уже было достаточно повода для тревоги: в Кувейте началось широкое движение против английского империализма.

Соединенные Штаты внешне не участвуют в событиях, как и в суэцкой авантюре, но в действительности американский империализм — одно из основных действующих лиц в оманской трагедии. Когда над Низвой летали английские легкие реактивные бомбардировщики, государственный секретарь США заявил о полном совпадении американских и английских взглядов на положение на Ближнем и Среднем Востоке.

«Индия сильно обеспокоена событиями в Омане. Индийское правительство не одобряет позицию Англии в этом вопросе», — заявил недавно Джавахарлал Неру. «Китайский народ решительно выступает против вооруженной интервенции, предпринятой английским правительством против народа имамата Оман», — сказано в ноте правительства КНР Лиге арабских стран. «Долг государств — членов ООН немедленно приостановить интервенцию колонизаторов в Омане», — говорится в Заявлении ТАСС.

Правое дело народа Омана имеет поддержку среди прогрессивных сил всего мира.

Е. ПРИМАКОВ

КАК КУ

Доярка Раиса Галай из колхоза «Память Ильича», Ново-Титаровского района.

И. КОТЕНКО, Евг. ПОПОВКИН, А. СОФРОНОВ

Фото А. Новинова.

Письмо из Америки

Дорога, с накатанными до блеска колеями, пряма, как ружейные стволы, с маленькой мушкой-курганом на самом горизонте. И так же, как стволы, черна: недавно уложенный гудрон не выдерживает сухой, как огонь, сорокаградусной жары, плывет, оплавляется, и кажется, колеса машины мчат по резине.

О ружье нам сказал на каком-то километре шофер, знающий самые потаенные тропинки к утиным озерцам и отсчитывающий дни до начала охоты по своему табель-календарю, лежащему всегда под рукой в папочке с путевым листом. Мы спросили: «Куда же нацелена эта дорога?» «На глубинку... До Каневской уже дотянули. А потом дальше, на Старо-Минскую, Куцевку, к главной магистрали...»

Удивительная все-таки земля Кубань! Каждый год проезжаешь по ней и всякий раз не перестаешь удивляться: обязательно найдешь что-нибудь новое. Ну как можно было назы-

вать «глубинкой» приазовские районы? С севера на юг их пересекает железнодорожное полотно, имеются грейдерные дороги, к самым плавням можно добраться. От Ростова до Минеральных Вод пролегла бетонная магистраль, а от нее, как побеги, во все стороны потянулись такие же добротные дороги, и вот уже все, что еще лежит в стороне, стало «глубинкой».

Так и в жизни. Проложил бригадир Иван Шацкий новую магистраль — создал комплексную бригаду, соединив в одно трактористов и полеводов, и потянулись от его бригадного стана «побеги» — сначала такие бригады в соседних колхозах появились, затем подключились близлежащие районы. Теперь по всей Кубани трудятся такие бригады. Попробовал Курганинский район убирать хлеб раздельно, чтобы избежать потерь, и вот уже тот колхоз, кто не подстроился к этой «магистрали», оказался в положении не только «глубинного», но и отставшего.

Десятки таких больших и малых «магистралей» прокладывают кубанцы в различных областях колхозного строительства. Как и в каждом творческом деле, здесь возникают свои трудности. Около четырехсот всевозможных приспособлений, узлов и даже машин придумали и построили у себя в мастерских механизаторы Павловской МТС. Повалили к ним за опытом экскурсанты со всех краев колхозной земли. Среди них попал один — долго ходил по выставке, все внимательно осматривал, но ни самих образцов, ни чертежей не просил. У него спросили: почему? Тогда он ответил: «Рисковое дело: пока я ту вашу машину до дому доведу, вы в нее опять яку-нибудь рационализацию введете, и получится моя машина опять отстающей». И требовал дать ему такие образцы, которые закончены по всем статьям и уже наверняка никаким изменениям подвергаться не будут.

Но таких образцов у павловцев да и по всей Кубани не найдешь. Все самое лучшее и новейшее, рожденное народом, подвергается тут непрерывной обкатке, доводке и шлифовке. И этот величайший творческий процесс, в который вовлечены, как в свое родное дело, сотни тысяч людей, — пожалуй, самое радостное знамение нашего времени.

Недавно в Краснодар пришло письмо из Америки, из штата Айова. Фермеры, побывавшие на Кубани, просили снять фильм об этом крае, рассказать в нем обо всем интересном и поучительном и прислать эту кинокартину в США. Не знаем, что побудило американских фермеров обратиться с такой просьбой. Возможно, они попросили снять для них фильм после того, как узнали, что Кубань вызвала их на соревнование и решила обогнать штат Айова по производству молока и мяса с каждых ста гектаров угодий.

Дерзкий вызов, подумали, вероятно, американцы. Знают ли кубанцы, что штат Айова именно по этим видам продукции занимает первое место в Америке? Знают! Они даже сравнительную таблицу составили.

На сто гектаров сельскохозяйственных угодий (в центнерах):

	Кубань (1956 г.)	Айова (1954 г.)	США (1954 г.)
Мясо (в живом весе)	48	188	46
Молоко	195	210	107

Не смущают кубанцев эти цифры, не смущают даже с учетом того, что за три года и Айова, возможно, продвинулась вперед. Они полны решимости обогнать Айову.

Как трудятся они, чтобы желание это сбылось, а принятые обязательства были выполнены?

С карандашом в руках

В большом каменном доме Ново-Титаровского райкома партии тихо и прохладно. Ветер изредка надувает светлые гардины на окнах, и тогда вместе с полотнищами солнечного света в комнату властно втягиваются запахи перепаханной земли, пожухлой огородной огудины и чуть уловимый, пряный душок сухого зерна. Впрочем, запахи обмолоченной пшеницы (когда-то они неделями властвовали над кубанскими полями в это время года) сейчас можно ощутить только при большом воображении, разве что уловишь их около прокаленных солнцем амбаров или на бригадном току, у прикрытых брезентами бунтов.

Когда мы летели в Краснодар и самолет скользнул своей тенью по голубой ленте Дона, наш товарищ, фотокорреспондент, заметно взволновался: то и дело припадая лбом к окнам, он вздыхал: «Нет, братцы, по хлебу вы от меня ничего не требуйте».

Внизу, очерченные на много километров

БАНЫ ДОГОНЯЕТ АЙОВУ

лесными посадками, лежали огромные желтые квадраты полей, скошенные и безлюдные. Ни машин, ни людей, только частые копейки соломой да золотистые под солнцем стога у животноводческих ферм...

Мы вспоминали об этом, сидя в затененной шторами комнате второго секретаря райкома партии Дмитрия Дмитриевича Ретивова. Улыбнувшись нашему рассказу о волнениях фото-корреспондента, он подошел к стене, на которой во всю ее ширину висел приколотый кнопками лист ватмана.

— Этот год не только вас «подкузьмил»... Мы и то не ожидали. Видите, что получились?

Весь лист был аккуратно разграфлен на тридцать одну клеточку, по числу дней июля. Но потребовалась лишь неполная треть листа.

— Как видите, это график средней выработки на один физический комбайн по машинно-тракторным станциям района. Художник мыслит по-прошлогоднему и приготовил график на весь месяц, а уборка оборвалась на девятый день... Дальше нечего было записывать: все убрали...

Когда на совещании работников сельского хозяйства Краснодарского края Никита Сергеевич Хрущев поставил задачу превратить Кубань в фабрику мяса и молока, кое-кто забеспокоился, стоит ли такую задачу ставить перед Кубанью. С древнейших времен этот благословенный для земледелия край был надежной житницей: пусть бесснежье, засухи, а хлеб всегда был, у соседей хлеба никогда не занимали. Может, пусть мясом и молоком занимаются где-нибудь в Ярославле или на Рязани?

Кубанцы доказали всю несостоятельность таких противопоставлений. Кубань первой в стране ссыпала в амбары государства восемьдесят миллионов пудов хлеба и одновременно подошла вплотную к решению такой задачи — перегнать по мясу и молоку самый передовой штат Америки — штат Айова.

— Не сразу такой поворот свершился, — говорит Ретивов. — Хлебороб есть хлебороб. Когда начали косить подсолнечник и кукурузу на силос, многие колхозники говорили: «Це не по-хозяйски». Да что рядовые! В колхозе имени Крупской посеяно в этом году три тысячи гектаров кукурузы. Спрашиваем у руководителей колхоза: «Почему не косите?» Поглядели друг на друга и говорят: «Та як же косить... така тонесенька, вроде бы жалко». А когда скосили, да собрали по тридцать тонн зеленой массы, да подсчитали, что это даст для коров, довольны остались. Сейчас у нас все считают: с карандашом в руках яснее. Картина открывается убедительная: два года назад полагали, что для коровы нужно в год шесть тонн силоса. То была очень трудная задача, а сейчас и десять тонн, считаем, мало. В прошлом году заложили по району тридцать тысяч тонн силоса, в этом году уже сейчас за шестьдесят шесть тысяч тонн перевалили, а доведем до ста сорока восьми тысяч — почти в пять раз больше. К тому же у нас еще зерно появилось! Весь ячмень и овес на фураж, да часть пшеницы меняем на комбикорм... Таких кормов для соревнования с Айовой уже немало. В сравнении с прошлым годом мы уже на июль месяц дали столько молока, сколько за весь прошлый год... А ведь мы только начинаем...

Дмитрий Дмитриевич вернулся к столу. Вытирая платком бронзовое лицо, оглядел нас из-под руки внимательным, с прищуром взглядом.

— Остальное народ скажет. И он уже говорит... Мы подсчитали, что перегоним Айову, если каждая наша доярка будет надаивать от коровы в день по пуду молока. Вчера в колхозе «Большевик» подходит ко мне женщина

и атакует: «Куда ж вы, начальство, смотрите? Як же я буду догонять Америку, когда наш заведующий не подвез к утру соли на подсыпку!» Это, знаете ли, уже сила...

Дед Крячок

По-хозяйски строят на Кубани животноводческие фермы. Отбрасывая дорогостоящие и, к слову сказать, не всегда пригодные типовые проекты, сельские строители сами пытливым ищут новые, облегченные конструкции, прикидывают, какие подручные материалы подойдут.

— И, знаете, получается! — говорит Ретивов.

Нехитрая, на первый взгляд, но и нелегкая задача — снизить в несколько раз стоимость новых животноводческих построек, а в существующих разместить скота на половину больше, чем сейчас, — явно увлекла кубанцев.

«Иначе нам никак нельзя! — говорили они. — Иначе как ты винничан, с которыми соревнуемся, обгоним, как с заокеанскими фермерами тягаться будешь?.. Есть у нас завидные головы в этом деле! — хвастали новотитаровцы. — Академики!»

Среди других имен мы услышали имя деду Крячка.

Кто из писателей и журналистов не опасается этих казачьих дедов! Михаил Шолохов, выдвинув в строители социализма своего знаменитого курошупа, страстного поклонника английского языка и вечного неудачника Щукаря, отрезал все пути и тропки к изображению колхозных дедов.

Но все же к деду Крячку нельзя было не поехать.

В стелу, у необычного в этих местах сооружения, похожего на каркас цирка шапито, отдыхали, покуривая, молодые парни. Был обеденный час, и молодежь из колхозной строительной бригады воспользовалась возможностью хоть ненадолго укрыться в холодке.

Дед Крячок, о котором мы спросили, подошел к нам неторопливой, спокойной походкой человека, уверенного в своей значимости и авторитетности. Кряжистый и крепкий, как, впрочем, и большинство стариков, живущих на степном приволье, он выглядел намного моложе своих семидесяти пяти лет.

— Михаил Семенович, — с достоинством отрекомендовался он и, лукаво сощурив глаза, добавил: — По фамилии Крячко. А то многие дедом Крячком прозывают по станичной привычке.

Ради первого знакомства полагалось закутить, но Михаил Семенович от папироски отказался:

— Не пользуюсь.

— Семенович свое здоровье оберегает, — пошутил кто-то. — У него жинка молодая. Да и девчат красивых вокруг полно.

— Жинка до двадцати пяти лет называется, а у меня уже баба, — отшутился старик. — А насчет девчаток... Только и того, что поглядишь: эх, славенький платочек!.. Правнук мой уже в седьмом классе.

Осмотр постройки, которой руководил Михаил Семенович, не занял много времени. Это был новый тип свинарника, круглого, с шатровой крышей. Здесь только узенькие простенки и невысокий фундамент выкладываются из кирпича, а широкие щиты, предохраняющие животных от ветров, стужи и зноя, изготавливаются из камышита.

— Тут хавроньюшке будет, как на курорте, — довольно сказал Михаил Семенович. — Воздуха много, простора много... Подними щиток и, пожалуйста, пользуйся!.. А главное, быстро и дешево...

Колхоз имени Калинина, в котором Михаил Семенович Крячок заправляет строительными

делами, строится энергично: уже возведены из кирпича замечательные птичники, коровники...

Задача обогнать штат Айова заставила строителей и животноводов Кубани смело внедрять метод группового и так называемого бесприязного содержания животных.

Свинарник, у которого мы беседовали с Крячком, заложен всего несколько дней назад и в самый кратчайший срок должен быть предоставлен колхозным животноводам.

Молочнотоварные фермы и полевые станы с женскими и мужскими общежитиями, электричеством, водопроводом, душевыми, кухней, столовой, клубом, телевизором, с просторными верандами и пышными цветниками — все это становится неотъемлемой частью кубанского пейзажа. И, думается, фермерам из Айовы, когда они получат фильм о Кубани, будет что посмотреть.

— Надо вот славенький клуб построить, мест на четыреста, — сказал нам Михаил Семенович Крячко. — Да вот беда: не достанем подходящего проекта... Чтoб и фасад был приличный и балкончики веселые.

— Ну, а как насчет соревнования с Америкой? — спросили мы Михаила Семеновича. — Есть уверенность, что в ближайшие годы догоним?

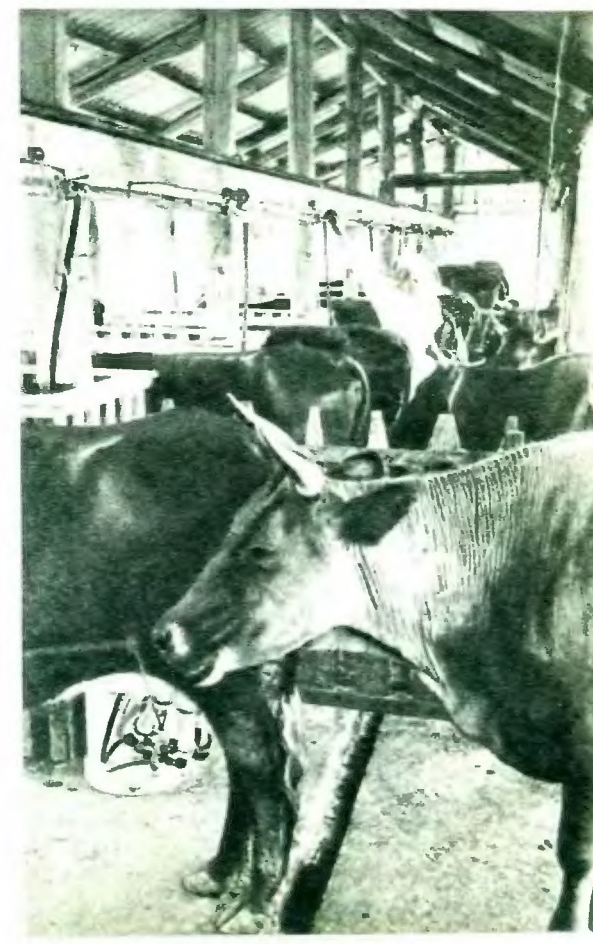
— Я в это с девятьсот пятого года верю, — твердо ответил старик. — А почему верю с того года, то, если есть охота послушать, поясню...

И он рассказал о своей судьбе, судьбе малограмотного казака из станицы Ново-Мышастовской.

В бурный революционный событиями 1905 год казачья сотня, в которой он служил в Киеве действительную, отказалась стрелять в восставших крестьян. Сотню разоружили, половину арестовали.

— Когда настала первая мировая война, оружие мне не дали, а определили на хозяй-

Колхоз «Память Ильича», Ново-Титаровского района. В «очереди» на дойку.

ственные работы. Там, на турецком фронте, я и пригнулся к разным чертежам строительным...

Где, к чему мог приложить талантливые руки строителя-самоучки Михаил Крячко, вернувшись в родную станицу? Строил церкви в станицах Роговской и Поповической. Выполнял мелкие заказы станичников. А когда его знаний и опыта потребовали еще неокрепшие колхозные хозяйства, Михаил Семенович с головой окунулся в новое для себя дело: строил в Ново-Мышастовской, Марьевке, Титаровке помещения для скота, общественные табачные сараи, участвовал в постройке двух больших школ.

— Строителем я себя полагаю с тридцать первого года,— заключил он и повторил:— А догнать Америку— это мы сделаем. Тут и вопроса нет. Только резину тянуть не надо. У нас, извините, такое бывает...

В абрикосовой посадке

Говорят, когда смотришь на молодежь, видишь будущее. Кого не беспокоили недавние времена, когда только-только оперившиеся ребята и девчата, окончив школу в родных станицах, всеми правдами и неправдами стремились в город?

Естественно, что и сейчас в деревнях многие школьники мечтают стать инженерами, но уже много юношей и девушек в своих самых романтических мечтах связывают свою жизнь с колхозом, МТС, совхозом. Во всяком случае, все шестнадцать человек бригады Вячеслава Тяпченко мечтают о профессиях, вполне подходящих для родного колхоза.

В эту необычную, учебно-производственную бригаду Ново-Титаровской школы мы приехали жарким полднем. Под горячими кронами полевых абрикосов, уходящих вдаль густой аллеей, стояли палатки с откинутыми полотнищами; под деревянным навесом около печки-мазанки хлопотала кухарочка.

Ребята представляются в порядке своего начального положения.

— Сева Тяпченко, бригадир, ученик девятого класса.

— Учетчик, тоже из девятого, Вова Угаров.

— Ковтун, перешел в седьмой. Конюх.

И так шестнадцать рукопожатий, то по-ученически опущенные, а то дерзко вскинутые глаза, ребячьи челочки над выгоревшими бровями и девичьи косички с бантиками. Садятся, как в классе, все разом и готовятся внимательно слушать.

— Что же вы здесь делаете?

Вопрос немного смущает «колхозников». Они переглядываются, затем все разом смотрят на своего преподавателя Анатолия Витальевича Кузьмина. Он пожимает плечами и, сдерживая улыбку, говорит:

— Почему молчите? Ну, что вы здесь делаете?

Тогда поднимается бригадир и, одернув рубашу, говорит баском:

— Работаем.

— Зачем? Вас заставляют родные, или, может быть, комсомольская организация, или правление?

Лица ребят становятся серьезными, они о чем-то перешептываются, и наконец с лавки поднимается стройная, худощавая девушка и говорит:

— Довольно смешно... Зачем нас будут заставлять? Просто я решила быть после школы телятницей и сейчас практикуюсь в этой профессии.

И, видимо, вспомнив, что надо представить, заканчивает:

— Валя Шматкова, перешла в девятый...

Спрашиваем, как они смотрят на соревнование Кубани с Айовой. Снова поднимается и одергивает рубашу бригадир.

— Нам говорят, что нам, мол, торопиться нечего, на нашу долю тоже достанется. А я думаю, что колхозу пора отвести для бригады определенный участок земли, тогда лучше будет.— Он помолчал, рисуя пальцем по столу, и пожал плечами.— А так что? Беремся своими силами вырастить для колхоза тысячу утей...

Из рассказов ребят мы узнали, что все они после окончания школы намереваются учиться заочно и работать в родном колхозе.

М. С. Крячко, бригадир строительной бригады колхоза имени Калинина, Ново-Титаровского района.

Каждый уже избрал себе дело: девочки Валя Омельницкая, Валя Шматкова и Варя Руденко второй месяц ухаживают за телятами на ферме, старые телятницы ими очень довольны; остальные ребята больше тянутся к технике.

В разгар нашего разговора из-за посадки выполз окутанный пылью трактор. За ним на прицепе тянулись культиваторы. Все ребята обернулись в их сторону. Воспользовавшись этим, Анатолий Витальевич подвинулся к нам и тихо сказал:

— На тракторе наш ученик Виктор Мыслевский, закончил десять классов и пошел в МТС, хорошие надежды подает, грамотный. На прицепе тоже наш— ученик девятого класса Витя Сиротин, учился на курсах при МТС, получил диплом тракториста. Для нас этот агрегат, как самое чудесное наглядное пособие...

В станицу Курганную

В станице Курганной, что издавна славилась знаменитой кубанской пшеницей, фруктовыми садами, а последние годы— крупнейшим свиноводческим хозяйством и молочными фермами, намечалась интересная встреча. Председатели колхозов и директоры совхозов собирались по необычному вопросу.

— Поговорят по-хозяйски, по душам, как думают обгонять Айову,— сказал нам секретарь крайкома партии Дмитрий Степанович Полянский.

За Краснодаром, миновав городские окраины, аэродром и совсем юные лесные посадки вдоль дороги, недавно покрытой асфальтом, автомашина помчалась навстречу пышущему жаром ветру.

...Отлогий песчаный берег у высокого деревянного моста, где наш водитель затормозил, был расцвечен пестрыми платьями и яркими косынками бойких молодых и девчат.

— Всеи бригадой прибежали купаться,— определил шофер.— Тут недалеко огородная бригада, так они, вишь, как те утки...

Статная чернобровая девушка, отжимая воду с развязавшихся кос, голосисто кричала усатому казаку, сумрачно наблюдавшему с повозки за бабьей кутерьмой.

— Дяденька Андрей, ще трошечки!

Усач только молча сплевывал.

Чернобровая, вдруг озорно сверкнув глазами, подкралась к толстенной, могучей молоднице и столкнула ее в мутную, быстро несущуюся воду. Та, визжа и фыркая, стремительно понеслась по течению.

— Эх, догоню-ю! — кинулась за ней чернобровая.— Утоплю-ю... Тикай шибей, Мотка...

Хмурый дядько Андрей, сидевший на возу, с неожиданным юмором крикнул:

— Ты ее попервах по мясу и салу догони!

— А вы, дядьки, чего стоите, посмеиваетесь? — крикнули из воды.— Раздвайтесь, плавать научим.

Это уже адресовалось нам.

— Над Кубанью быть да штаны не замочить?! — бушевали огородницы.

...Уже в сумерки, когда на широких улицах станицы Курганной свернули электрические

огни, наша машина остановилась перед зданием райкома.

Через дорогу, в станичном парке, гремел духовой оркестр; за могучими стволами деревьев, увитых разноцветными лампочками, мелькали танцующие парочки.

У райкомовского подъезда стояло десятка два «Побед», «газиков», «Москвичей». Распахнув дверцы кабин, чтобы хоть немного продувало, спали ошалевшие от дневной жары шоферы.

Мы заторопились на совещание.

— Э, нет! — решительно сказали нам курганские товарищи, едва мы стяхнули с себя пыль.— Придется уж командовать нам... Пока кубанского борща с дороги не покушаете, мы вас и в зал не пустим.

Пусть простят бедность красок, нищету пера нашего те, кто никогда не отведывал заправленного старым салом, сметаной и красным перцем кубанского борща!

Но на этот раз курганские молодницы подвинули нас не только яствами. Стол был сервирован и украшен с той безукоризненностью и изяществом, какие сделали бы честь первоклассному столичному ресторану на дипломатическом приеме.

— Да вам только иностранцев принимать! — воскликнул один из нас.

— А мы уже не раз их принимали,— с веселой улыбкой ответила хлопотавшая у стола тетя Нюра.— Были у нас чехи, японцы, приезжали американцы...

Есть порох в пороховницах

Вряд ли могли предполагать фермеры далекого американского штата Айова, что в душный июльский вечер в Курганском райкоме партии на совещании председателей колхозов, директоров совхозов и секретарей первичных парторганизаций название их штата часто произносились ораторами, когда они сравнивали цифры производства молока и

мяса в Америке и на Кубани на каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий.

Разговор начал секретарь крайкома КПСС Д. С. Полянский.

— Как же мы, кубанцы, будем догонять Айову? Есть ли у нас порох в пороховницах? Есть ли резервы?

— Та порох-то у нас есть... — заметил кто-то тихо и замолчал.

— И резервы есть! — громко произнес крупный, широкоплечий человек с вьющимися русыми волосами.

— Правильно, товарищ Москаленко, — подхватил Полянский, — есть резервы. И большие... Как считаете, Николай Григорьевич? — обратился он к сидящему в одном из последних рядов председателю колхоза «Кавказ» Табакову.

— А чего ж им не быть... Есть, конечно, — не очень охотно отозвался Табаков.

Секретарь крайкома чуть заметно улыбнулся. Он понимал, что у председателя прославленного колхоза сейчас не очень хорошее настроение. Вместе с секретарем райкома партии Сушковым Полянский перед совещанием побывал на свиноматках колхоза «Кавказ». Добротные постройки свиноматок, продуманно устроенные службы, выпасы и проточные мелкие пруды не могли скрыть от его глаза: большие возможности получения свинины в живом весе еще не используются.

— Есть резервы, Николай Григорьевич, — повторил Полянский и, уже обращаясь ко всему активу, сказал: — Я утверждаю, что Табаков, имея такое хозяйство, может дать уже в пятьдесят восьмом, а не в шестидесятом году по двести центнеров свинины на сто гектаров. Почему вы не пускаете разовых свиноматок в опоро? У вас же сотни свиноматок весом в шестьдесят — девяносто килограммов не покрыты! Разве не так?

— Так, — глухо ответил Табаков.

— А это уже резервы! Получите приплод и пускайте на мясо. Или у вас, как в том колхозе, где свиноматки в этом весе охоты не имели? Слышали о таком случае?

— Нет, не слышали...

— Было это в одном из колхозов, район не стану называть. Спросили свиначок, почему не покрывают свиноматок. «Та охоты у них нет», — отвечают... А когда крайком партии и крайисполком вынесли постановление, объявив, что за каждую покрытую свиноматку будут платить от тридцати до сорока рублей, что получилось? Сразу появилась охота у свиноматок.

В зале раздался смех. И Табаков, оглядываясь по сторонам, смущенно улыбался.

— Или вот вопрос: как фермы строить? У нас стали считать, что каждая ферма должна быть чем-то вроде Дворца культуры. Огромные деньги вгоняют в строительство. А между прочим, можно значительно дешевле. Без шпилей, знаете. Вот как в колхозе «Большевик», Ново-Титаровского района. Простейшие помещения, но экономные и по материалам и по месту... Все, что есть передового, должно стать достоянием всех. Возьмите вопрос о птице. Почему Каневский район откормил на мясо одних уток двести тысяч? А в этом году взял обязательство вырастить пятьсот тысяч. Правильно используются водоемы. С любовью к этому делу подходят. Почему Курганинский район отстает здесь? Знаете, бывает так: спросишь, как живете, как работаете? И вот отвечают: ничего живем, мал-мал поем, гуляем, на гармози играем, время остается — работаем.

— У нас инкубаторов не хватает, — подает кто-то голос.

— Если увидят, что мы серьезно к этому делу подходим, нам еще сто инкубаторов дадут, Курганинский район имеет большие резервы. Он должен занимать одно из первых мест в крае. Зачем ожидать шестидесятого года, если уже в пятьдесят восьмом году можно сделать многое? Мы ведь не просто решили обогнать Америку, а взяли обязательства обогнать штат Айова. Он считается в Америке самым передовым по сельскому хозяйству. Значит, нам надо шагать смелее, товарищи, и быстрее!

Разговор начался большой. На трибуну поднялся черноволосый человек в белом легком кителе.

— Наш колхоз в пятьдесят шестом году дал

двадцать четыре центнера мяса со ста гектаров, в том числе тринадцать центнеров свинины. В этом году дадим соответственно восемьдесят и шестьдесят два...

— А в следующем чем порадуете край, товарищ Смелов? — спросил Полянский.

— Вообще можно дать двести центнеров. Только вопрос в кормах. В них вся загвоздка. Приезжайте к нам в «Маяк революции». У нас восемь тысяч свиней на откормке. Красивая картина!

— Мы посадили семнадцать гектаров картофеля на корм. У нас считалось, что он не пойдет. А пошел. Большое это подспорье, — рассказывал Москаленко, председатель колхоза имени Калинина. — Мы сейчас перешли на лагерное содержание свиней. Приучили их жить в лесополосах под охраной электропастуха. На подкормку даем люцерну и сенную муку. Комбинируя корма, сможем дать сто центнеров на сто гектаров.

Когда Москаленко назвал эти цифры, все оглянулись в сторону Табакова. Москаленко лишь месяца два назад был избран председателем колхоза имени Калинина, распрощавшись с Табаковым и колхозом «Кавказ», где несколько лет был главным агрономом.

— Собираетесь обставить Табакова? — спросил секретарь райкома.

— Обставить не обставить, а перегнать попробуем, — сказал Москаленко.

Думы Михаила Дудко

На совещании в Курганной мы обратили внимание на Москаленко, пообещавшего перегнать Табакова. Решили поехать на хутор Свобода.

В районном центре нас предупредили: колхоз запущенный. И сейчас мы сочувственно спрашивали Федора Денисовича:

— Трудно вам здесь?

Но Москаленко сочувствия нашего не принял.

— Почему трудно? — ответил он, пожав плечами. — Конечно, не за легкой жизнью меня сюда послали. Запутанные дела тут были. В правлении колхоза никакой коллегиальности. Председатель все решал один... Даже теперь еще чувствуется, не хотят члены правления самостоятельно решать вопросы. С долгами вот рассчитались. Начислили раньше на трудодни сверх имеющихся 3 600 центнеров, а дать не дали, не было хлеба... И деньгами семьсот тысяч тоже не было... Была одна машина — продали, молоковоз — продали... На строительство людей со стороны нанимали. Пили еще здесь много... Пришлось решение на правлении колхоза принять, запрещающее принимать алкоголь в конторах и служебных помещениях...

Мы слушали, улыбаясь: как-то просто и, пожалуй, даже весело говорил Москаленко обо всем этом. Заметив наши улыбки, он сказал:

Ф. Д. Москаленко, председатель колхоза имени Калинина, Курганинского района.

— Да вы не сомневайтесь. Это все в прошлом. А земля здесь прекрасная... Если к ней руки приложить, — чудо, а не земля. Пользовались раздельной уборкой — первыми в районе хлеб сдали. Вот вам и отстающий колхоз! Главное, людей здесь много хороших. — И, заметив подходявшего к нам человека, добавил: — Вот поговорите с Михаилом Герасимовичем Дудко, наш главный механизатор.

Узнав, какие вопросы нас интересуют, Дудко ответил:

— Таиться не приходится, работы тут еще непочатый край! — И вдруг, загоровшись, предложил: — Хотите взглянуть на одну штуковину? Хлопцы смастерили. Это недалеко...

По пути Дудко говорил:

— Жаль, что в Америке побывать не довелось, в других странах я в войну кое-что поглядел. Литературу, которая опыт американских скотоводов описывает, имею. Всю ее собираю, и, что нам подходит, как говорят, берем на вооружение...

— Что же нам подходит?

— Поверите, сплю и во снах вижу малогабаритные косилки, чтоб и косили и тут же корм мельчили. Саморазгружающиеся тележки надо на каждую ферму. Знаете, сколько людей от зряшной работы высвободит! Что-то наша промышленность, не в обиду ей будь сказано, слабовато идет нам на подмогу.

С этим нельзя было не согласиться. Неви-

В летнем лагере взвешивают свиней. Колхоз «Маяк революции», Курганинского района.

данный рост животноводства, тысячи новых ферм, откормочных пунктов действительно потребуют бесперебойного водоснабжения, четкой транспортировки кормов, автоматизации таких трудоемких процессов, как приготовление кормов, поение, электродойка. Без самой широкой механизации немыслима подлинная культура труда животноводов.

— Вот, взгляните,— пригласил Дудко, когда мы подошли к механической мастерской.

На земле стояли разномастные железные бочки с самодельными трубами и приваренными к ним поилками.

— Для лагерного содержания свиней...— пояснил Дудко.— Вывозим на деревянных салазках куда-нибудь в посадку. Свинья, она ж не столько попить, сколько побултыхаться норвит. Где ей столько напасти воды! А тут она попьет вволю, ну а копыта в поилку не всунет.

Это было столь же незатейливое, сколь и умное сооружение.

— Нам, конечно, трудно это делать,— продолжал Михаил Герасимович.— Все старые бочки подобрали, с железом бедствуем... Говорят, механизация. Попробуй-ка достать насосы, трубы, вентиля! А ведь в крае своя промышленность, играючись, могли бы многое сделать...

«Увлеченность у всех существует!»

Еще накануне мы договорились с Федором Михайловичем Смеловым о том, что приедем рано утром к нему в Родниковскую.

В маленьком домике правления, казавшемся еще меньше оттого, что над ним навис строящийся Дворец культуры, уже щелкали счеты. Голубые ходики показывали начало шестого.

— Поедем в откормочный лагерь,— предложил Федор Михайлович.

Лагерь широко раскинулся неподалеку от станицы, рядом с кленовой посадкой. Белая деревянная ограда. Экономно сделанные каменные строения. Цементные прохладные полы. Посреди лагеря здание, из которого тянет кислото-сладким запахом,— там готовят комбинированные корма. В деревянных загончиках свинарки кормят своих подопечных. Около весов визг: в стадо попала чужая свинья. Здесь же стоит грузовик. По деревянным мосткам свиньи неохотно поднимаются в машину.

— Эти уже свой вес нагуляли,— говорит Кузьма Филиппович Еремышко — заведующий фермой.

Под шелестящими кленами, за врытым в землю столом, словно продолжается разговор, начатый в райкоме.

— В наш лагерь,— рассказывает Еремышко,— американцы приезжали, фермеры, в пятьдесят пятом году. Очень удивлялись...

— Ты лучше расскажи, Кузьма Филиппович, чем они здесь занимались,— улыбается секретарь райкома Сушков.

— Чем? Поначалу увидели колхозные журавли — защелкали фотоаппаратами. Босых ребятшек заметили — еще шибче стали щелкать: дескать, бедность какая, без обуви ходят. Мы, конечно, молчим: нехай забавляются, на то, видно, и техника им дана... Привезли их сюда, в лагерь, так, поверите, вытащить отсюда не могли. Понимают в свиньях, сукины дети...

— Чего же ты их ругаешь? — спрашивает Смелов.

— Это я в смысле одобрения, как специалистов. А совесть все же оказалась у них... Повытаскивали они ленты из фотоаппаратов, где ребятки наши засняты, и бросили те ленты на землю, засветили, значит, чтобы мы не обижались. А сами всю ферму начали нащелкивать. Понравилось им.

— Будет тебе хвалиться, Кузьма Филиппович,— прервал Смелов.— У нас тут дел еще дай боже! Обводнить надо тыщи полторы гектаров. Вода нужна, чтоб не только концентратами откорм вести — бахчевых больше засадить, картофеля. Свиньи эту пищу сами себе из-под земли достанут.

— Делов много, это правильно,— снова вступает в разговор Еремышко.— Но увлеченность у всех существует. Имеют люди задачу ясную: столько-то центнеров на столько-то гектаров. Вот важно что! Я так считаю, что мы к шестидесятому году свободно двести десять центнеров мяса на сто гектаров можем дать и шестисот — молока.

— К шестидесятому?

Еремышко не ответил на наш вопрос и посмотрел на председателя.

— Как с кормами решим, так и дело пойдет быстрее. А это верно, что увлеченность у всех есть,— сказал Смелов.

— А решите с кормами?

— Обязательно решим. Уровень нынче другой.

— Сейчас все в это дело вовлечены,— говорит Сушков.— Ночью придешь домой, а сынишка проснется, откроет глаза и спрашивает: «Папа, как у тебя с молоком?»

— А вы всегда ночью приходите?

— Да. Сына почти не вижу.

— А может, это неправильно? Надо же и почитать...

— На хорошие книги время находится. Шолоховскую «Судьбу человека» все прочли.

— Душевный рассказ, во всех бригадах читали, где громко, а где про себя,— сказал Еремышко.— Но то ж Шолохов! Знает нашу душу.

...Долго мы еще колесили по угольям колхоза «Маяк революции». Побывали возле кукурузы, женщины вилами укладывали ее в траншеи, а маленький трактор торопко приминал; заехали в сад, наполненный сладким запахом абрикосов и яблок; завернули в одну из бригад, где асфальтировщик (вот еще новая колхозная профессия!) Федор Корнеевич Касьяненко с женой Лидией Андреевной и сыном Виктором получали пшеницу на трудо-

дни. Но где бы мы ни были в этот знойный день, все время стоял перед глазами откормочный лагерь и слышались слова: «Увлеченность у всех существует». Хорошие слова были найдены Кузьмой Филипповичем Еремышко — именно увлеченности!

☆☆☆

Такова сейчас Кубань и ее люди. Мы не так уж долго были в этом благодатном крае, но все беседы с колхозниками, партийными работниками, специалистами сельского хозяйства утвердили нас в одном мнении: колхозная Кубань вышла на широкую дорогу и имеет все основания в самое ближайшее время догнать американский штат Айова по производству мяса, молока и масла. Сейчас на Кубани это подсчитано действительно «с карандашом в руках». В 1957 году, выполняя обязательства, кубанцы производят на 100 гектаров земли 72 центнера мяса и 268 центнеров молока и тем самым перегонят штат Айова по молоку за один год.

К 1960 году кубанцы по всем категориям хозяйств дадут 203 центнера мяса и 529 центнеров молока на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий.

За эти годы на Кубани значительно увеличилось поголовье коров, свиней, овец, будут выведены миллионы кур, уток, гусей, индеек. После посещения Советского Союза в 1955 году группой фермеров Соединенных Штатов декан одного из сельскохозяйственных колледжей У. Ламберт писал в журнале штата Небраска:

«Мы приехали в страну, мысленно подготовленные ко всему: рабскому труду, интригам и даже соляным копиям. Мы сами выбрали районы, которые хотели посмотреть, и наш основной маршрут был выработан в Вашингтоне с помощью наших властей. Однако учреждения и фермы, с которыми мы знакомились, были выбраны для нас русскими. Не обращая внимания на то, что было нарисовано в нашем воображении, я могу заявить, что во время нашего путешествия по России мы не увидели ничего, из чего можно было сделать заключение, что люди там несчастны или находятся накануне переворота. Везде мы встречали людей, которые, казалось, очень хотели хоть мельком взглянуть на этих странных людей из Америки и поприветствовать их. В Новороссийске, где причалил наш пароход, нас приветствовали буквально тысячи людей, и столько из них бросилось к нам с цветами, что капитан нашего судна, не говоря уже обо мне, побоялся спустить трап.

Русское приветствие, особенно в сельских районах, представляет собой церемонию, во время которой гостям преподносят хлеб и соль. У меня еще не было времени, чтобы понять точный смысл этого; но нам рассказали, что хлеб и соль символизируют чистосердечное пожелание здоровья и долгой жизни. Я получил столько хлеба, что мог бы содержать огромную семью, и столько соли, что смог бы называться старым, травленным волком...»

Что же, приветствия, которыми советские колхозники встречали американских фермеров, были, несомненно, искренни, они отражали миролюбие всего советского народа. Наш народ хочет жить в мире со всеми народами, в том числе и с американским.

Вызов тружениками Кубани штата Айова на соревнование в производстве мяса, молока и масла — знаменательное явление нашего времени. Оно прежде всего говорит о мирных устремлениях советского народа.

Декан Ламберт писал в своей статье: «Может быть, обмен сельскохозяйственными делегациями, носивший случайный характер, откроет путь к широким обменам. И я верю, наконец, что мы воспользуемся этой возможностью».

Раздумывая обо всем, невольно приходишь к мысли: а почему бы фермерам штата Айова, запросившим документальный фильм о Кубани, самим не приехать на Кубань и не пригласить, в свою очередь, к себе в гости кубанцев?

Мы убеждены, что такие встречи послужат делу мира, а сельскохозяйственный опыт, которым обмениваются фермеры Айовы и труженики Кубани, взаимно поможет нашим народам жить еще лучше.

Председатель колхоза «Маяк революции» Ф. Смелов беседует с колхозницами.

НА КУБАНИ

Фото А. НОВИКОВА.

В лугах.

На свиноферме колхоза «Кавказ».

Белые утки на птицеферме.

Заготовка силоса в полях: алфальфа растет.

Солнце встало над станицей Родниковской.

В СКОРОМ ПОЕЗДЕ

Маленькая повесть

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Около больного остались Клава и Мария Прокофьевна. Настасья Дмитриевна, стараясь не шуметь, занялась переселением девушки с русской косой, соседки Павла Ивановича, в свое купе.

— Может быть, и я могу быть полезной. Дочка Павла Ивановича не кого-нибудь—меня просила,—выставила свой главный аргумент девушка.

— Что вы! Профессор ни за что не позволит!—всплеснула руками Настасья Дмитриевна.— Поверьте мне: вам там просто нечего делать. Я, конечно, не врач, но я, дорогая моя, уже тридцать лет, как жена врача. Уж я-то знаю, что нужно больному: покой и никакой сутолоки.

— Но дочка просила меня.

— Никаких «но» и никаких «дочек». — отрезала Настасья Дмитриевна.— Лишние люди только волнуют больного... О господи! — неожиданно ахнула Настасья Дмитриевна, нечаянно глянув в зеркало.

— Что с вами? — испугалась девушка.

— Бигуди... — простонала Настасья Дмитриевна, растерянно хватаясь руками за голову.

— Ну и что же, что бигуди?

— Вот именно. Вот именно, ничего особенного. Это я к тому о них вспомнила, чтобы наглядно показать вам, дорогая моя, что значит быть женой врача. О себе забываешь. В таком виде к людям выходишь.

Это было произнесено тоном такого покорного и в то же время гордого самоотвержения, что девушка невольно притихла и послушно полезла на верхнюю полку.

В служебном купе, тесном, одностороннем и неудобном, врачи внимательно слушали профессора.

— Я считаю, уважаемые коллеги, случай очень гяжелым. У больного острый приступ кардиальной астмы. Больной нуждается в стационарном лечении. Необходимых медикаментов у нас нет, но и до Ленинграда осталось несколько часов. Что будем делать?

— Надо довести до Ленинграда. Установим дежурство. Потребуем на станции у железнодорожного врача кислород. Доведем,— сказал доктор в полосатой пижаме.

— А может быть, лучше все-таки сдаться его на стении в больницу? — осторожно предложил доктор с сизым носом.

— Если б была уверенность в том, что больной немедленно попадет в больницу, тогда, конечно, об этом стоило подумать. Но я боюсь, что до больницы он доберется не раньше рассвета, а то и совсем утром,— возразил профессор.

— Нельзя его в больницу, никак нельзя,— взволнованно заговорил проводник.— Он еще давеча убивался. «Худо мне,— говорит,— боюсь, совсем худо станет. У вас в поездах порядки жесткие: снимут—и в больницу. А мне нельзя в больницу, я там помру. Мне надо до дому доехать. Жена у меня там, волнуется. Я лучше в Ленинграде в больницу лягу».

— Да-а... Довезти надо бы,— задумчиво согласился профессор.— Одна беда: на железной дороге действительно свои порядки. Подождем станцию, несколько минут осталось.

В коридоре одиноко маячила седая кудрявая шевелюра доктора, одетого, как на прием. Он все время молчал и не вмешивался в споры.

— Что это вы, доктор, чаи не идете пить? Ваши все там.— Начальник хмуро кивнул в сторону служебного купе, откуда доносилось мерное позвякивание стаканов о подстаканники.

— Видите ли, я думаю, мне можно удалиться. Больной, так сказать, не-сколько не по моей специальности. Я пришел думать: если никого нет, тогда я как-нибудь...

— Вы, может, и не врач совсем? — подозрительно спросил начальник.

— Нет, нет, я врач. Поэтому и пришел. Только... как бы вам сказать? Я, видите ли, специальный врач. Ну, в общем гинеколог, по женским болезням, так сказать. Как видите, я здесь немного не к месту.

— А-а... — протянул обескураженный начальник.

Сегодня все как будто сговорились ставить его в тулик всяческими неожиданностями.

— Больной, конечно, не женщина... Но все же оставайтесь, раз уж пришли, может, и вы чем пригодитесь.

— Подъезжаем! — послышался возглас проводника.

Поезд замедлил движение. Павел Иванович схватил Клаву за руку и, едва переводя дыхание, зашептал:

— Не давайте им меня снять. Я соберусь... Я сумею... Мне надо до Ленинграда... Жена умрет от волнения... Прошу вас...

— Где больной? — резко прозвучал решительный женский голос. — В четвертом купе? Хорошо.

— У их там врачи есть, сестра медицинская и даже профессор,— заискивающе сообщил проводник.

Женщина вошла в купе.

— Доктор Крылова,— вставая ей навстречу, представилась Клава.— Приступ кардиальной астмы,— тихо добавила она.

Женщина-врач даже не взглянула на нее. Наклонившись над больным, пощупала его пульс.

— Носилки,— не оборачиваясь, приказала кому-то стоявшему в коридоре.— Закатите ему рукав.— Она быстрым, умелым движением надломил кончик ампулы, и, наполнив шприц, неторопливо ввела больному промедол и кардиамин.

Врачи, столпившись у двери, молча следили за решительными и точными действиями своего пришедшего из ночи коллеги.

— Граждане, пропустите санитаров с носилками, мы не можем задерживать поезд,— провозгласил начальник поезда.

Павел Иванович сжался весь, лицо его сморщилось, маленькие, затуманенные болью глаза запали, и откуда-то из множества складочек и морщинок глядели на врачей два черных расширенных зрачка с тоненькой голубоватой каемочкой. В них были и боль, и отчаяние, и испуг, и немая просьба, и где-то в глубине затаенная надежда.

Клава не выдержала взгляда этих глаз и, схватив железнодорожного врача за рукав халата, чуть ли не силой вытащила в коридор:

— На минуточку, доктор. Можно вас на минуточку?... — твердила девушка.

— Ну? В чем дело? — вырывая свои рукав из рук Клавы, спросила железнодорожница.

— Его нельзя снимать с поезда. Его надо довести до Ленинграда.

— Моя обязанность — снять больного с поезда. Есть правила, закон. Я не могу взять на себя ответственность за его жизнь, если он останется.

— Но я тоже врач, и я... я беру на себя ответственность за больного.

— А я этой ответственности вам не доверяю. Для меня вы только пассажир. Врачом будете у себя на службе.

— Послушайте, доктор,— ледяным тоном сказала девушка.— Есть же на свете еще и общечеловеческие законы. Больной просит, умоляет...

— Лена, пойдй, вмешайся. Там же две женщины собрались. Разве ты не знаешь: если у женщин дело пошло на принцип, они не договорятся,— зашептала Настасья Дмитриевна, подталкивая профессора в спину.

— Я профессор Овсянников. Мы все здесь врачи. Мы, разумеется, для вас просто пассажиры, но нас вон сколько. Видите ли, мы тут проконсультировались с коллегами и очень просим вас доверить нам больного. Мы установим дежурство, а вы нам поможете по своей линии.

Тщетно сдерживаемый стон донесся из купе.

— Но... вы слышите? — не сдавался железнодорожный врач.

— Вот именно. Я очень опасаясь, что боль-

ной умрет от одного только волнения, едва вы его положите на носилки. Да вы посмотрите на него! Одно ваше упоминание о носилках привело его в подавленное состояние.

Железнодорожница заглянула в купе. Из-под плотно сомкнутых век больного выкатились две крупные слезинки. Одна медленно текла по глубокой морщине на щеке, другая пересекла переносицу и повисла светлой каплей на кончике заострившегося носа.

Докторша стиснула зубы так, что на скулах нервно заходили желваки. Это, собственно, было единственным внешним проявлением происходившей в ее душе борьбы между необходимостью исполнить предписание служебной инструкции и нахлынувшим состраданием к больному, такому трогательно смирному и молчаливо умоляющему. С лица железнодорожного врача медленно, будто нехотя, сошло официальное выражение: инструкция не устояла.

— Хорошо,— решила она.— Доведем до Ленинграда. Вы слышите меня, больной? Поедете домой... Профессор, я протелеграфирую по всей линии, и на каждой станции вас будет встречать медицинский работник со всем необходимым. А пока возьмите, доктор, вот промедол, вот кардиамин,— повернулась она к Клаве.— Кислородную подушку принесут на следующей станции. И не думайте, пожалуйста, что общечеловеческая деятельность сердца присуща вам одной!

— Разрешите, коллега, позжать вам руку,— поспешно произнес профессор.

— С удовольствием,— усмехнулась женщина.— До свидания.

— А больной как же? Не возьмете? — уныло спросил начальник поезда.

— Больной поедет до Ленинграда.

— До свидания. Спасибо вам.

— Вы не беспокойтесь — доведем.

— Только кислород не забудьте,— заговорили, наконец, остальные врачи, провожая женщину к выходу.

Снова мчится в ночи поезд. Давно уже безмятежно спят его пассажиры, забыв о необычном ночном зове репрудуктора. Спят темные полустанки, только дежурные неторопливо выходят встречать проносившийся мимо скорый.

Ничего необычного не видят они в этом поезде: идет по расписанию, все как всегда... Не знают они, что за единственным освещенным окном мягкого вагона шесть человек ведут борьбу за жизнь седьмого. А на ближайшей станции, где у скорого будет остановка всего на три — пять минут, телеграфист принял необыкновенно длинную телеграмму. Девушка — медицинская сестра читает ее, беззвучно шевеля губами, старается запомнить каждое слово подробной инструкции, присланной железнодорожным врачом, той женщиной, что разрешила довести Павла Ивановича до Ленинграда. На раскаленных завитках электрической плитки в маленькой никелированной коробочке булькает вода: кипятится шприц.

В поезде врачи-пассажиры уже не бродят по коридору вагона. Теперь, когда они окончательно и официально приняли на себя заботы о больном, все стало на свои места. Есть больной, есть врачи, есть сестра, есть даже «дежурная комната» — служебное купе. Около больного постоянно дежурит врач, сменяемый через каждые полчаса.

Худая, с дряблой, сухой кожей рука Павла Ивановича лежит на коленях Марии Прокофьевны, а ее пальцы ни на минуту не отрываются от запястья больного: следят за каждым изменением слабого пульса. Иногда больной забывается на минуту, замирает, закрывает глаза, тогда для него пропадает представление о месте и времени. Ему кажется, что он дома и около него самая терпеливая, самоотверженная и любящая медсестра — его жена, — и ему хочется сказать ей, что все уже прошло, он скоро поправится, и пусть она не беспокоится и идет отдыхать. Он порывается встать. Но сил нет. Содрогаюсь от мучительной боли, сквозь молочный туман, застилающий глаза, Павел Иванович старается разглядеть склоненные над ним лица и видит врача и Марию Прокофьевну. И тогда он прижимает к своей груди, к тому месту, где бьется его больное сердце, руку Марии Прокофьевны и снова замирает, будто тепло этой руки дает ему покой и силы. Не будь у него этой опоры, не ощущай он постоянно прикосновения мягких, ласковых и уверенных рук, не вытерпеть бы боли, не выйти из обморока.

В служебном купе врачи неторопливо пьют

чай. Настасья Дмитриевна взяла в свои руки бразды правления «дежурной комнатой». Проводник Михалыч, покоренный ее безапелляционностью и напористостью, охотно сдался на милость победителя, довольствуясь обязанностями подручного.

Короче говоря, жизнь в вагоне вошла в нормальное русло, может быть, и необычное, в общем, для поезда, но это почему-то никому не приходило в голову. Казалось, все идет так, как должно.

Даже сердитый пассажир из купе Павла Ивановича, которого профессор еще с вечера назвал «волосатым», даже он сполз с верхней полки, куда его уложил Михалыч, и присоединился к врачам по части чаепития. Он ничего не говорит, только, шумно прихлебывая, пьет чай стакан за стаканом.

Так уж устроен человек. Ворвалось в плавное течение его жизни нечто необычное — он суетится, волнуется, стремится что-то срочно предпринять и часто делает все невпопад. Новые, сложные условия кажутся немислимыми, непреодолимыми. Он страдает, сердится, возмущается или, наоборот, останавливается в нерешительности. Но необычное принимает затяжной характер и становится обыкновенным — самой жизнью, — и каждый в ней незаметно для себя находит свое место.

Прошло еще два часа. В «дежурку» заглянул начальник поезда:

— Станция через пятнадцать минут. Может, снимем больного? Слышал, ему хуже стало.

— Кто это вам сказал, что хуже? — насупись профессор.

— Ваши вот в коридоре разговаривали, — смеялся начальник, искося поглядывая на доктора с сизым носом.

— Ему действительно очень худо. Если на станции не принесут кислород, трудно придется и ему и нам, — отозвался тот.

Доктор только что сменился с дежурства и был еще под впечатлением своей близости с тяжело больным человеком. Практика районного отоларинголога как-то не стесняла его до сих пор с таким неприкрытым человеческим страданием и болью.

— Врачи! Верь вам трудящийся человек. Собралась пропасть сколько специалистов, на целую клинику хватит, а сделать ничего не могут. Безобразие! — заговорил наконец волосатый дядя.

— Что вы сказали?! — обернулся к нему доктор в полосатой пижаме.

— Пожалуйста, выпейте еще стаканчик, вот сахар. — Настасья Дмитриевна поспешно подвинула стакан сердитому пассажиру.

— Что сказал, то сказано, — все же пробурчал он.

— Послушайте, кто вы, собственно, такой, и что вам здесь нужно? — рассердился профессор. — Вы мешаете нам работать, не лучше ли вам уйти отсюда?

— А вы кто такой, что меня выгонять?! Новое дело! Из своего купе выгнали, тут тоже спать не дают. Скажите спасибо, что я на все эти безобразия еще жалобы не написал. Новое дело! Перебудили весь поезд. Железная дорога выдает билеты всяким припадочным в одно купе с нормальными людьми, а медицина ни к черту не годится, — обозлился мужчина.

— Ну, знаете... — начал профессор и осекся: в дверях появилась Клава, бледная, растерянная, с расширенными, испуганными глазами.

— Что случилось?! — в один голос воскликнули врачи.

— Я... я шприц разбила. Что теперь делать?

— Ха, вот, полюбуйтесь — доктор: шприц разбила! А больной человек пропадай из-за нее! — позлорадствовал волосатый.

— Ничего, коллега, не волнуйтесь, всякое бывает, — ласково сказал профессор, не удостоив даже взглядом ворчливого пассажира. — Через десять минут станция, там нам помогут.

— Значит, так и не будем снимать больного? — безнадежно, заранее зная, каков будет ответ, все же не удержался, спросил начальник поезда.

— Конечно, нет, — пожал плечами профессор. — Пойдемте-ка лучше, батенька, встречать вашу железнодорожную медицину.

Проходя мимо купе больного, оба, и профессор и начальник поезда, невольно заглянули туда. Павел Иванович полусидел, откинув

назад голову и выпитив тяжело вздымающуюся грудь. Его ранее запавшие маленькие глаза теперь выкатились, и в них застыл ужас и безнадежность, и нечеловеческая боль острыми крючьями разрывала грудь.

— Плохо, а? Говорил, надо в больницу,— укоризненно покачал головой начальник поезда.

— Ничего особенного. Сейчас принесут кислород — и все наладится,— возразил профессор. Но где-то в глубине души и у него шевельнулось сомнение: «Может быть, действительно напрасно оставили? Если кислорода не принесут?... Да и поможет ли кислород? Тут надо что-то более радикальное».

Поезд еще шел, замедляя ход, когда на ступеньки вагона впригнула медсестра с двумя кислородными подушками в руках.

— Больной здесь? Спасибо... — Это начальнику поезда, подхватившему ее под руку. — В каком купе?

— Давайте подушки, скорее! — подбежала к ней Клава.

Девушки скрылись в купе больного.

— Он их обе за пять минут не успеет выносить, — задумчиво покачал головой начальник поезда.

— Почему именно за пять минут?

— Потому что стоянка только пять минут, и одна уже прошла.

— Это не беда. Оставим у себя подушки и поедем. Я сейчас все устрою.

— Как бы не так, — возразил начальник. — Поглядите-ка, эти вроде тоже не поладили.

Из купе Павла Ивановича вышла Клава, а за ней девушка, медсестра со станции. Лица у обеих расстроены. У Клавы рассерженное, у сестры — виноватое.

— Понимаете, женщину привезли — роженицу... Очень трудные роды... Замоталась с ней и забыла. Бывает же, что люди забывают, — печально жаловалась сестра Клавиной спине.

Клава раздраженно передернула плечами: — У медиков не бывает. Надо было помнить. Профессор, что будем делать? Она шприц забыла.

— Женщину привезли... Роды трудные, — безнадежно и жалобно повторила сестра, виновато поглядывая на профессора, и горько вздохнула: — И вот забыла. Что хотите со мной, то и делайте.

— Ничего. Шприц нам принесут на следующей станции. Главное, кислород есть, — успокоил ее профессор.

— Да нет же! — с отчаянием воскликнула девушка. — Шприц вам сейчас, теперь нужен! Я телеграмму получила, от доктора. Она приказала лекарство достать, очень-очень нужное. У меня его нет, аптека ночью закрыта. Я в городскую больницу ходила. Думаете, это так просто, да? Попробовали бы вы: три километра туда, три — обратно. Не на поезде, пешком. А ветер какой, с ног сбивает! А дождь!.. Все лицо нахлестало. Верите, и сейчас болит. И ноги... вот посмотрите, — девушка приподняла ногу и повертела ботинком, бесформенным от налипшей сырой глины. — А потом роженицу привезли, роды трудные, захопоталась и забыла. Маленький взяла, а большой забыла. Вам-то большой нужен, двадцатиграммовый. Вы не думайте: я пригодила, прокипяттила. Я еще успею, сбегаю. А лекарство я все-таки достала! — Девушка порывисто протянула профессору покрасневшую от холода руку: на ладони лежала маленькая остроконечная ампула со светлой прозрачной жидкостью.

— Эуфиллин! — обрадованно воскликнул профессор. — Вы понимаете, Клавушка, что это значит? Ай, какая вы умница, сестрица! Ах, какая душечка!

— А где глюкоза? Эуфиллин вводится на глюкозе? — спросила Клава.

— Глюкоза у меня в сумке. Все есть... — Светлые голубые глаза сестры светились неподдельным счастьем. Она только сейчас осознала всю необходимость своего нелепого ночного похода в поисках маленькой ампулки.

Профессор взглянул на часы: до отхода поезда оставалось меньше трех минут.

— Клавушка, вам известно, как вводится эуфиллин? Напомните-ка мне, коллега.

— Эуфиллин вводится обязательно на глюкозе, внутривенно. Вводить его надо в абсолютном покое, очень осторожно и мед-

ленно. Время — четыре — пять минут, — как на уроке ответила Клава.

— Вот, вот. Две осталось... Пять сестричке, пять — на вливание... Десять минут! — закончил свой подсчет профессор.

— Товарищ начальник! — позвал он начальника поезда. — Тут выяснилось одно обстоятельство, видите ли, там женщина рождает...

— Что-о? Кто-то еще и рождает? Ну, это уже знаете... Для одной ночи... — прямо-таки задохнулся начальник.

— Да нет, это не в поезде, на станции.

— Станция нас не касается, — успокоился он. — Выходите, сестра, выходите, не то уедете.

— Как же так?... Так и уедете? — Сестра растерянно переводила взгляд с начальника на профессора и потом почти умоляюще на Клаву.

— Подождите минуточку, — остановил ее профессор. — Товарищ начальник, необходимо задержать поезд на десять минут.

— Что вы? Наш поезд отходя не нарушал графика.

— Но это необходимо.

— Задержите, что же... пусть и график... во имя человека... — взволнованно поддержала Клава.

— Товарищ начальник, это очень нужно! Десять минут — совсем немного, — осмелела и сестра.

— Десять минут нашему Василию нагнать, что псу муху проглотить. Машинист опытный, первый класс, — неожиданно вмешался проводник Михалыч.

— Понимаете, товарищ начальник, мы долж-

ны ввести больному совершенно необходимое ему лекарство. Это нельзя делать при качке, при ходе поезда. Я вам потом объясню. Поторопитесь, уважаемый, задержите поезд, — решительно заявил профессор.

— Хорошо. Десять минут — и ни секундой дольше, — отрезал начальник. — И ты туда же, старик! — сходя на платформу, сердито буркнул он проводнику.

— Бегите скорее, голубушка, за шприцем, — торопит сестру профессор. — Бегите! Пять минут в вашем распоряжении — и ни секундой больше.

— Успею!

Удовлетворенно потирая маленькие пухлые ручки, профессор подошел к купе больного и с любопытством заглянул в раскрытую дверь. Его больше не мучили никакие сомнения. Долговязый доктор в полосатой пижаме с помощью Марии Прокофьевны давал Павлу Ивановичу кислород. Тот вдыхал жадно, чуть ли не захлебываясь, как человек, долгое время томимый жаждой и припавший наконец к спасительному роднику.

Неожиданно длинный доктор вместе со своим вечно двигающимся кадыком показался Леониду Петровичу очень симпатичным. Леониду Петровичу даже захотелось сказать ему что-нибудь приятное, но доктор сделал страшные глаза и указал на столик, где лежал разбитый Клавин шприц. Доктор провел ребром ладони у себя под горлом: шприц нужен до зарезу. Профессор добродушно помахал ему рукой: все будет в порядке.

— Вы решились задержать поезд? Смотрите, как бы не было неприятностей. — К профессору подошел седой щеголеватый доктор, тот самый, что по женским болезням.

— Сестра шприц забыла. Сейчас принесет.

— Как же это она? Спросонья, что ли?

— Что вы! Сестра — замечательная девушка! Вообще здесь, на транспорте, люди какие-то особенные. Возьмите хоть нашего начальника: задержал-таки поезд. Вы представляете, какие кошки у него на сердце скребут, страшнейшие, дикие. А задержал все же. А помните ту строгую даму, что хотела отобрать у нас Павла Ивановича? Так вот она по всей линии телеграммы разослала, обо всем подумала. А девушка эта, сестра, она ночью грязь ножками месила, а достала-таки нам эуфиллин. Ну, а шприц?.. Просто растерялась, бедняжка: тут мы подъезжаем, а тут на медпункт роженицу привезли.

— Вот шприц! — едва выговорила, вбежавшая в вагон запыхавшаяся сестра. — Делайте скорее вливание.

— Шприц вы нам оставите, — сказал профессор.

— Но я не могу...

— У вас разве нет другого?

— Есть, но...

— Вот и чудесно. Обратным рейсом и шприц и подушки — все привезет вам этот же поезд. — Профессор легонько похлопал девушку по плечу. — Спасибо вам. Бегите скорее, а то уедете с нами. Что без вас будет делать ваша роженица?

— Ну, батенька, сейчас мы вам такое лекарство дадим, что всю вашу хворь как рукой снимет, — торжественно заявил профессор Павлу Ивановичу, входя в купе. — Вот, коллега, возьмите и прошу вас поторопиться, времени у вас ровно пять минут. — Профессор широким жестом протянул долговязому доктору блестящую металлическую корбочку со шприцем и две ампулы: большую, с глюкозой, и маленькую, с эуфиллином.

— Может, вы сами, профессор...

— Нет, нет, увольте. Ваше дежурство, вы и действуйте.

Профессору очень хотелось хоть чем-нибудь загладить свою внутреннюю несправедливость к долговязому доктору.

Доктор осторожно надломил кончики ампул, неторопливо набрал шприц.

— Жгут!

Мария Прокофьевна ловко перетянула руку больного поясом от своего халата выше локтя. Шприц был в умелых руках: игла тотчас нашла едва заметную вену.

Все — и профессор, и Клава, и Настасья Дмитриевна, и седой доктор, и доктор с сизым носом, и начальник поезда, и проводник Михалыч, — затаив дыхание, следили за тем, как жидкость по шприцу медленно перелива-

лась в кровь больного. Клава обняла Павла Ивановича за плечи и прижимала его к себе:

— Тихо, тихо, дорогой, еще немножечко. Тихо, пожалуйста,— на ухо, как ребенку, шептала она.

Профессор глянул на часы. Оставалось четыре минуты, а шприц опорожнен только наполовину.

— Вы не сомневайтесь. Если чего... минутки три еще можно,— шепнул ему начальник.

Профессор, не оборачиваясь, отыскивал его руку и крепко пожал.

Поршень шприца достиг своего предела. Вливание окончено, и тут же раздался свисток. Поезд мягко тронулся. Единый вздох облегчения вырвался у всех участников и свидетелей этой в общем несложной, но такой необходимой для жизни человека операции. — Дайте больному еще кислород, и всем можно идти по домам. Через полчаса Павел Иванович будет спать блаженнейшим сном,— заявил профессор.

Поезд мчался уже не в ночи, а рассекая поднимающийся предзвездный туман. Шесть часов утра. Павлу Ивановичу действительно стало легче, и он незаметно уснул. Врачи разошлись. Только Мария Прокофьевна осталась в купе больного, устроившись на соседней нижней полке.

— Теперь можно и соснуть часок — другой,— заявил профессор. — Только, Клабочка, вам придется выполнить последнее поручение. Видите ли, деточка, наш уважаемый начальник поезда на меня страшно сердит. Смотрит грознее черной тучи. А я хочу быть уверенным, что в Ленинграде Павла Ивановича встретят с носилками. Поговорите вы с ним, а? Да вот и он сам. Идите, идите.

— Товарищ начальник, у нас к вам просьба, — несмело начала Клава.

— Что?! Еще задержать поезд?

— Нет, что вы! Просто мы хотели бы... Вы не могли бы сообщить в Ленинград, чтобы больного обязательно встретили с носилками?

— Это можно. Со следующей станции дам телеграмму.

— А раньше нельзя?

— У меня нет собственного телеграфа.

— Как же вы телеграфировали в первый раз о Павле Ивановиче?

— А тогда, товарищ доктор, я бросил записку дежурному на разъезде. То был другой случай, а это тоже другой. Нечего мне всю ночь по всей линии панику наводить!

— Телеграмму дадут. Все будет хорошо,— сообщила Клава, возвратившись в свое купе.

— Ложитесь спать, скорее спать. Я вам и постель приготвила, — сказала Настасья Дмитриевна.

— Не знаю, засну ли.

— Что это еще за дамские нервы у врача! Спать, спать и спать! — с нарочитой строгостью прикрикнул профессор. — Завтра явится к первому в вашей жизни началству. Откуда ему знать, что этой ночью вы начали вашу практическую врачебную деятельность? Или поторопитесь рассказать о ваших деяниях? — хитровато подмигнул он Клаве. — Я вот тоже до сих пор помню своего первого больного.

— Ленья, только сейчас рассказывать о нем ты не будешь. Ложись спать, — остановила его Настасья Дмитриевна.

И снова стучат колеса, выстукивая каждому что-то свое в такт мыслям.

«Все в порядке, все в порядке», — слышится начальнику поезда. Он подошел к служебному купе, из которого раздавались мощные храпы сердитого пассажира и дребезжание ложек в оставленных врачами стаканах.

— Чайку бы выпить, а, старик? — вспомнил начальник поезда первопричину, которая пригнала его в этот вагон.

— Нету, весь выпили, — развел руками Михалыч. — Сейчас буду титан затопливать да за заваркой к буфетчикам сбегать. К утру поближе и чаек будет.

— Ладно! Попьем в Ленинграде. Ты, смотри, не забудь инструмент взять у врачей и подушки: отдашь сестре на обратном пути. Пойду, скоро станция.

ПИСЬМА РОБСОНА В СЕЛО БАГАН

В далекое село Баган, Новосибирской области, идут десятки писем со штампом «международное». Письма адресованы... английскому клубу.

Что же это за английский клуб в Кулунде?

Сперва при средней школе был небольшой кружок английского языка. Ребята знакомились с английской и американской литературой, культурой и бытом англичан и американцев. Постепенно кружок разрастался, задачи его становились шире, возникли и международные связи, завязалась переписка с такими же клубами других городов нашей страны.

Часто пишет в Баган Алла Левитина из московского английского клуба школы № 112, радостной была встреча в Новосибирске с девочками клуба школы № 54. На областном фестивале школьников баганский английский клуб выступал с большим монтажом «Дети разных народов» и был отмечен дипломом лауреата.

Много друзей у сибирских школьников и за рубежом. Они шлют весточки из Бирмингема, Йоркшира, Ланкашира, из Новой Зеландии, из Сан-Франциско и многих других мест.

Но с особым нетерпением вскрывают ребята письма от Поля Робсона.

Знаменитый певец в своем первом письме писал, что «возможно, скоро наступит день, когда нам удастся всем вместе провести один из счастливых вечеров поэзии и песни».

Вместе с письмами в Сибирь приходят альбомы с пластинками Робсона, книги, брошюры, песни. В ответ посылаются в Америку и наши подарки. Ребята сделали стенд «Америка — Баган», где отражается вся эта многогранная связь.

Пять членов клуба, которому, кстати, уже исполнилось пять лет, стали участниками фестиваля в Москве. Они привезли с собой в столицу альбом с пластинками, который предназначался для американской делегации.

У членов клуба свой марш, в котором говорится:

Пусть вселенная очень велика,
Но друг друга находим мы сами.
И друзей узнаем мы всегда,
Хоть и тысячи верст между нами.

М. ПЛОТКИН,
педагог баганской средней школы.

Витрина в школе села Баган.
Фото С. Власовского

Живой герой бессмертной книги

В городе Грозном проходил вечер встречи старых большевиков с молодежью. Ветераны революции, герои гражданской войны рассказывали юношам и девушкам о славных и незабываемых годах борьбы.

И вот на трибуну поднялся седой человек с горящими, молодыми глазами. На груди старого большевика золотом сверкали ордена Ленина и Трудового Красного Знамени.

— Это Хрисанф Павлович Чернокозов... с какой-то особой теплотой и нежностью сказала наша соседка, студентка Нефтяного института, и добавила: — Да его весь город знает.

Чернокозов... Где же нам встречалась эта фамилия? Ведь если память не изменяет... в книге Николая Островского «Как закалялась сталь»...

...И вот мы беседуем с Хрисанфом Павловичем. Заговорив об Островском, он сразу оживает и с увлечением рассказывает:

— Знакомство наше с Николаем Алексеевичем началось в 1926 году. Было это в санатории № 5, в Старой Магесте.

Ну, и с первых же встреч крепко, как сына родного, полюбил Колю. Чем это объясняется? Наверно, тем, что боевая юность и горячая натура Островского были родны и мне: ведь и я в молодости немало хлебнул горя и рано приобрел «революционную борьбу».

Однажды я зашел к Островскому, поцеловал его, как обычно, и начал делиться впечатлениями о дороге. И вдруг замечаю: Коля плачет. «Не выку тебя, батя», — говорит. Тут я и узнал, что Николай Алексеевич потерял зрение.

— А потом, — заключает свой рассказ Хрисанф Павлович, — несколько лет я не мог приехать в Сочи. Но все равно связи с Николаем Алексеевичем не терял. Он прислал мне поздравительную телеграмму, когда меня наградили орденом Ленина. Когда вышел роман «Как закалялась сталь», я получил от Островского экземпляр книги с надписью: «Моему дорогому, любимому сыну».

Хрисанф Павлович умоляет, взволнованный находившимися воспоминаниями недавнего прошлого. Потом снова возвращается к беседе и говорит:

— Впрочем, о нашем знакомстве Николай Алексеевич рассказывал в книге «Как закалялась сталь». Да вот здесь, почитайте...

«Под тенью размашистых деревьев, в уголке террасы — группа санаторцев. За небольшим столом читал «Правду», тесно сдвинув густые брови, Хрисанф Чернокозов».

Чернокозов — член бюро крайкома партии и член правительства. Мучительный недуг сжимал его силы — гангрена ноги...

И далее в романе следует: «— Это и есть твой товарищ по комнате? — тихо спросила Жигирева Чернокозова и кивнула головой на коляску, в которой сидел Корчагин».

Чернокозов оторвался от газеты: лицо его как-то сразу просветлело.

— Да, это Корчагин. Надо, чтобы вы, Шура, с ним познакомилась. Ему болезнь понавытила палок в колеса, а то бы этот парнишка сгинул на тугих местах. Он из комсы первого поколения. Одним словом, если мы парня поддержим, — а я это решил, — то он еще будет работать».

Чернокозов подошел к этажерке и достал пачку писем. Вот что писал Николай Островский 15 мая 1933 года: «Милый мой Хрисанф Пав-

Н. Чернокозов.

лович! С глубокой радостью сегодня узнаю, что ты продолжаешь борьбу и что тебе не смогла вывести тебя из строя... Меня с тобой навсегда связала большевистская дружба, ведь мы с тобой типичные представители молодой и старой гвардии большевиков... Приветствую тебя, мой дорогой, горячо, как «сынишка» и друг. Помнишь, как ты писал в Москву т. Землячке? А я помню. Там были такие слова: «Я глубоко убежден, я верю, что товарищ Островский, несмотря на слепоту и полный разгром физически, может и будет еще полезен нашей партии».

Я с большим удовлетворением сообщая тебе, что твои и многих старых большевиков уверенность в том, что я еще возвращусь в строй, на передовые позиции наступающего пролетариата оправдалась.

Письма 33, 34, 35-х годов... Несгибаемым мужеством, неуязвимой верой в победу коммунизма дышат эти строки, написанные более двадцати лет назад.

— Да, такой вот он был, Николай Островский, — как бы подтверждая наши мысли, говорит Чернокозов, — сильный, непреклонный, влюбленный в борьбу и кипучую жизнь. Таким я и запомнил его навсегда.

Интересна и биография самого Хрисанфа Павловича Чернокозова.

Десятилетним мальчиком Чернокозов начал работать на шахтах Донбасса.

Во время революции 1905—1907 годов Хрисанф Павлович Чернокозов выполнял различные партийные поручения: распространял листовки и прокламации на рудниках, доставлял оружие.

В 1912 году Чернокозов вступает в РСДРП. Когда начинает выходить «Правда», он становится ее рабкором.

Активного участника трех русских революций Хрисанф Павлович Чернокозов избирался секретарем окружного комитета партии в Шахтах. Был он членом правительства УССР и РСФСР, председателем горсовета Грозного. И сейчас старый большевик деятельно участвует в работе Грозненской партийной организации. Давно мог бы он уйти на заслуженный отдых, но семидесятидвухлетний ветеран революции и по сей день работает директором дома отдыха нефтяников.

...Хрисанф Павлович поднимается из-за стола и подходит к открытому окну. Внизу, на проспекте, залитом огнями, кипит, переливается людской поток. Люди спешат в кино и театры, в ленторин и парки.

— Хорошо! — задумчиво говорит Чернокозов. — Ценить надо эту жизнь, завоеванную партией и народом!

Бор. ШАХОВИЧ

Гориз. Грозный.

Доброе слово

Эта книга называется «Большой оркестр». Но герои ее не музыканты, и события книги происходят не в концертном зале, а в одном из дворов Уфы. Здесь собираются мальчишки и девочки, дети башкир и татар, русских и украинцев. Все они разные, со своими привычками, со своими характерами. Только один из ребят имеет отношение к музыке. Это Исхандер. Он учится играть на скрипке и напоминает об этом всякий раз, когда нужно пустить в ход кулаки или заняться физической работой:

«— Мне нельзя... Понимаешь, пальцы...»

А вот Ахмадей. Этот задиристый мальчуган не очень заботится о своих пальцах. Но его драчливость искупается честностью и смелостью, готовностью помочь слабому.

Идеи многих игр возникают в голове Яши. Он начался разных книг, вроде «Лунная ночь и рыжая бородка», и знает, что клад надо искать только при лунном свете. Ему известно даже о том, «как командовали во время Бородинского сражения».

У девочек верховодит Фатыма. Смелая и решительная, она не боится даже Ах-

Анвер Бикчентаев. Большой оркестр. Повесть Детгиз, Москва, 1957. 150 стр.

мадея. Фатыма мечтает стать хорошим человеком: она помогает матери и соседям, достает учебники для больного мальчика. Ее беспокоит только одно: «Как узнать, что ты стала уже хорошим человеком?».

Но как ни различны голоса этого «Большого оркестра», всех ребят сближает стремление стать лучше и честнее, сделать свое доброе дело. К сожалению, это не всегда удается. Подводит слишком богатая фантазия. Задумали, например, избавить город от жары и провести арыки — открыли каналы, наполнили ближайшие канавы водой...

Не получилось «доброе слово» и у Мансура. Сына дворника. Никому из новоселов своего дома он так и не сумел сказать приветственную речь, которую так хорошо репетировал себе. «Не огорчайся, — говорит командант расстроенному мальчику. — У тебя еще будет много случаев, чтобы сказать людям доброе слово...» Эти окрыляющие слова обращены ко всем юным читателям. В них слышится голос самого автора, Анвера Бикчентаева, с таким задушевным юмором написавшего о нашей детворе.

Но книга А. Бикчентаева не только занимательна — она и поучительна в лучшем смысле слова. Книга учит ребят честности и упор-

ству, благородным идеалам нашего общества.

Писатель избрал удачную форму повествования: книга написана от лица Мансура. В тексте, известном читателю по журнальной публикации, Мансур просил А. Бикчентаева ничего не прибавлять от себя. Но писатель словно забывал об этом, и его рассказчик рассуждал порой взрослее своих лет. В издании Детгиза эти недостатки устранены. Интересное произведение башкирской прозы вышло на широкую дорогу. В этом двойная заслуга автора, сумевшего не только написать, но и перевести повесть на русский язык.

Н. СИМАКОВ

Народы — братья

В прошлом году в дни декады армянского искусства и литературы в Москве издательство «Айпетрат» в Ереване выпустило книгу «Дружба», в которой помещены воспоминания, статьи, очерки об армяно-русских культурных связях.

Составитель сборника Ашот Арзуманян в течение многих лет собирал этот драгоценный материал.

Книга имела большой успех. Сейчас этот сборник начинает вторую жизнь. Государственное издательство художественной литературы выпустило его к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Он значительно дополнен. В нем появились: отрывок из пушкинского «Путешествия в Арзрум», отрывок из «Ран Армени» Х. Абовяна, письма и записки Н. Огарева, А. Герцена, М. Бакунина, М. Налбандяна, статьи А. Луначарского, М. Горького, А. Толстого, С. Шаумяна, В. Брюсова, А. Анопова, Маризиты Шагинян, Галины Улановой и других. Это обогатило книгу. В ней можно найти высказывания крупнейших деятелей армянской культуры и науки о русских писателях, артистах, ученых, а также статьи и воспоминания выдающихся русских деятелей культуры, посвященные армянским писателям, художникам, композиторам, ученым.

В сборнике, естественно, большое внимание уделяется влиянию русской литературы на армянскую. Это чувствуется и в статье В. Брюсова об армянских поэтах, и в статье Н. Тихонова об Аветике Исаакяне, в заметках С. Зорьина о великих русских писателях.

Аветик Исаакян выступил

«Дружба». Статьи, очерки, воспоминания, письма о армяно-русских культурных связях. Издание второе, дополненное. Гослитиздат, Москва, 1957. 718 стр.

с высказываниями о выдающихся русских литераторах. Они представляют большой интерес. «Горький — цельный человек, — пишет Исаакян. — Слово и дело для него были неотделимы. Он был писателем-борцом, неутомимым деятелем и пропагандистом... Подобно сердцу Данко, будет вечно пылать его слово и воодушевлять все человечество, освещая путь к коммунизму».

Очень тепло высказывается Исаакян о Шолохове: «По-моему, Шолохов — самый блестящий писатель великой эпохи Октябрьской революции... Как настоящий мастер, он пишет уверенно, искренне, не изменяя своей

совести... Все, что создано этим удивительно цельным, ясным, мудрым писателем, пронизано огромной любовью к человеку, к жизни, к правде, сдухотворено великими идеями, носит на себе печать неисчерпаемого гения подлинного художника...»

Нет возможности перечислить все статьи, опубликованные в «Дружбе».

Невольно возникает мысль: а почему издательства других союзных республик не издают подобных книг? Они, несомненно, помогли бы культурному развитию всех народов СССР, их сближению и дружбе.

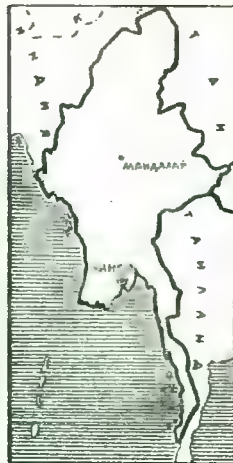
М. МЕРЖАНОВ

И. П. Павлов и Л. А. Орбели. 1932 год.
А. А. Спендиаров и А. К. Глазупов. 1910 год.

БИРМА, 1957 ГОД

Генрих БОРОВИК

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Желтый «джип» и его хозяин

Путешествовать по Бирме мы начали на Первой Мещанской улице в Москве. В большой гостиной бирманского посольства была разложена на полу подробнейшая карта Бирмы, и посол этой страны в нашем государстве У Чин, взяв в руки указку, за какой-нибудь час совершил вместе с нами воображаемую поездку по своей родине, занимающей территорию чуть ли не втрое больше Англии.

— Ну, а подробный маршрут вы обсудите в нашем Министерстве информации, — сказал посол. — Там вам помогут всем необходимым. Пожалуй, я дам вам рекомендательное письмо моему дяде — министру информации Такин Чит Маунгу. Оно вам не помешает...

В Министерстве информации Бирмы мы познакомились с сотрудником министерства У Тейн Ханом, который будет сопровождать нас. У Тейн Хан — очень худой, очень высокий и очень строгий на вид человек лет сорока пяти, одетый в клетчатую юбку — лонджи — и белую рубашку с длинными рукавами. Строгое выражение лица усиливали большие очки в черной оправе.

— Советую вам взять с собой по термосу для питьевой воды и постельное белье, простыни и наволочки, — сразу приступил к делу У Тейн Хан. — Ночевать придется в разных местах, не везде есть гостиницы. Ц-ц-ц! — Он сокрушенно покачал головой.

Через несколько дней рано утром на самолете бирманской компании ЮБА мы вылетели на север, в город Мандалай.

Представьте себе ощущение человека, которого посадили в металлический ящик, закупили надежно и затем начали медленно подносить к огню. Именно так чувствовали себя мы, подлетая на самолете к Мандалаю и спускаясь на его аэродром. Ящиком в данном случае был самолет, а пламенем — одно из самых жарких мест в Бирме, Мандалай.

— Ц-ц-ц-ц! — произнес У Тейн Хан восторженно. — Ну и жара!

Он вынул пузырек с какими-то таблетками и положил в рот пару зеленых таблеток.

— Витамин В, — объяснил он. — Необходимо тонизировать организм, иначе невозможно работать.

В тот день мы прочли в газете, что такой жары мандайцы не знали уже восемьдесят лет, что дожди катастрофически запаздывают, что в ближайшие дни женщины будут устраивать религиозные танцы и песнопения, чтобы вызвать дождь. «Все религии, — было написано в газете, — примут соответствующие меры, чтобы ускорить начало сезона дождей».

По программе, выработанной в Рангуне, мы должны были рано утром трогаться в дорогу до Мьиткины. Предполагалось, что автомашину мы найдем в Мандалае и на ней проделаем все путешествие в тысячу миль до Мьиткины и обратно. «Паблик ре-

лейшнз офисер», чиновник муниципалитета, встречавший нас, обещал помочь в этом деле.

Через два часа к зданию местного отделения Министерства информации подкатил юркий «джип», выкрашенный в веселую желтую краску. Из него вышел молодой парень и, позванивая ключиками на цепочке, подошел к нам.

— Вот этот шофер повезет вас, — сказал чиновник. — Он просит шестьсот джа¹.

Парень жизнерадостно улыбнулся.

Мы сели в машину, чтобы заехать в магазин — купить консервов и хлеба на дорогу. Даже беглого взгляда на нашу колесницу, ржавые части которой были соединены обрывками бечевки и проволочками, достаточно было, чтобы понять: тысячу миль на ней можно проехать только в мечтах. Шофер нажал стартер. Он не действовал. С небрежной улыбкой парень вылез из машины и завел мотор ручкой. После этого он сел на место и включил первую скорость. Что-то заскрежетало у нас под ногами, но машина — ни с места. Стараясь не смотреть на нас, парень еще несколько раз переводил ручку и выжимал сцепление. Наконец машина двинулась и благополучно одолела три или четыре квартала. Возле магазина парень сделал попытку затормозить. Но тут-то было: «конек-горбунек» мчался вперед, не желая слушаться своего хозяина. Только после того, как шофер всадил в него шпоры, раз десять нажав на тормозную педаль, «конек-горбунек» остановился.

Мы поблагодарили, вылезли из машины и пошли обратно, в зда-

ние отделения информации отказываться от «джипа».

— Первая скорость не включается, — объяснили мы, — тормоз не работает, даже сигнал заедает.

Чиновник перевел погрузившему шоферу наши претензии.

— Я очень опытный шофер, я уже два года, как имею машину! — запальчиво заявил тот. — Я гарантирую вам, что поездка будет без единой неприятности. Дайте мне половину суммы в задаток, и завтра утром машина будет как новенькая! Я все отремонтирую! Это пустяки.

Чиновник сказал нам тихо:

— Парень будет очень горевать, если вы откажетесь. Не каждый день он может рассчитывать на такой заработок. Это его собственная машина. Откуда ему было купить новую? Рискните, раз он гарантирует...

Рано утром на другой день машина была подана к подъезду отеля. В ней сидело два человека.

— Я взял с собой младшего брата, — объяснил с прежней веселой улыбкой шофер. — Он будет мне помогать, если что. И, кроме того, мы с ним вдвоем поем песни. Без него мне было бы скучно.

Мы попросили парня показать, что он успел отремонтировать. Шофер гордо указал рукой на передок. Там были прикреплены два великолепных ярко-красных клаксона, взятых, очевидно, с какой-нибудь пожарной машины.

— И это все? — спросили мы.

— Остальное я гарантирую, — с достоинством ответил шофер.

Мы увязали багаж, сели в машину и, предчувствуя недоброе, тронулись в путь. Возле магазина с хозяйственными товарами водитель остановился и купил пачек десять мыла.

¹ Денежная единица в Бирме, равная 84 копейкам.

— Зачем столько? — удивились мы.

— Он говорит, на всякий случай, — перевел У Тейн Хан, — замазать дырку, если потечет радиатор.

Свадьба

Наш путь лежал на северо-восток. Мы должны были через город Маймьо добраться до столицы одного из северных шанских княжеств, Лашио, провести там несколько дней и затем продолжать путешествие на север вдоль бирманско-китайской границы, через города Мусе, Бамо, по территории Качинского национального государства и добраться до города Мьиткыны.

— Мы едем в те места, — сказал У Тейн Хан, — куда во времена английского владычества мы, бирманцы, не имели права въезда. Англичане просто закрыли эту часть страны для нас, назвав ее стратегически важным районом. Ц-ц-ц!.. — Он протер очки платком. — Это действительно стратегический район: здесь проходит граница с Лаосом, Таиландом и Китаем. Но, кроме того, это еще и самый здоровый район Бирмы — горы, прекрасный климат. Англичане неплохо проводили здесь время...

Было воскресное утро. Нас то и дело обгоняли легковые машины, полные нарядных пассажиров: состоятельные бирманцы спешили вырваться из мандайской жары и провести воскресный день в горах в курортном городке Маймьо.

Мы отъехали от Мандаля километров семьдесят, прежде чем встретили средство транспорта, двигавшееся медленнее, чем наше. Это был маленький легковой автомобиль. Трое молодых бирманцев толкали его, упершись руками в заднюю стенку.

— Куда держите путь? — участливо спросил наш шофер.

— На свадьбу, — мрачно ответили трое.

— Поспешите как раз к серебряной, — не удержавшись, съязвил младший брат.

Двое франтовато одетых бирманцев уселись в наш «джип», третий остался сторожить машину. Они оба оказались военными, офицерами бирманской армии. Их часть стояла здесь на маневрах, в деревне Томбо. Там есть чудесная девушка Ма Муа Тин, а у них в роте — капрал Ко Тейн Маунг, тоже замечательный парень. Маневры длились долго, очень долго — целый год, вот им и хватило времени полюбить друг друга. Ее родители дали согласие. Родные Ко Тейн Маунга далеко, они не могли приехать посмотреть на невесту. Но вся рота написала им письмо и поручилась, что девушка очень хорошая и любит своего капрала без памяти. Под натиском стрелковой роты родители жениха не устояли и прислали письменное извещение о своей капитуляции. Ну, а потом, как полагается, астрологи определили день, когда надо устраивать свадьбу. И вот сегодня с утра празднуют. Свадьба здесь недалеко — миль шесть, не больше, прямо у дороги. Там построили из бамбука и циновки специальный домик для свадебной церемонии.

— Вы обязательно должны пойти туда с нами! Побывать в Бирме — и не увидеть настоящей национальной свадьбы? Это недопу-

стимо! Мы офицеры, вы должны нам подчиняться!

О приближении к месту праздника мы узнали по громовым звукам небольшого оркестра, усиленным в несколько раз металлическим репродуктором. Оркестр был, должно быть, военный: он играл одни только марши.

Стены домика изнутри были разрисованы упитанными купидонами с луками и колышущимися знаменами. Художник, видно, старался угодить и жениху и невесте.

— Мы знаем, что люди из России — наши друзья, — обратился к нам жених-капрал после того, как нас представили. — Поэтому мы будем рады, если вы примете участие в нашем празднике. Садитесь за столик и будьте как дома.

Бирманская пословица гласит: «Монах хорош, когда тощ, буйвол — когда жирен, мужчина — когда умен, женщина — когда замужем». По древним бирманским обычаям женитьбе или замужеству предшествует долгий период «познавания друг друга». Если юноша хочет жениться на девушке, он сообщает об этом своим родителям. Те идут в дом к избраннице и разговаривают с ее отцом и матерью. Если у старших нет возражений против брака, молодые начинают вместе вести хозяйство. Но это еще не начало брачной жизни. Это и есть период «познавания». Если за два-три года юноша и девушка обнаружат, что чувства их не изменились, что они подходят друг другу, тогда начинается разговор о свадьбе.

Брачная церемония не носит никакой религиозной окраски, в ней не принимают участия монахи. Женщины после брака сохраняют свою независимость: не меняет имени, за ней остается ее имущество, которое она получает в случае развода, она в семье равноправна с мужем хозяйка. В этом смысле древние бирманские обычаи гораздо прогрессивнее, чем современные законы некоторых европейских государств.

— Вы видите, на этот раз не все обычаи соблюдены, — объясняли нам друзья-офицеры. — Но мы думаем, что брак будет счастливым — ведь целая рота взяла его под свою опеку!

Тем временем на земле постелили циновку. На нее, поджав ноги, сели молодые. Перед ними цветы, фрукты, кокосовые орехи, табачные и пальмовые листья. Все это должно символизировать достаток и мир в будущей семье. Сзади стоит этажерка с подарками: металлические судки, зеркало, чайный сервиз и прочие необходимые в хозяйстве вещи. Всей церемонией управляет толстая тетка невесты. Ее покорно слушаются виновники торжества, родители и гости. Посидев некоторое время на циновке, жених и невеста соединили руки ладонь к ладони, и кто-то из друзей жениха перевязал их цветной лентой. Затем он взял несколько цветов из вазы и побрызгал на молодых каплями воды со стеблей — чтобы семья была плодотворной.

— Ну, вот и все, — пояснили офицеры. — Сегодня ночью мы, друзья жениха, будем кидать палки и камни на крышу дома, где собираются ночевать молодожены. И не оставим их в покое, пока

капрал не откупится от нас деньгами или подарками. Это дорого обходится — покидать друзей! — со смехом закончили офицеры.

Нам надо было спешить: до Лашио следовало добраться до наступления сумерек. Мы пожелали молодым счастья и уехали, провожаемые бодрими звуками военного марша.

В Лашио не доверяют иностранным журналистам

— Теперь все зависит от комиссара, — сказал нам У Тейн Хан и многозначительно поднял палец вверх.

— Что именно зависит? — не понял я.

— Ц-ц-ц-ц! — У Тейн Хан с сожалением покачал головой. — Дальше дорога идет вдоль границы, совсем близко. Туда пустили один раз американского журналиста, а тот оказался шпионом, собирал стратегические сведения. С тех пор комиссар Лашио не пускает сюда иностранцев. Недавно просили разрешения два английских журналиста — комиссар не разрешил, отказал. А не очень давно была здесь одна американка, тоже журналистка — она приехала в Бирму как гость правительства, — и все равно комиссар не разрешил ей ехать вдоль границы в Мьиткыну... Так что все зависит от него. Если откажет — вы не должны обижаться, потому что, сами понимаете, пограничная зона, — придется возвращаться. Ц-ц-ц-ц!

Мы приуныли. Возможный отказ комиссара нарушил бы весь план, с такой тщательностью составленный в Министерстве информации, и лишил бы нас очень интересной поездки.

Утром комиссар был занят и не мог нас принять. Он проводил совещание административных работников всего района. Помощник комиссара, двадцативосьмилетний шан Тун Лвин (Лашио находится на территории Шанского государства), вызвался показать нам город.

Лашио, расположенный на склоне холма, очень чистенький, аккуратный городок.

— Мы не очень много построили за эти десять лет, — объяснял молодой помощник комиссара, лихо ведя машину по улицам, довольно правильно распланированным. — Программа строительства у нас была большая, однако не так-то просто привести ее в исполнение. Но кое-что есть.

Он остановил машину возле нескольких больших каменных зданий за деревьями, пламенеющими яркими цветами.

— Это госпиталь. Он существовал и раньше, но правительство расширило его, построило новое здание...

Тун Лвин снова тронул машину.

— Вот первый в Лашио широкоэкранный кинотеатр. Всего кинотеатров в городе три. Все три — частные...

А это вот здание строит правительство, — продолжал наш провожатый. — Оно предназначено для общественных нужд: здесь будут происходить митинги, собрания, можно показывать кинофильмы. Здание будет готово в следующем месяце.

Несколько минут Тун Лвин молчал, пока машина, выйдя за пределы городка, шла по ухабистой дороге. Затем, остановившись на берегу искусственного озера, помощник комиссара с гордостью сказал:

— Водохранилище! При англичанах только небольшая часть жителей города снабжалась водой. Остальные бедствовали. Мы построили это водохранилище. За период дождей сюда набирается вода. Ее хватает на всю зиму.

На берегу стояла небольшая землечерпалка, люди в одежде серого цвета копали землю.

— Армия помогает, — объяснил помощник комиссара.

...Правительственный комиссар, Сао Хом Хпа, пожилой человек с седыми волосами, подстриженными ежиком, в больших роговых очках, принял нас в своей резиденции вечером. Вначале разговор зашел о делах района.

— Больше всего мы сделали в области медицины и образования, — медленно подбирая английские слова, говорил комиссар. — Мы избавились от малярии — это для нас очень важно. Построили в районе двести школ

Жених, невеста и родственники на свадьбе.

на тридцать тысяч учащихся. При англичанах школ было в десять раз меньше. Учились в них шанские дети, а основной язык был английский. Сейчас дети обучаются на родном языке. Школы все начальные. Число учащихся быстро увеличивается, и это создает затруднения с кадрами педагогов. В этом нам, Шанскому государству, очень помогает собственно Бирма. Посылаем свою молодежь учиться на педагогов в Рангун, в Мандалай, Мергун.

Мы попросили комиссара ответить на вопрос, касающийся автономии Шанского государства. Известно, что, согласно бирманской конституции, это автономное национальное государство имеет право выйти из Союза по своему желанию, после исполнения десятилетней годовщины независимости Бирмы, то есть 4 января 1958 года.

— Видите ли, — ответил комиссар, помедлив. — После достижения Бирмой независимости шансы впервые почувствовали себя свободными и равноправными с другими народами. Как вы знаете, у шанов свои государственные совет, свои министры. В то же время мы связаны с Бирмой исторически, объединены не только формально, но и экономической, культурой, религией. Отделение Шанского государства было бы невыгодно ни тому, ни другому народу. Отделить нас друг от друга мечтали и мечтают только те, кому выгодно иметь дело с разрозненными, слабыми государствами.

Пришло время задать комиссару последний вопрос: получим ли мы его согласие на поездку в Мьянмину на автомобиле?

— У меня нет причины не доверять людям из Советского Союза, — ответил комиссар. — Вы можете ехать.

Уже возвратившись из Бирмы, я узнал о провокационных попытках американцев внушить политическим деятелям Шанского государства мысль о выходе из Бирманского Союза после 4 января 1958 года.

Да, видно, у комиссара Сао Хом Хпа были серьезные основания не доверять некоторым иностранцам, путешествующим по Шанскому государству...

Это естественно

Глушитель отвалился на второй день нашей поездки. Под «шумок» выхлопной трубы начали постепенно выходить из строя другие части машины. Коробка скоростей отказала на десятой миле от городка Мусе. Мы важно скатились с горки на нейтральной скорости, а затем свое нравный «конек-горбунок» стал брыкаться. Следуя законам инерции, он еще двигался несколько метров, потом замер, уткнувшись колесом в дорожный камень на полпути между Мандалаем и Мьянминой.

Оба — шофер и его помощник — нырнули под машину. Оттуда донеслось вначале пение, потом певцы замолчали, еще чуть позже начали тихонько переругиваться. У Тейн Хан достал заветную баночку с витаминками. Мы поняли, что дело плохо. Вблизи не было населенных пунктов.

Первая же проходящая машина остановилась по собственному почину. Шофер вылез из кабины и молча полез под желтый «джип» к двум братьям, потом вылез и принялся что-то разбирать в коробке скоростей. Четыре шофера с четырех последующих машин проделали то же самое. Скоро вдоль дороги выстроилась целая колонна грузовиков. Каждый считал своим долгом помочь товарищу, попавшему в беду, советом и делом. Но дело не двигалось. Что-то безнадежно заело в коробке — ее надо было менять. И тогда пятеро шоферов предложили отвезти нас в ближайший городок Мусе, хотя никому из них он не был по пути. Мы долго отнекивались, однако выхода не было, пришлось согласиться.

У кого-то оказались родственники в Мусе, и те с радостью представили свой дом бирманскому чиновнику, двум бирманским шоферам и двум советским журналистам, оказавшимся в затруднительном положении. Все это делалось просто и естественно.

Когда наутро мы собрались было предложить деньги гостеприимным хозяевам за обед, завтрак и ужин, У Тейн Хан отозвал меня в сторонку и сказал:

— Вы, конечно, можете пред-

ложить им деньги, но имейте в виду, что это будет для них самое большое оскорбление. Ц-ц-ц!.. Они просто помогли людям в беде. Это полагается...

Как-то мне пришлось читать книжницу некоего Джона Л. Кристиана, американца, который много лет прожил в Бирме и, считаясь специалистом по вопросам Юго-Восточной Азии, был даже профессором восточного факультета в Вашингтоне. В книжнице этой, называвшейся «Бирма», он писал: «Бирманцы удивительно равнодушны. «Это — его дело, — сказал бы каждый из них со смехом, если бы сосед попал в затруднительное положение. — Это его дело! Какое отношение оно имеет ко мне?» Ссылаясь на какого-то неизвестного писателя, Джон Кристиан полностью соглашается со следующими его словами: «Вы можете покушаться на самоубийство в Бирме, и никто не остановит вас. «Это — ваше дело, — скажет бирманец, — почему мне нужно вмешиваться? Что мне до этого?»

«Чтобы понимать, надо любить», — гласит бирманская пословица.

Джон Кристиан ненавидел бирманский народ, поэтому он и клеветал на него.

Фотокарточка на стене

Дом, в котором мы остановились, принадлежал двум братьям — владельцам маленького магазина, торгующего всякой всячиной в центре городка. Дом был двухэтажный, из гиха — дерева удивительной прочности. Первый этаж разделен на две комнаты деревянной перегородкой, окрашенной в белый цвет: здесь хозяева принимают гостей, занимаются делами, едят, отдыхают, проводят дневное время. Второй этаж представляет собою большую, ничем не перегороденную комнату, в которой стоят деревянные, тоже тиковые, кровати, зеркало, сундук с вещами. Это спальня.

Мы сидим внизу и пьем чай из маленьких китайских чашечек. Наши хозяева — бирманцы, но в доме много китайских вещей. Эти вот чашечки, веер в руках у хозяйки, покрывало на подушке, картинка с китайскими рисунками на стенах, большой портрет борца за независимость Бирмы генерала Аунг Сана, вышитый на шелке искусными руками мастеров из китайского города Ханчжоу.

Видя, что я обратил внимание на эти вещи, хозяин объясняет: это из Китая — и показывает рукой на восток, где в нескольких километрах от городка по реке проходит граница между Бирмой и Китаем.

Среди рисунков я вижу фотокарточку — группа людей в строгих темных френчах идет по мосту. Их приветствует собравшийся вокруг народ.

— Это китайская делегация дружбы переходит через границу, — объясняет наш хозяин. — А бирманская делегация ходила к ним, в Китай, тоже по этому мосту. И китайцы на той стороне их так же хорошо встречали, как мы. Только у меня нет такой карточки.

Я рассказал хозяину дома о том, как год назад в Китай приезжал У Ну и как тепло и искренне его встречали китайцы.

— Вы сами это видели? — спросил бирманец.

— Да. В Пекине в большом зале геагра был устроен митинг бирмано-китайской дружбы. Там было не меньше двух тысяч человек. Разные люди: и рабочие, и бывшие капиталисты, и представители интеллигенции, очень много было молодежи. У Ну вышел на сцену вместе с Чжоу Энь-лаем, и им устроили овацию. А после митинга У Ну и Чжоу Энь-лай пожали друг другу руки, и весь зал встал, и опять долго-долго аплодировали. У меня в Москве даже есть такая фотокарточка: У Ну и Чжоу Энь-лай дружескижимают руки.

— О, не могли бы вы мне прислать такую фотокарточку? — прервал меня хозяин. — Я бы повесил ее здесь на стене рядом с этой. Вы понимаете, — хозяин взволнованно встал, снял со стены фотоснимок и держал его в руках, — очень хорошо, когда соседи дружат. Это очень нужно. Вот мы живем в пограничном районе, а совсем этого не ощущаем, не ощущаем никакой тревоги, потому что рядом с нами друг. А если бы на границе было неспокойно, разве можно было бы здесь жить, торговать в моем магазине? Нет.

Он снова сел и взял в руки чашечку с чаем.

— Мы в свое время много намучились с гоминдановцами, — продолжал он. — Они нападали на нас, грабили, убивали. Я знаю, кто их поддерживал, — американцы. Это карманная армия США. Вы здесь скажите любому мальчишке три слова: «Кэй-эм-ти»! — и он схватится за большой камень. Мы знаем цену настоящей дружбе и уважаем наших друзей. Вот почему я с удовольствием повесил бы сюда на стену фотокарточку, где Чжоу Энь-лай и У Ну обмениваются рукопожатием... Пришлете?..

Судья по национализации

На другой день в полдень мы выехали из Мусе, снабженные новой коробкой скоростей и кучей советов от всех шоферов городка. Но, как и следовало ожидать, и в этот день мы до Мьянмины не доехали. Поздно ночью на попутной машине мы добрались до города Бамо, оставив вконец забастовавших «джип» на горной дороге в джунглях.

Мы вошли в душный, раскаленный за день дом для гостей, когда все постояльцы уже спали. Поужинав несколькими бананами, стали искать местечко, где ощущалось хотя бы подобие ветерка.

— Я вам советую лечь на веранде и не закрываться противомоскитной сеткой, — на безукоризненном английском языке сказал нам бирманец, разбуженный нашим появлением. — Только так вы сможете дышать.

— А москиты? — усомнились мы.

— Христиан и коммунистов они не трогают, — ответил бирманец, поудобней устраиваясь на подушке. — Я христианин, я знаю.

— А откуда у вас сведения насчет коммунистов?

— Это я вам расскажу завтра утром, — раздался голос незнакомца. — Сейчас будем спать...

...Утром мы вынуждены были признаться нашему ночному советнику, что он оказался в общем прав: москиты нас не трогали.

Принятое в английском языке сокращенное название партии гоминдановцев.

Каждый встречный автомобиль останавливался, чтобы помочь попавшим в беду.

Столица Бирмы Рангун.
У книжного киоска.

Фото М. САВИНА

На строительстве гидроэлектростанции около Лойно.

Деревенские ребята.

Мергуи. Разгрузка кокосовых орехов.

Паромщик.

Обработка полей в Шанском государстве.

Иноантриса Ван Мин Так с сыном Ага.

Выступление народного оркестра на фестивале в городе Лойко. Государство Кая.

— Ага, что я говорил! — расмеялся тот. — Будьте уверены, я в политике разбираюсь.

Мы познакомились. Наш собеседник оказался судьей из Рангуна, членом Верховного Суда Бирмы. Зовут его У Таунг Сейн. В Бамо он приехал три дня назад с двумя помощниками из Рангуна разбирать политическое дело: кандидат в депутаты парламента, не прошедший на недавних выборах, обвиняет своего более счастливого противника в применении недозволённых приемов политической борьбы — подкутов, запугиваний и т. п.

— Нам здесь предстоит много работы, — пожаловался судья. — Надо выслушать более ста свидетелей. А жара-то видите какая!

Мы попросили У Таунг Сейна рассказать то, что он обещал ночью.

— Ах, насчет коммунистов и христиан? — засмеялся судья. — Ну что ж, слушайте.

Он вытащил сигарету из коробки с надписью «Тот, кто курит сигареты Лупьян, говорит, что это ордость Бирмы» и закурил.

— Видите ли, я воспитывался англичанами. Это вас сразу настраивает против меня? Правда? Я получил образование в Лондоне, как видите, неплохо говорю по-английски, исповедую не буддизм, а католическую религию. В общем, типичный образец проанглийски настроенного элемента, слуга империализма и все такое.

Судья хитро прищурился.

— Но дело обстоит все же не так просто. Не надо забывать одного факта: я бирманец. Настоящий бирманец, несмотря на хороший английский язык и католическую веру. Поэтому я не оставил работу после того, как англичан прогнали, хотя мог бы, и как деньгами обеспечен.

Так вот, — продолжал рассказывать наш собеседник, — случилось так, что мне по роду деятельности в Верховном Суде пришлось заниматься почти всеми крупными делами, связанными с вопросами национализации собственности иностранных компаний на территории Бирмы. Вы, вероятно, знаете, что правительство национализировало многие иностранные компании за выкуп. Это началось еще в сорок восьмом году. Вопрос о сумме выкупа всегда вызывал долгие переговоры и споры.

Помню, проводили мы национализацию рангунского рынка, принадлежавшего одной иностранной компании. Эта компания сто лет назад получила территорию рынка в подарок от колонизаторов по цене пять джа за один акр. Сейчас компания просила от правительства компенсацию по цене, как я помню, в несколько сот тысяч джа за один акр. Я, как судья, решал этот вопрос. И я решил так: компания получит компенсацию за каждый акр по пять джа. Это будет самое справедливое решение. За что купили, за то и продают. Ведь за свои сто лет они выкачали из этого рынка миллиардные прибыли!

Хозяева компании, когда узнали об этом решении, готовы были меня разорвать, съесть живьем, все что хотите.

Судья засмеялся весело.

— А в другом случае, когда национализировали завод пива и алкогольных напитков в Мандалае, компания требовала четыре миллиона восьмьсот тысяч джа компенсации. Я разобрался в этом

деле, учел те прибыли, которые получили хозяева на бирманской земле, и вынес решение заплатить... четыреста восемьдесят джа, то есть в десять тысяч раз меньше!

Что тут было, — невозможно рассказать! И вот тогда кто-то из владельцев компании назвал меня «коммунистом». «Вы коммунист!» — кричал он в бешенстве, и если бы тогда дали ему волю, не разговаривал бы я сейчас с вами за этим столом. Вот с тех пор некоторые и зовут меня «коммунистом», — меня, человека, воспитанного английскими колонизаторами! Очень смешно, не правда ли? — И судья залился смехом. — А вы спрашиваете, откуда я знаю о коммунистах! — Он вытер пот со лба и снова стал серьезным.

— Но как бы меня ни называли — коммунистом ли, империалистом ли, — я уверен, что поступаю правильно, справедливо.

...«Джип» привезли через несколько часов на грузовике. Он отказался даже идти на буксире. Прогрессивный паралич, охвативший машину, распространился, видимо, уже и на колеса. Пришлось расставаться с нашими веселыми шоферами, выдав им деньги для перевозки останков «джипа» обратно в Мандалай на пароходе.

Мы наняли такси и отправились в Мьиткхину, надеясь наконец добраться до этого заветного места.

Кооператив охотников на слонов

Вдоль дороги, по которой двигалась машина, стояли с обеих сторон огромные, толстые деревья. Их мощные стволы уходили вверх и, разветвляясь, образовывали густые сочно-зеленые кроны. Некоторые из деревьев были аккуратно подрублены у самой земли, и зелени на их ветвях было меньше или стволы стояли совсем голые, подняв высохшие ветви к небу, как бы вызывая о помощи.

— Кому нужно было губить эти деревья? — спросил я у У Тейн Хана.

— Это тик, — ответил он. — Тот самый тик, который занимает второе место в экспорте Бирмы после риса. Он идет на строительство морских судов. Еще в древние времена его вывозили к себе арабы.

— Тем более, зачем же губить эту ценную породу?

У Тейн Хан рассмеялся.

— Ее не губят. Дело в том, что тиковое дерево тяжелее воды, если оно не высушено, и сплавлять его вниз по рекам невозможно. Поэтому, как только ствол достигнет необходимой толщины — а для этого дереву должно исполниться не менее ста шестидесяти лет, — вырубают толстый глубокий пояс вокруг ствола. И в таком положении оставляют года на три — сохнуть. Затем дерево велят, а там уж приходят слоны и гащат стволы к реке. Потому тик называют еще слоновьим деревом...

Я знал, что правительство Бирмы тщательно следит за лесами страны, которые занимают больше двадцати миллионов акров площади, и особенно за плантациями тика, которые были национализированы после 1948 года. На этих работах применяется около семи тысяч слонов.

Мы попросили У Тейн Хана показать нам при удобном случае, как обучают диких слонов рабо-

тать на лесоразработках. Он обещал.

Удобный случай настал, когда мы добрались наконец до Мьиткхины.

— Вам повезло, — сказал наш спутник. — Оказывается, милья в восьмидесяти отсюда, в джунглях, существует единственный в Бирме кооператив по ловле и приручению диких слонов.

На другой день мы оказались в маленькой качинской деревушке: десять — пятнадцать хижин на сваях — вот и все. Вид у деревушки был самый обыкновенный, мирный, ничуть не соответствовавший нашему представлению о становище храбрых охотников на диких слонов.

Вдруг мирная деревенская тишина была нарушена громким трубным звуком. В крепком бревенчатом загоне на краю деревни стоял слон, привязанный четырьмя канатами к кольям, врытым в землю. Слон вел себя беспокойно, пытался двигаться, но мешали канаты. Он время от времени поднимал свой хобот кверху и трубил то грозно, то жалобно.

— Это еще дикий, — объяснили нам подошедшие охотники-крестьяне. — Его поймали несколько дней назад.

— Кто же поймал его?

Крестьяне обернулись и показали пальцами на человека, стоявшего поодаль и внимательно наблюдавшего за всем, что происходило. Ему было лет пятьдесят, и одет он был в клетчатую лонджи, белую майку, на голове — что-то вроде чалмы из полотенца.

Охотника звали Со План Ит. За время существования кооператива он поймал уже девять слонов.

— Как же вы поймали этого?

— Как всех остальных.

— Ну, а тех как?

— Да ничего особенного не происходило, по всем правилам ловил, — ответил охотник, видимо, удивленный нашей неосведомленностью в таком обычном деле, как ловля диких слонов в джунглях.

Наконец мы ему растолковали, что в нашей стране слонов диких нет и поэтому мы мало знаем об охоте на них. Только тогда он согласился в общих чертах рассказать, как происходит охота.

Обычно в охоте участвуют два человека и один прирученный слон. Слон должен быть как можно более крупным. Его обвязывают поперек туловища несколькими раз веревкой и закрепляют ее накрепко. Один конец веревки остается свободным. Он в несколько метров длиной и заканчивается петлей на манер лассо. Вся эта экспедиция отправляется в джунгли. Приблизившись к стаду, охотники выбирают слона, которого намереваются поймать, и накидывают на его голову лассо.

Вначале пойманный слон пытается оказать сопротивление, и здесь охотники подвергаются смертельной опасности. Все в этот момент зависит от прирученного слона, который защищает людей от дикого. Чувствуя, что ему не удастся осилить людей, дикий бросается бежать сквозь джунгли, валя в бешенстве деревья, выворачивая камни. Наконец после нескольких часов бега слон выбивается из сил и останавливается. Он сдаётся. Тут охотники спутывают ему передние ноги и медленно ведут в деревню. Слон не сопротивляется: он

Слона готовят к охоте.

понимает свое поражение. Несколько дней животному не дают воды, не дают пищи. Наконец, когда слон истомится от жажды и голода, ему постепенно один и тот же человек начинает подносить пищу и воду.

Не каждый слон соглашается принимать еду из рук пленившего его человека. Обычно три — четыре слона из десяти погибают от голода, предпочитая смерть жизни в неволе.

Если слон принимает еду, его еще несколько дней держат в загоне, пока он привыкнет к человеку. А потом дикий ставит между двумя уже обученными слонами и привязывают за ноги к их ногам. Вместе с соседями ему волеи-неволей приходится выполнять все приказания человека. Такое обучение длится еще 3—4 месяца.

— Иногда, — рассказывал мне Со План Ит, — необязательно ловить большого слона. Можно поймать маленького, если он отбил от стада. Мать сама прибежит на его зов. Но в стаде ловить маленького нельзя: все животные вместе будут защищать малыша.

— Что вы делаете потом со слонами? — спросил я.

— Продаем, — ответил охотник. — Продаем компаниям, занимающимся разработкой слоновьего дерева — тика. Слонов еще применяют на каменоломнях... Доходы мы делим между членами кооператива... Их восемьдесят. Было больше, но за эти годы несколько человек погибло во время охоты. Бывает и такое... О, слоны — очень умные животные. Их надо уважать, очень уважать и понимать. Иначе погибнешь...

— А приходилось вам видеть белого слона? — спросил я, помня о знаменитой бирманской легенде о белом слоне, который приносит людям счастье.

— Нет еще, — ответил старик задумчиво. — Мы еще не видели. Но говорят, в Нижней Бирме какой-то охотник поймал белого слона. Не знаю, правда ли это. Если так, — должно прийти счастье, обязательно должно...

Очень хочется, чтобы счастье расцвело в вашей стране, дорогой Со План Ит!

У каждого из игроков сборной команды Советского Союза хранятся дорогие сердцу реликвии как память о тех странах, с командами которых приходилось вместе выбегать на зеленое поле стадиона по свистку футбольного судьи.

Вот медаль — орел, распростерший крылья. Это память о Египте. После игры со сборной Египта на стадионе в Каире, в которой мы вышли победителями, нас пригласили к центральной ложе трибуны, и президент Насер каждому пожал руку и вручил медаль...

Вот два сувенира из Франции — голубая футболка и наручные часы. Футболками мы поменялись с игроками сборной Франции в Москве, на стадионе «Динамо», после матча, который окончился вничью. А часы — это память о Париже (очень приятная память) и о нашем проигрыше там той же команде (это не очень приятно вспоминать). Видно, руководители французской футбольной федерации хотели подарком смягчить нам горечь поражения...

Значки и вымпелы, фотографии и жетоны — много разных сувениров из десятков стран. Но есть среди них один особенно ценный — это Олимпийская медаль. И не потому, что она отлита из самородкового золота, а потому, что трудно досталась. Не удивительно, если она вызывает так много и огорчительных и приятных мыслей.

Говорят, что человеческой памяти свойственно забывать в первую очередь все плохое и надолго сохранять все хорошее. Не знаю, может, так оно и есть, но мне хочется начать с огорчительных воспоминаний...

Представьте себе такое положение.

Человек с удочкой отправляется на рыбную ловлю. Домашние кричат ему из окна: «Поймай десять окуней!» Всем известно, что рыболов ничего не может обещать: а вдруг там, где он устроится на реке, пойдут одни ерши?

Еще нелепее требовать от футбольной команды перед ее выходом на поле: «Выиграйте со счетом 5:1!» (или, скажем, 4:2). Даже когда заведомо известна относительная слабость противника, нельзя ставить такое условие! Потому что, как говорят футболисты и болельщики, мяч круглый.

Но все-таки бывают игры, перед которыми тренер может с полным основанием требовать от игроков, чтобы они обязательно победили. Именно один из таких матчей вспоминается мне, когда я гляжу на свою Олимпийскую медаль.

В официальной таблице Международной футбольной федерации значится, что сборная СССР в 1956 году из двенадцати встреч девять выиграла, одну свела вничью и две проиграла. Но я считаю, что мы проиграли в прошлом году не дважды, а трижды. И вот почему. За семь лет 87 раз выходил я на поле в составе сборной СССР и моего родного «Спартака» играть против зарубежных команд, но ни разу не покидал поля с таким чувством досады, как это было после первого матча со сборной Индонезии

на Олимпийском турнире в Мельбурне. Он закончился вничью — 0:0, но мы, игроки советской сборной, уходили с поля, низко опустив головы, как будто проиграли с разгромным счетом. Одно утешало: австралийцы футболом «не болеют», зрителей на трибунах сидело мало, так что наш «позор» не был широко пуб-

определяли задачу примерно так: «Что ж, забьем хотя бы на один гол больше, чем пропустим, если вообще пропустим. Выкладываться не надо: ведь впереди матча куда серьезнее».

Но вот началась игра. Мяч все время на половине противника, на нашу залетает изредка и только по недоразумению. Вероятно, ес-

Прошло сорок минут — разговор уже беспокойный: «Ну, ребята, один гол!!» Кончился тайм, начался второй, уже с заметной нервозностью: «Ну, ребята, один гол!!!» Кончилось основное время, начинается дополнительная тридцатиминутка — разговоров уже нет, но нет и гола. Глухая защита индонезийской сборной сделала свое дело. Мы не пробились...

До сих пор в мировом футболе борются две тенденции — оборонительная и наступательная. Девиз первой: поменьше пропустить голов в свои ворота. Девиз второй: побольше забить голов в ворота противника. Нечего и говорить, что когда на поле встречаются две команды наступательного стиля, игра бывает гораздо острее, содержательнее и зрительно интереснее.

Индонезийцы избрали строго оборонительный вариант, а советская школа футбола наступательная. Получилось то, что называется нашла коса на камень.

Между прочим, на старте олимпийских игр нашей команде прямо-таки фатально «не везло». На предыдущей олимпиаде, в Хельсинки, жребий свел нас в 1/8 финала с югославской сборной. Первая игра тогда закончилась вничью — 5:5. Причем за пятнадцать минут до конца счет был 5:1 в пользу югославы. И только мастерская игра Всеволода Боброва, обладавшего редким умением забивать голы и вдохнуть наступательный порыв в линию нападения, позволила сравнять счет. Но в повторной игре нам пришлось сложить оружие: югославы победили.

В Мельбурне повторная встреча четвертьфинала принесла нам победу. Индонезийцы, вероятно, устали обороняться и пропустили четыре «сухих» мяча.

В полуфинале мы встретились с одним из самых трудных для нас соперников — сборной командой Болгарии. Болгары строят защиту по тому же принципу, что и мы, — строго опекают каждого нападающего, буквально сидя у него на пятках. В нападении они резки и стремительны. Вся команда во всех линиях смело вступает в силовую борьбу и выдерживает любой предлагаемый темп.

Кажется, этот матч заставил поновляться и наших тренеров и наших болельщиков — членов советской олимпийской команды по другим видам спорта, туристов, журналистов. Два тайма закончились вничью — 0:0. Когда прошло десять минут дополнительного времени, мы проигрывали: напористый нападающий болгарин Колев забил гол в ворота Ашина.

Но этот гол подействовал на нашу команду, как ведро холодной воды. Нет, не в том смысле, что мы успокоились. Темп остался по-прежнему очень высоким, но в игре нападения исчез сумбур, появилась та стройность и целеустремленность, которая заставляет зрителей на трибунах говорить: «Что-то назревает...»

Дважды назревала гроза у ворот болгар, и дважды она разрядилась ударами Стрельцова и Татушина.

По напряженности конец этого матча можно сравнить только со знаменитым двадцатиминутным штурмом, который предприняла советская сборная во встрече с чемпионом мира — командой Фе-

Игорь НЕТТО,
капитан сборной команды СССР

личным. А индонезийские ребята ликовали, как будто выиграли.

Что ж, так оно, пожалуй, и было на самом деле: для нас ничья — поражение, для них — победа. Я вовсе не хочу этими словами обидеть сборную Индонезии. Но ведь всему миру известна разница в классе наших двух команд. Советские любители футбола помнят выступления индонезийских спортсменов у нас в стране и отлично знают, что нашим индонезийским друзьям многому надо научиться, прежде чем они достигнут уровня лучших европейских команд. Сборная Индонезии гостила в Советском Союзе и проиграла «Шахтеру» — 1:2, «Динамо» (Тбилиси) — 2:5 и «Трудовым резервам» — 2:5. Поэтому все рассуждали так: где уж им тягаться против сборной! Кажется, у нас не было оснований волноваться.

Как могло произойти, что за 120 минут мы не сумели открыть счет? Нечего греха таить, у нас было «шапкозакидательское» настроение. Перед выходом на поле в разговорах между собой мы

ли бы посмотреть на поле с высоты птичьего полета, оно показалось бы ящиком с разноцветными шариками, который наклонен так, что все шарики, за исключением единственного (нашего вратаря), перекатились на одну сторону. У штрафной площадке перед воротами индонезийской сборной в некоторые моменты собиралось по пятнадцать — шестнадцать человек. Сколько наши нападающие ни пытались «расташить» защиту индонезийцев, ничего не получалось: она не покидала своих мест. Пробовали бить с углов, из центра, с близкого расстояния и издалека. Но было очень трудно попасть в ворота, перед которыми стеной стояли защитники, полузащитники да трое из нападающих соперника. Прошло двадцать минут — у нас спокойные разговоры: «Ну, ребята, один гол!» (Хотя правилами запрещены разговоры на поле, но они, эти разговоры, все-таки есть. Как же может, скажем, вратарь не крикнуть: «Прикрой восьмого!» — если от этого «восьмого» грозит опасный удар?)

деративной Республики Германии. Тогда, на стадионе «Динамо» в Москве, мы за двадцать минут до конца проигрывали — 1:2, а ушли с поля победителями — 3:2...

Известно, что, обыграв в финале сборную Югославию, советская команда завоевала медали олимпийских чемпионов. Только это скрасило чувство досады, родившееся после игры с Индонезией.

...Не так давно тренер французской команды «Сент-Этьенн» очень хорошо определил стиль, который он старается привить своим воспитанникам и благодаря которому эта команда, составленная из молодежи, сумела стать в 1957 году чемпионом Франции. Он сказал, что футбольный матч — это не забег на длинную дистанцию, что не обязательно все девяносто минут бегать с одинаковой скоростью. Важно сосредоточить все силы и выложиться в решительный момент атаки.

Метод не новый. У многих команд Венгрии, Англии, Франции, Южной Америки мы видели такой стиль. Я бы назвал его «пульсирующим темпом». Это как в боксе: боксер расслабляет мышцы, чтобы дать им отдых, а потом короткий взрыв — атака — и снова отдых.

Все же, пожалуй, тренер «Сент-Этьенна» прав только наполовину. Каждому ясно: если команда умеет все девяносто минут вести игру в предельно высоком темпе, это лучше.

Наша команда обладает таким умением, но не всегда может целеустремленно направить все силы в одном направлении — на взятие ворот противника. Часто получается темп ради темпа. Это плохо. Ведь играют для того, чтобы забивать голы!

Вспомните наших лучших нападающих хотя бы из числа тех, кого знает и у кого училось мое поколение футболистов (мне двадцать семь лет, играть я начал в 1944 году на стадионе «Юных пионеров»). Григорий Федотов, Александр Пономарев, Борис Пайчадзе, Всеволод Бобров, Константин Бесков, Николай Деметев... Советский футбол в их времена был менее скоростным, не таким быстрым, хотя и тогда стиль советских игроков отличался коллективностью. Но коллективность сама по себе, а личная инициатива сама по себе. Каждый из этих нападающих, завершая общие усилия команды, умел в решительный момент проявить индивидуальную инициативу, резкость в борьбе за мяч, найти в долю секунды правильное продолжение комбинации и ударить по воротам в наиболее выгодный для себя момент. Здесь ведь не обязательно надо спешить, бить с лету. Иногда, наоборот, надо проявить выдержку, переждать.

Теперь мы, как наши хоккеисты, научились умению «закружить» противника высоким темпом, но многие до сих пор, как это ни странно, не научились атлетической борьбе, — конечно, в рамках, дозволенных правилами. Посмотрите, как различаются действия наших защитников и наших нападающих, когда дело касается борьбы за мяч. Защитники действуют решительно и жестко, а нападающие проявляют мягкость. Часто бываешь свидетелем такой картины. Нападающий с мячом быстро продвигается к штрафной площадке. Наперерез ему, оставив своего «законного»

подопечного, устремляется защитник. Нападающий вот-вот ударит по воротам, но защитник самоотверженно бросается ему в ноги, прижимая мяч бутсой к земле точно в то мгновение, когда совершается удар. Прием дозволенный...

Редко можно видеть обратную картину: чтобы вот так решительно нападающий отбирал мяч у защитника. Причина тут одна: многим не хватает решительности.

Но здесь же мне хочется сказать несколько слов в адрес тех, кто, сидя на трибуне, любит меньше смотреть за игрой, а больше брюзжать и произносить панихидные речи: мол, наш футбол стал хуже.

Ударил нападающий по воротам с лету и не забил гол — брюзга говорит: «Куда он торопится! Нужно было обработать мяч, а потом уже бить». Если нападающий не ударил сразу, а попробовал продвинуться с мячом поближе к воротам — опять нехорошо: «Нужно бить с лету!» Когда же игрок нападения, получив передачу вблизи штрафной площадки, почему-то сам не ударил, а отпасовал мяч своему партнеру, брюзга уверенно заявляет: «Вот, побоялся ответственности!»

Последняя «теория» полюбилась даже кое-кому из спортивных обозревателей. И это очень жаль. Надо же помнить: не всегда виднее со стороны. Бывает, что с трибуны кажется, будто нападающий находится в выгодном положении, но если бы зрителя поставить в этот момент на место нападающего, он увидел бы: нет, самому бить нецелесообразно.

Разговоры об «ответственности» — несправедливые разговоры. Где тут игрокам рассуждать об этом, когда атака идет на больших скоростях и комбинации разыгрываются молниеносно! Дай бог хотя бы разобраться в положении!

Кажется, я уже утомил читателя теоретическими выкладками, но мне хотелось сказать обо всем этом, потому что результативность атак наших команд — всегда самый острый вопрос, волнующий всех, кто подвержен футбольной страсти...

Есть у меня один сувенир, с которым связаны воспоминания, малопривлекательные в чисто футбольном смысле. Это памятная медаль, привезенная из Англии. Она напомнила мне об Англии и о матче, который не порадовал никого из советских болельщиков и футболистов.

Дело было в 1954 году. После долгого перерыва англичане принимали советскую футбольную команду. На сей раз это был «Спартак».

С момента своего водворения в отеле Парк-Лейн на Пиккадилли мы сразу почувствовали, что в Лондоне еще живо помнят рейд московского «Динамо» по английским полям в 1945 году. Вполне понятно, что в стране, являющейся родиной футбола, с особой почтительностью относятся к команде, которая сумела нанести поражение самим корифеям кожного мяча.

Хотя и немного было у нас времени, но мы сумели побывать во многих достопримечательных местах Лондона, осмотреть его музеи и парки, исторические памятники. С пристрастием осматривали мы футбольные поля Ве-

Президент Гамаль Абдель Насер вручает награду И. Нетто на стадионе в Каире. 1956 год.

ликобритании и все время завидовали тем, кто «кагает мяч» на этих полях. Вспоминалась Венгрия, где доводилось видеть такие же мастерски и любовно созданные — именно созданные — площадки. Идеально ровные, словно выверенные по ватерпасу, трава подстрижена «под ноль», отскок мяча одинаковый и в центре и в любом углу. Мы поначалу думали, что, вероятно, в Англии и в Венгрии какой-то особенный грунт, если любое поле в самом маленьком городке этих стран может успешно соперничать с нашими лучшими футбольными полями. Но когда нам рассказали, как ухаживают англичане и венгры за своими площадками, мы поняли, что дело здесь не в грунте, а в умении и любви.

Первую встречу с англичанами мы выиграли: знаменитый «Арсенал» оказал упорное сопротивление, но мы сумели забить в его ворота два мяча, пропустив в свои один.

Следующая игра — с командой «Вулверхемптон Уондерерс» в городе Вулверхемптоне, которую англичане в обиходе называют просто «волками», — принесла нам поражение.

От «волков» мы, что называется, не ушли. Восемьдесят минут играли вничью — 0:0, а потом в нашей защитной машине сломался какой-то важный винт, и последние десять минут мы выглядели в своих алых спартаковских футболках перед лицом «волков», как «красные шапочки», и проиграли со счетом 0:4.

Я умышленно говорю больше о поражениях, чем о победах, потому что после этого матча с особенной остротой ощутил, как вредна привычка думать, что ты непобедим. Ни до, ни после игры с «волками» мне не приходилось участвовать в международной встрече, которая окончилась бы таким крупным неуспехом советской команды.

Даже зрители пожалели нас и вели себя на этот раз необычным образом: после финального свистка хлопали нашей команде.

Дело в том, что заграничный болельщик отличается, так сказать, особенным футбольным патриотизмом. Это надо специально пояснить.

Когда у нас в Лужниках, на «Динамо» или на любом другом стадионе в любом другом городе выступает зарубежная команда, независимо от того, какого она класса и из какой страны, наши болельщики принимают ее так, словно это самый любимый их клуб. Каждая удачная комбинация гостей покрывается аплодисментами, а забитый ими гол вызывает на трибунах бурю восторга. Видимо, именно поэтому энтузиазм и объективность советских болельщиков вошли у наших гостей в поговорку.

Всю разницу между нашими и зарубежными зрителями я познал еще в первом своем международном матче. В 1950 году «Спартак» выезжал в Норвегию и во всех встречах выиграл у противников с крупным счетом. Это было мое боевое крещение на меж-

1956 год. Мельбурн. Никита Симонян и Игорь Нетто с маленьким кенгуру. Фото заслуженного мастера спорта А. Парамонова.

дународной арене, и, естественно, как всякий новичок, я выступал в приподнятом настроении. Мне повезло: в первой же встрече — с командой «Сагене» в Осло — я забил свой первый «международный» гол. Теперь-то таких голов уже больше двадцати, и можно относиться к ним, так сказать, с олимпийским спокойствием, но в тот момент, когда норвежский вратарь доставал из сетки пробитый мною мяч, мне казалось, что весь стадион должен ликовать вместе со мной и прыгать от удовольствия. Однако стадион молчал, как в трауре. Мы забивали второй, третий, четвертый и так далее мячи, а люди на трибунах безмолвствовали, как будто ни их, ни игроков не было на стадионе.

И так почти всюду, почти во всех странах: забивают гол хозяева поля — трибуны ликуют, успешно атакуют гости — на трибунах гробовое молчание.

Да, ничего не скажешь: хорошо играть иностранцам на наших, советских полях! Ведь не только футболисты знают, как ободряюще действует дружелюбная реакция зрителей на действия спортсменов.

И, наоборот, как подчас досадно и обидно — не за себя, за зрителей — слышать с трибун свист в те, например, моменты, когда игрок отпасовывает мяч своему вратарю. Между прочим, такой свист в подобных случаях можно услышать только на наших стадионах. Зарубежный зритель понимает, что отпасовать мяч вратарю — это тоже тактический прием.

Иногда он бывает единственно правильным выходом. Очень часто такой маневр можно назвать шагом назад ради двух шагов вперед: ведь мяч, отданный назад в нескольких метрах от своих ворот, через секунду, выбитый вратарем, будет в пятидесяти метрах.

Когда выступаешь за рубежом, любое выражение симпатии к своей команде принималось как самое теплое участие, как поддержка другого.

Потому, наверное, футболисты сборной Советского Союза хранят часть одного сувенира, который каждый из нас получил в прошлом году в Ганновере (Западная Германия) после матча СССР—ФРГ. Чтобы было понятно, почему «часть», я расскажу не много подробнее.

После игры, когда мы в своей раздевалке оживленно обсуждали ход матча и строили запоздалые планы, как бы можно было победить не со счетом 2:1, а больше, к нам неожиданно вошла пожилая женщина, скромно одетая, строгая. За нею следом появился какой-то мужчина, который был нагружен пакетами. Женщина, оглядев нас всех по очереди, что-то сказала. Я, как все остальные, с нетерпением посмотрел на нашего переводчика. Тот перевел: «эта фрау пришла вручить нам подарки от себя лично за нашу игру, а главным образом по другой причине. Другая причина объяснялась в маленьких карточках, которые были вложены в пакетики, врученные каждому из нас этой немецкой женщиной. Содержимое пакетика состояло из красной бутылочки настоек, собственноручно ею приготовленной, и пачки домашнего печенья.

Настойки и печенья, конечно,

давно уже нет: мы выпили и закусили. Но карточка осталась, как самый, может быть, красноречивый сувенир. В ней написано, что эта фрау благодарит в нашем лице одну советскую женщину-врача, которая спасла во время войны ее сына от смерти.

Однако сувениров слишком много, о каждом не расскажешь. Сейчас у нашей сборной все мысли об одном: в 1958 году в Стокгольме лучшие команды земного шара в шестой раз будут бороться за звание чемпиона мира, и советские футболисты впервые примут участие в этой борьбе.

Собственно, розыгрыш первенства уже начался. Так как стран, желающих участвовать в розыгрыше, многие десятки, сейчас на континентах проводятся зональные предварительные игры, которые должны определить тех, кто в числе шестнадцати лучших национальных команд будет разыгрывать кубок чемпиона в финале.

Сборная Советского Союза попала в «компанию» со сборными Польши и Финляндии. Не знаю, как отнеслись к этому факту польские и финские футболисты, но нас он обрадовал: мы по-соседски знаем друг друга.

Первый отборочный матч мы провели со сборной Польши 23 июня.

Психологически эта игра началась на три недели раньше, когда состоялась товарищеская встреча сборной СССР — сборная Румынии. То была проба сил нашей сборной в нынешнем году, и получилось по пословице: первый блин комом. Правда, мы не потерпели поражения — счет был 1:1. Но игра на нас самих произвела неважное впечатление. А между тем мы знали, что специально на этот матч приехал из Варшавы тренер польской сборной Канцевич — посмотреть, что из себя представляет наша команда в текущем сезоне. О том, какое впечатление об этом матче осталось у него, мы узнали только перед игрой СССР — Польша.

До 1954 года польские футболисты не считались в Европе грозными соперниками, так же как советские футболисты после Олимпийских игр в Хельсинки в 1952 году. И так же, как сборная СССР, спортсмены Польши заставляли заговорить о себе как о первоклассных футболистах только три года назад. Однако приезжавшая тогда к нам в гости сборная Варшавы проиграла сборной команде Москвы со счетом 1:3. И вообще баланс встреч между нашими и польскими командами сложился не в пользу польских спортсменов.

И все же Канцевич заявил корреспондентам, что надеется на благоприятный для своей команды исход матча. Он мотивировал такой прогноз тем, что игра советской сборной с румынами ему совсем не понравилась.

В первом тайме, несмотря на то, что он закончился со счетом 1:0 в нашу пользу, сложилось впечатление, что Канцевич окажется хорошим пророком. Три раза нападающие поляков во главе с игроком высокого класса — «десяткой» Кемпны — могли забить гол, но мяч, к нашему счастью, попадал в штангу.

Я не был в раздевалке польской сборной во время перерыва, но, вероятно, Канцевич говорил своим игрокам, что они бо-

ролись хорошо, что защитным вариантом, разработанный им, вполне правдив и надо придерживаться этой тактики до конца.

Второй тайм разочаровал поляков. Когда Никита Симонян сильным ударом забил второй гол, защита наших гостей дрогнула. А в результате сразу же угасла острота их атак, потому что в хороших командах, как известно, атака зарождается еще в недрах защитных линий. Один Кемпны продолжал время от времени беспокоить Яшина. Но один на футбольном поле, как говорят, не воин. Ильин забил третий мяч, с тем мы и закончили игру.

Второй отборочной встречей был матч нашей сборной со сборной Финляндии, который состоялся в Москве. Эта игра напомнила нам Мельбурн и ничью со сборной Индонезии. Финны с самого начала ушли в защиту, а если атаквали, то лишь вдвоем или троим. По-разному называют такую систему — «бетон», «задвижка» и так далее, но смысл ее один: если проиграть, то с наименьшим счетом. Проиграли финны — 1:2, а освистывали трибуны нас. И положила руку на сердце — было за что.

Поэтому следующий матч с финнами, уже в Хельсинки, наша сборная провела с хорошей спортивной злостью. Вся команда была в ударе. И слова тут излишни: результат — 10:0 в нашу пользу — говорит сам за себя.

В трех играх сборная СССР набрала 6 очков, забила 15 голов и пропустила 1. Теперь достаточно получить одно очко, чтобы уверенно войти в число шестнадцати команд, которые разыграют в Стокгольме звание чемпиона мира.

Вскоре предстоит эта последняя встреча с поляками — на этот раз в Варшаве. Нам придется там очень нелегко, мы в этом уверены. Но все же мы уверены и в другом: не защитная, а наступательная тактика, не оборона, а атака — лучший, прогрессивный вид футбола. Наши сильнейшие команды — «Динамо» и «Спартак» — никогда не предпочитают оборонную атаку, и их встречи с сильнейшими клубами мира в подавляющем большинстве своем доказывают, что советский футбол на правильном пути. Вспомнить хотя бы недавние матчи с итальянской «Фиорентиной» и прославленными виртуозами из бразильского клуба «Васко да Гама».

Играя с бразильцами, мы очень хорошо почувствовали, что их техника выше нашей. Но вместе с тем было отчетливо видно их слабое место: как только бразильцам предлагался непривычно быстрый темп, они тут же теряли свою виртуозность. Наше основное оружие — темп и атака — действует во встрече с любым противником. Но чтобы сделать его еще более безотказным, необходимо найти такое сочетание скорости и техники, при котором эти элементы футбола не вступали бы между собой в противоречие, а дополняли бы друг друга.

На пороге Стокгольма нам важно одно: не стоять на месте, совершенствоваться, если можно так выразиться, в деталях — технике обработки мяча, точности передач. Главное — наступательный стиль и скорость — у нас есть.

Литературная запись
О. МИХАИЛОВА.

ГЕРОЯМ ДВУХ ВОЙН

У развилки одной из дорог южной Эстонии на стрелке-указателе — надпись: «Барклай-де-Толли». Неподдалеку отсюда, в конце густой еловой аллеи, находится мавзолей героя Отечественной войны: 1812 года Михаила Богдановича Барклай-де-Толли.

М. Б. Барклай-де-Толли владел мызой в местечке Йыгевестэ. Сюда, на родную землю, было привезено его тело из Пруссии, где он скончался в мае 1818 года во время заграничного путешествия.

Мавзолей был построен еще при жизни М. Б. Барклай-де-Толли. Над входом выбит девиз полководца: «Верность и терпение». Внутри мавзолея — бронзовая групповая скульптура памятника.

Рядом с мавзолеем еще один памятник, с надписью на граните:

«1941—1945

Бойцам Советской Армии, павшим в Великой Отечественной войне».

Это братская могила советских солдат, погибших на подступах к Тарту и Вильянди.

Над мавзолеем и братской могилой шумят деревья старого парка, у памятника ярко цветут пионы. Чьи же заботливые руки поддерживают порядок в этом историческом месте?

Был у Барклай-де-Толли денщик — солдат Осип Миллистрэ. Ему семья Барклаев поручила присмотр за мавзолеем. Когда Осип умер, его сменил сын Василий. И дальше по традиции из поколения в поколение переходила эта почетная обязанность в роду Миллистрэ. В наше время, вот уже несколько десятилетий, поддерживают здесь порядок Борис Миллистрэ и его жена Леонтина. Они заботятся и о памятнике над братской могилой советских воинов.

Н. ХРАБРОВА

Вход в мавзолей Барклай-де-Толли.

Памятник советским воинам. Фото С. Розенфельда.

Из книги "Зеленые холмы"

Рассказы

Уолтер МЭККИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

МАЛЬЧИК С ШИНОЙ

Первым заговорил барабан. «Вперед, вперед, вперед», — бодро гудел он, и остальные инструменты, вторя ему, взвизгивали и басили, пищали и ухали. Оркестр свернул с большой городской площади в улицу; высокие здания, приняв на себя напористую волну звуков, вздрогнули и отбросили ее в небо.

День был жаркий и усыпляющий. Если не считать безразличных ко всему на свете собак, растянувшихся на мостовой, улица была почти пустыня. Несколько скушающих приказчиков, соизволивших выйти на порог, стояли, прислонившись к дверям, и, скрестив руки, наблюдали с некоторой долей сочувствия, как оркестранты, воодушевленные появлением слушателей, пыгтели, дули, с шумом втягивали в себя воздух и занимались прочей дыхательной гимнастикой, совершенно забыв о ручьях пота, которые стекали у них из-под мышек, струились вдоль спин и по ногам; они думали лишь о том, что, играя в такой день, они совершают героический подвиг. Да еще как играют! Совершенно добровольно и, хуже того, бесплатно. Разве что в расчете на бутылку портера по окончании, да и то после изнурительной дневной жары: какая может быть от него пена — только тень былого великолепия!

Но это был наш собственный оркестр, и мы очень гордились им, гордились маленьким Пэддином, которого прозвали Поршнем, потому что он играл на большой трубе, и Галлерсом, который орудовал на флейте и был так высок и худ, что зевая, толпившиеся на перекрестке около Четырех Углов, остря, советовали флейтисту, чтобы он не вздумал провалиться внутрь своего инструмента.

Подобные саркастические замечания нарушали ритм нашего оркестра и заставляли фэгот испускать странные, сердитые звуки. Мы гордились своим оркестром, и не то чтобы хвастливо, а как бы в шутку, скрывая таким образом настоящие свои чувства к оркестрантам. Даже посторонние признавали, что наш оркестр играл очень живо и хорошо держал такт. Как все дилетанты, люди любили свое дело, и, когда вы стояли и слушали их, мурашки бежали у вас по спине и вы думали: «Все они превосходные ребята, просто превосходные. Украшение нашего города — вот они кто».

И тут-то губы у вас сами вытягивались в трубочку и оглушительно свистели или же

выкрикивали оскорбительные замечания, чтобы скрыть тот факт, что вы взволнованы.

Ребятишки, те просто обожали оркестр, каждый звук, издаваемый инструментами. Все, что им было нужно, — это немного мелодии и много грохота, и они сбегались отовсюду.

Они сбегались и сейчас.

Они лезли, как тараканы из щелей. Минуту назад в начале извилистой улицы не было видно ни одного: можно было подумать, что граждане города уже тысячу лет не имели потомства. И вдруг неизвестно откуда появилась тысяча детей; они протискивались, толкались, пронзительно кричали и плясали. Они обрушились на оркестр, подобно граду бомб, и сразу же создали полнейшую неразбериху. Тамбурмажор, споткнувшись, упал на свой барабан и громко выругался. Тромбонист дал кому-то подзатыльник, а еще один барабанщик пнул ногой в живот завизжавшую дворняжку. Порядок был восстановлен, когда дирижер огрел своей длинной разукрашенной палочкой нескольких мальчишек по известному месту.

Подтанувший оркестр двинулся вниз по извилистой улице, окруженный тесным кольцом ребятишек. Они вышагивали в такт, горланили и подпевали, лица их горели и лоснились, а сердца колотились от возбуждения.

Во главе процессии оказался высокий, ладный парнишка, он шагал, помахивая воображаемой палочкой и так выгнув грудь, что стал похож на дугу. Цвет его волос было невозможно определить: отец обкорнал его почти наголо, и после этой гигиенической операции у него остался только чуб, подпрыгивавший в такт его ужимкам. Рубашку он надел только сегодня, и, значит, она была чиста, подвязанные бечевкой брюки были целы, не считая дыры сзади, в которую выбивалась рубашка. То, что открыто было лучам солнца, было шоколадно-коричневого цвета, и легко было догадаться, что зовут его Майко: восхищенные мальчишки со всех сторон кричали, поддуживая его к новым выходкам:

— Ай да Майко! Черт побери этого Майко! Поглядите на него!

Майко раздувался от гордости.

Дирижер сделал несколько бесплодных попыток стукнуть узурпатора, но напрасно.

Майко был проворен и тут же возвращался на свое место. Так они шли, сворачивая с одной извилистой улицы, окаймленной высокими домами, на другую, такую же извилистую улицу, где дома были не так высоки. Барабан гудел, смывки двигались в руках, легкие выдували мотив. Это было великолепное зрелище, и грохот будил старый город, погруженный в летнюю дремоту.

«Трам-тарарам-там, трам-та-там» — начал оркестр вступительную фразу хорошо известного марша. Ребятишки, инстинктивно выждав подходящий такт, рывкнули, пародируя унылую мелодию:

Из тучи внезапно
Свалился обратно
Кусочек большой пирога...

Они приплясывали в такт музыке, скакали на загорелых ногах, размахивали руками, наступали на хвосты дворняжкам, а Майко в кривлянье превзошел самого себя. Жилы у него на шее раздулись и готовы были лопнуть, потому что он пел на октаву выше всех остальных, желая доказать, что главный здесь он. Оркестр свернул на следующую узкую улицу, на которую выходила еще одна, очень длинная, тянувшаяся куда-то на запад.

По обеим сторонам этой улицы стояли двухэтажные, наполовину кирпичные дома, крылечки которых выходили прямо на узенькие тротуары, тянувшиеся по бокам мостовой. Это были славные дома; глядя на них, можно было заключить, что владельцы бедны и, должно быть, честны, но, во всяком случае, очень опрятны, потому что занавески на окнах были из накрахмаленного тюля, белизну которого подчеркивала неизбежная герань на подоконниках.

Сейчас улица эта была примечательна только одним: на ней виднелась фигура маленького мальчика, он стоял посредине мостовой и издали наблюдал за красочной процессией, проходившей мимо. Волосы у него были рыжие, глаза голубые и лицо очень бледное. Всем известно, что у людей с рыжими волосами обычно цвет кожи бледный, кроме тех случаев, когда кожа красноватого оттенка: ведь у рыжих не бывает середины. Но, даже учитывая это обстоятельство, нужно сказать, что мальчик был много бледнее, чем положено. Лицо у него было худенькое, плечи, обтянутые красной майкой, узкие. Взглянув пониже, вы могли заметить неуклюжий бандаж на месте колена и стальную шину с блестящими, новенькими планками. Тут только вам и становилось ясно, почему он был такой худенький и бледный.

Один из маленьких адъютантов Майко обратил внимание на фигурку, стоявшую на улице, когда оркестр проходил перекресток.

— Майко, Майко! — закричал он. — Там Джо! Посмотри, это ведь Джо! Его выпустили.

Майко уставился на мальчишку. Он не слышал.

— Ты что, Ябеда? — переспросил он, прикладывая руку к уху.

Ябеда, потеряв надежду на то, что его услышат, стал отчаянно тыкать пальцем в сторону улицы, уже скрывавшейся из виду. Майко вытанул шею, увидел и прыгнул в сторону.

— Эй, ребята! — заорал он. — Это Джо! Джо вернулся!

Он нырнул в толпу, за ним по пятам ринулось еще семь или восемь его приятелей.

Два рассказа ирландского писателя Уолтера Мэкинна — «Предвестная ледя» и «Лодочные гонимы» — были напечатаны в «Огоньке» №№ 5 и 10 в 1937 год.

Оркестранты проводили их с облегчением во взорах, и вздохи облегчения, казалось, издавали сами инструменты, пока мальчики протискивались сквозь массу зрителей.

Скоро Джо, глаза которого сияли, был окружен мальчишками. Здесь был и Майко — самый высокий из всех, если не считать костлявого Джо; и Ябеда — самый маленький, беспрестанно вытирающий нос рукавом фуфайки; и Паки, Паднин и Джо Уильки — три брата, которым родители всего квартала, приведенные в полное отчаяние, сулили неминуемую смерть на виселице; и Янки, которого прозвали так, потому что он все еще носил штанишки от матросского костюмчика, присланного любящей теткой из Америки к рождеству; и маленький, очень толстый мальчик, который по очевидной причине носил прозвище Пузырь.

Говорили все вместе, хором:

— Черт, Джо, что они с тобой делали? Когда тебя выпустили, Джо? Черт возьми, Джо! Посмотрите, какая штукovina у него на ноге. Это для чего, Джо? Черт, здорово занятно!

Джо наслаждался. Ему казалось, что он попал в больницу страшно давно. На самом деле это случилось только шесть месяцев тому назад, но ему казалось, что прошло шесть лет. До этого он был предводителем этих мальчишек, Майко уступал ему первенство. Теперь хозяином стал Майко. Но Джо не расстраивался. Снова быть на улице! Смотреть на них всех — взволнованных, обрадованных его появлением! Это было замечательно. Все было в прошлом: и непонятная боль в колене, и страх, когда его отправляли в больницу; он много раз видел, как людей с их улицы увозили в больницу, а потом — не успеешь оглянуться — ты уже шагаешь позади них, а они лежат неподвижно в деревянных ящиках на катафалке, запряженном лошадьми с белыми хомутами на шее и отполированными копытами. В больнице он все ждал, что и его тоже вынесут в деревянном ящике, поэтому, когда ему сказали, что придется отнять у него коленную чашечку, после чего он поправится, он не расстроился. Все, что угодно, только бы не умереть, только бы снова увидеть ребят.

Сейчас он был совершенно здоров. Правда, шина на ноге немного мешала, из-за нее он не мог быстро бегать, даже, если уж на то пошло, и быстро ходить было нелегко. Это как-то странно, что никогда больше у него не будет колена, как у других ребят, что нога не будет сгибаться; но теперь, раз ребята снова были с ним, на это можно было не обращать внимания. Стоило все это перетерпеть, чтобы снова увидеть их. Не надо только вспоминать боль, перенесенную там, в белой кровати, и запах того лекарства — он преследовал его повсюду и никогда не исчезал, казалось даже, что он исходит и от цветов в саду. Нужно ли думать об этом сейчас, когда солнце так сверкает в голубом небе и ребята собрались вокруг него и спрашивают обо всем и всем интересуются? К черту все остальное!

Он немножко походил, чтобы показать им, как действует шина.

— Видите, ребята, как она приделана к заднику ботинка? — объяснял он. — Она доходит вот до этого места на ноге и тут пристегивается. Понятно? — Он засучил штанину и показал им.

— Черт! Здорово! — Смесь восхищения и зависти выражалась и в более крепких словечках.

— Здорово это у тебя получилось, правда, Джо? — сказал Майко, и голос его прозвучал задумчиво и слегка грустно. — Ни у кого из наших ребят нет шины. У тебя что, совсем нет колена, Джо?

— Нет, — гордо ответил Джо. — Они мне совсем отрезали колено.

— Знато! — снова закричали все хором.

— Походи еще немножко, Джо, мы посмотрим, как это получается, — предложил Майко.

Джо стал шагать. Ему приходилось немного подтягивать шину вверх и поворачивать ее, чтобы переставить больную ногу вперед. Они пришли в восторг от этого и принялись подражать ему, выпрямлять ногу в колене и, описывая полукруг, переставлять ее вперед. Они шли, окружив Джо, и оркестр, звуки которого замирали вдали, был забыт.

Но Джо вдруг ужасно устал. Холодный пот

выступил у него на лбу, он вытянул перед собой больную ногу и уселся на краешке горячего асфальтированного тротуара. Все уселось на корточки вокруг Джо и засыпало его вопросами.

Здорово больно было, когда ему отрезали колено? Нет, не больно, потому что тебе затыкают рот и ты вдыхаешь что-то и спишь, а когда проснешься, уже кончено, — вот и все! Было немного больно после.

А как его кормили? Вкусно или невкусно? Очень хорошо. Ему давали яйца и молоко и каждый день после обеда сладкое. Что, что давали после обеда? Сладкое — знаете, то, что едят богачи: красное желе на тарелочке и к нему такое белое, которое тает во рту. Черт! Только подумать! И еще почти каждый день яблоки и апельсины, да еще другие больные в его палате давали ему то одно, то другое — конфеты, и шоколад, и другие вещи. Невероятно! Черт, они ничего не имели бы против того, чтобы очутиться в больнице, чтобы им отрезали колено, и давали красное желе, и то белое, и все прочее, и вдобавок ко всему недели на ногу великолепную стальную шину. И все это задаром!

Джо наслаждался. Этого он не ожидал. Он оказался в некотором роде героем, предметом зависти, а он-то боялся, что над ним будут посмеиваться, что с больной ногой его больше не примут в их компанию. По собственному опыту он знал, что у них в округе значило, например, иметь слабые глаза. «Че-

тырехглазый» — вот какое было твое прозвище, и они были рады стянуть у тебя с носа очки в металлической оправе, а потом веселились, наблюдая, как ты шаршишь вокруг и ищешь очки, и возвращали только тогда, когда довели тебя до слез. Если ты хромал, тебя звали «Блохой». Если ты был косоглаз, ты получал кличку «Стрела». Но вот он сидит среди них, и страхи его улетучились. Герой дня — вот кто он такой! И ребята, в сущности, просто завидовали беде, которая свалилась на него.

Добрых полчаса они сидели, внимательно расспрашивая его, давая советы, рассказывали ему о всех новостях, о всех своих похождениях за время его отсутствия.

Потом в отдалении послышались звуки оркестра, возвращавшегося с парада.

Первым услышал их Ябеда.

— Пойдите-ка, ребята! — воскликнул он. — Кажется, снова оркестр!..

Мальчишки прислушались.

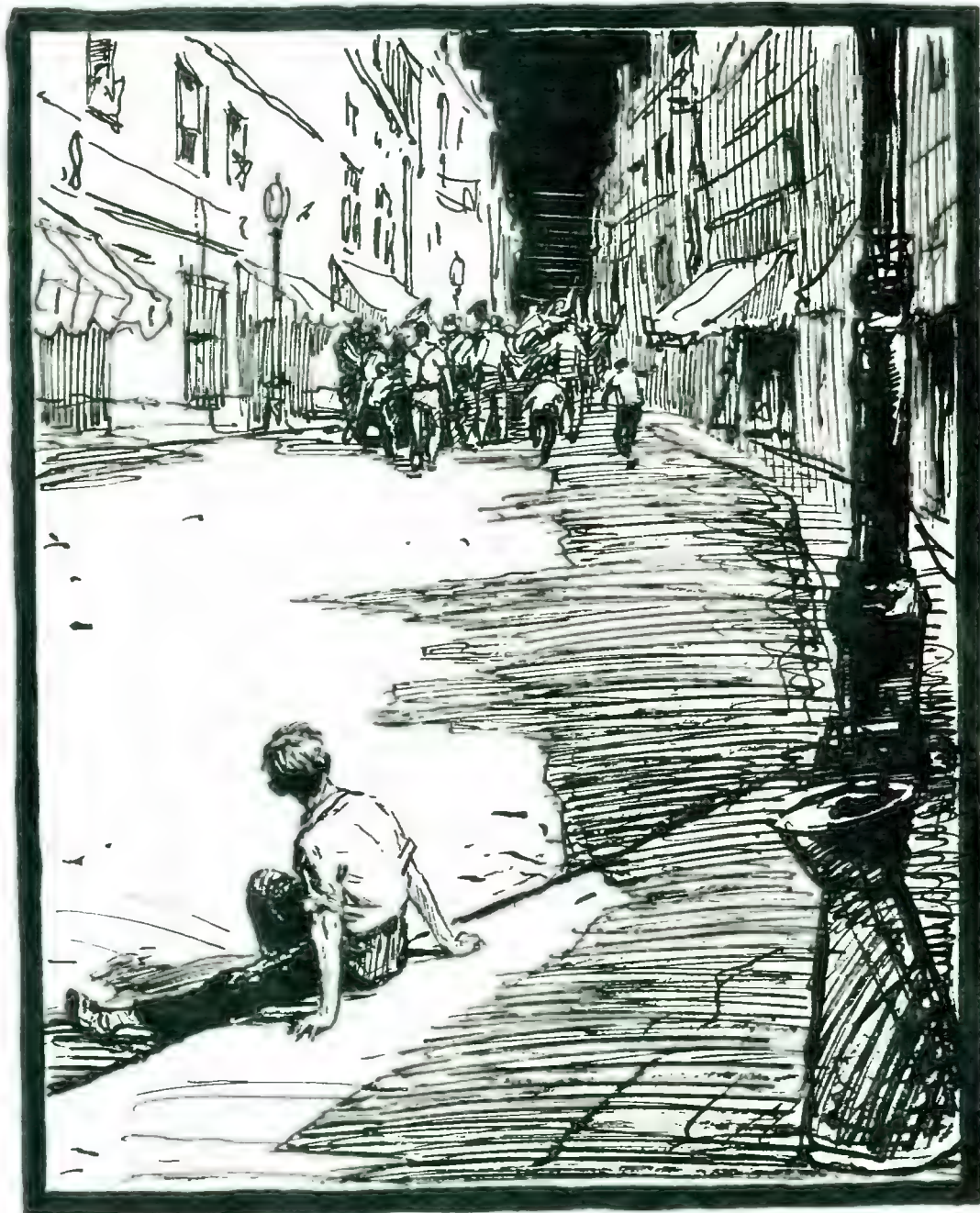
— Верно, — сказал Паки.

— Они пройдут по тем же улицам? — поинтересовался Янки.

— Конечно, — ответил Майко. — Они всегда так делают. Правда, Джо?

— Раньше они так делали, — ответил Джо.

Он представил себе, как бывало раньше: первые звуки оркестра доносились в то время, как он сидел дома за чаем, набивая рот хлебом с вареньем; он принимался глотать обжигающий чай, а мать бранила его и гово-

ПОЯВИЛИСЬ НА СВЕТ ВО ВТОРНИК

рила: «Не торопись, ты еще успеешь насмотреться на этот проклятый оркестр! Ешь хлеб медленнее, пей чай спокойно, иначе дело кончится больным желудком, как у твоего отца».

Но у него никогда не хватало терпения кончить еду. Он уже был на улице и мчался, на бегу срезая углы, дожидаясь последний кусочек; а из других домов вылетали другие мальчишки, закидывая куски в рот и кривча с набитым ртом:

— Эй, Джо, подожди меня! Джо, подожди меня! — Но Джо не мог ждать. Он бегал, как ветер, и всегда поспевал первым протолкаться к оркестру; первым оказывался всегда и там, где дрались собаки, или люди, или два кота на крыше.

По мере того, как звуки оркестра приближались, мальчики волновались все больше. Джо почувствовал это, сердце его начало биться сильнее... Все уже стояли, инстинктивно повернув головы к перекрестку, где каждую минуту мог появиться оркестр. Потом Ябеда, не сказав ни слова, бросился бежать. Осуждать его, в общем, было не за что: он был так мал, и для того, чтобы поспеть куда-то вместе с остальными, ему нужно было выбегать заблаговременно.

— Эй, Ябеда! — заорал Майко, но Ябеда только пригнулся и понесся дальше.

— За мной, ребята! — крикнул Паднин и пустился со всех ног. Остальные с гиканьем помчались вслед. Все, кроме Майко.

— Эй, вы, а Джо? — завопил Майко.

Они не обратили на него никакого внимания. Майко посмотрел на Джо.

— Давай, Джо, побежали, — сказал он.

— Хорошо, Майко, — ответил Джо, приподнимая ногу в шине и описывая ею полукруг. Он довольно резво пропрыгал несколько шагов. Майко бежал впереди, то и дело оглядываясь. Джо остановился. Он чувствовал, как колотится его сердце, и знал, что поблудил.

— Давай, Джо, давай, — еще настойчивее приговаривал Майко: он чувствовал, что оркестр вот-вот появится.

— Хорошо, Майко, — сказал Джо и снова пустился в путь. Еще несколько торопливых прыжков.

— Молодец, Джо! — подбадривал его Майко. — Нажимай, нажимай!

Джо остановился. В измученных глазах его была мольба.

— Я не могу, Майко, — сказал он. — Я не могу бежать.

— Да нет, ты можешь, — возразил Майко, удаляясь от него и вертя головой во все стороны, чтобы не прозевать оркестра. — Вперед, вперед, Джо! Раз ты можешь бежать, — значит, ты можешь.

Но Джо стоял посередине улицы и отрицательно качал головой.

— Да идем же, Джо, ради всего святого! — нетерпеливо говорил Майко. Он посмотрел в сторону перекрестка. Головная часть оркестра показалась из-за угла. Майко в последний раз взглянул на Джо.

— Идешь, Джо? — спросил он. Потом окончательно повернулся и стрелой понесся по улице.

Джо видел, как с каждой секундой уменьшалась спина Майко. Он видел, как перекресток заполнился детьми и как сверкало солнце в начищенных инструментах. Он видел, как Майко проталкивался и работал локтями, пока наконец не очутился в главе процессии. Вот он выгнулся в дугу и начал размахивать воображаемой палочкой.

Шум и гиканье, одобрительные возгласы, пение — все это пронеслось мимо, оставив после себя одно только эхо.

Джо постоял еще немного, потом с трудом опустился на тротуар. Он был один и не мог сдержать жгучих слез. Он не в силах был справиться с чувством полного одиночества, как тисками, сжавшего его измученное болезнью тело.

Он оперся почти прозрачными ладонями о горячую мостовую и в отчаянии принялся молиться. Крепко зажмурив глаза и весь уйдя в молитву, он повторял:

— Прошу тебя, господи, пусть только они не называют меня Блохой! Пусть только они не называют меня Блохой!

Перевела В. ЕФАНОВА.

Часы пробили полночь в ту самую минуту, когда доктор заканчивал последнюю запись своих визитов за понедельник. Он очень устал. День был тяжелый и длинный. Взгляд его задержался на девственной белизне следующей страницы с надписью «Вторник», и ему ото всей души захотелось, чтобы она осталась нетронутой. Он услышал, как сверху позвала жена.

— Ладно, ладно, сейчас иду! — крикнул он.

Встав, он потянулся, выключил свет и медленно пошел вверх по лестнице. Вспомнились студенческие годы, когда можно было играть в футбол, танцевать до полуночи и просыпаться без головной боли даже после изрядной выпивки. Все это казалось невероятным. Он попробовал представить себе, как пробегит сейчас с мячом расстояние в сто ярдов. Нет, это нелепо! Он слишком устал. И какой только черт дернул его избрать ремесло лекаря!

Он добрался уже до верхней ступеньки и нащупывал пальцами выключатель, когда у входной двери раздался звонок. «Ой, нет!» — простонал он. Сделать вид, что он не слышал, может быть, посетитель уйдет? Он уже много раз задавал себе такой вопрос и всегда отступал. Он знал, что все равно спустится вниз и откроет дверь, хотя весь его измученный организм протестовал против этого. Он выругался. Теперь он вкладывал много больше души в привычные со студенческих лет ругательства... Спустившись вниз, он отпер входную дверь, высунул сидящую голову и рявкнул:

— Ну, что еще там?

Человек, стоявший за дверью, был невозмутим.

— Добрый вечер, доктор, — сказал он. — Вы пойдете? С ней что-то не того...

Доктор посмотрел на него. Маленький, коренастый человек с широченной грудью и темным, небритым лицом, белозубый, но чербчатый. Не слишком располагающая личность с заискивающей улыбкой.

— Что с ней? — спросил доктор.

— Не знаю, — сказал человек, — только что-то трудно идет у нее. С остальными никогда такого не было.

— А остальных-то сколько было?

— Девять, — ухмыльнулся человек не без гордости, — шестеро умерло.

— Ладно, — сказал доктор. — Сейчас.

Он вернулся в кабинет за своим чемоданчиком, прикидывая, что ему может понадобиться.

«Шестеро умерло? — размышлял он. — Ничего удивительного. Да, они могли благополучно родиться, но что ждало их потом в этих шатрах и лагерях, с собаками, кошками, лошадьми и вечным недоеданием! Странно, что трое-то выжили».

Он вышел на улицу, сел в машину, открыл вторую дверцу.

— Залезай, — сказал он.

Человек влез. Чувствовалось, что от него так и пышет жаром. Ночь была прохладная, но он обливался потом. Доктор заметил, что рука его дрожит. Это была огромная грязная ручища, очень мускулистая. Дрожь такой руки казалась странной.

Название рассказа находит объяснение в популярных детских стихах, которые мы приводим в переводе Галины Шерговой.

Ты родился в понедельник —

это значит
ты красавцем будешь, парень, не иначе.

Дети вторника рождаются для удачи:

Каждый день в неделе

что-нибудь да значит.

Для большой любви рождаются люди в среду.

Четверги сулят нелегкую победу.

Дарит пятница тревоги и заботы.

Путешественник рождается в субботу.

Ну, а если ты родился в воскресенье,

Получай в наследство радость и веселье.

— Кто принимал остальных? — спросил он, сворачивая с аллеи.

— Сама. И еще я, — ответил человек.

— Так ты, значит, знаток этого дела? — сказал доктор. — Зачем же я тебе понадобился?

— Сейчас другое дело, — сказал человек. — Сейчас что-то не того. Давно уже живем с ней. Она да я. Она ничего. Плохо будет, если помрет. Понимаете?

Доктор был тронут.

— Ей надо бы в больницу, — сказал он и подумал, что уже поздно, они были за городом, а до больницы далеко.

— Ну нет, — сказал человек, — не надо в больницу. Живодерни эти больницы.

— Я слишком устал, чтобы читать тебе лекцию по гигиене и современной медицине, — сказал доктор.

Машина свернула с улицы на скверную проселочную дорогу, уходившую неизвестно куда. В свете фар скоро возник шалаш у обочины дороги.

Это была круглая папатка, пристроенная к большой повозке. Доктор подвел машину вплотную и оставил фары включенными.

— Она здесь, — сказал человек, опускаясь на колени и поднимая занавеску, заменявшую дверь.

Доктор тоже опустился на колени и вполз внутрь со своим чемоданчиком. Троем здесь было слишком тесно. При свете свечи он увидел, что женщина очень плоха. По лицу струился пот, черные мокрые волосы обвисли. Она подняла голову и уставилась на доктора.

— Я привел его, Лил! — сказал человек. — Видишь, теперь все будет хорошо.

— Здравствуй, — прошептала она. У нее было сильное лицо, тяжелая челюсть, широкие скулы, обожженные солнцем. Но, несмотря на загар, она была очень бледна.

«Черт знает что!» — думал доктор.

В крошечном шалаше можно было задохнуться. Он почувствовал, как все его тело покрывается потом. Ему пришлось стащить с себя пальто. Стояла такая вонь, что хоть топор вешай, — от людей и от собак, которые днем валялись тут же.

Три часа спустя ему все еще казалось, что произошло чудо. Женщина должна была умереть. Ее ребенок должен был умереть. Разве можно работать в таких условиях? Аккумулятор у автомобиля почти весь разрядился, но доктор был счастлив. Он сделал невозможное или, во всяком случае, почти невозможное.

— Баста! — сказал он человеку, садясь в машину. — В следующий раз она умрет. Понятно?

У человека вытянулось лицо.

— Я это говорю вполне серьезно, — сказал доктор.

— Я присмотрю за ней, — сказал человек. — Сколько я вам должен, доктор?

Доктор подумал, потом усмехнулся.

— Помолись за меня, — сказал он.

— Да благословит вас господь, — отозвался человек. — Годится?

— Вполне, — ответил доктор.

— Вот, — сказал тогда человек, вытаскивая из кармана кусочек резного черного дерева. — Возьмите. Это на счастье. Пока эта штука будет у вас в доме, никто из ваших детей не заболеет крупом. Очень хорошая вещь. Еще от моей бабки. Давным-давно привезена из Европы, здесь такой не достанешь. Ладно?

— Ладно, — сказал доктор, включая мотор. — Забавно! — Всю дорогу он посмеивался.

Войдя в дом, он услышал телефонный звонок. Но теперь он был готов ко всему. Он взял трубку, даже не выругавшись. В руках он вертел кусочек черного дерева. Резьба была грубая, но отшлифованная пальцами нескольких поколений. Уродливый божок в сидячем положении, с поднятыми руками.

Звонили из городского родильного дома — целых двадцать миль отсюда. Доктор должен приехать как можно скорее: только что положили миссис Б. А они уверены, что ему надо ехать немедленно? Что она и в самом деле вот-вот родит? Да, да.

Он совсем измучился. Ему не хотелось ехать к миссис Б. Она была богата и здорова.

— Хорошо, — сказал он устало, — я приеду.

Когда же он наконец выспится и выспится ли вообще когда-нибудь? Эта тоскливая мысль все время терзала его по дороге в город. Раз или два он поймал себя на том, что клонит носом, ему стоило большого усилия стряхнуть с себя сон и выправить машину, свернувшую к обочине дорог.

Роды миссис Б. еще не начались, но доктор был ей нужен. Она была вся бело-розовая — просто картинка, в безупречно чистой кровати, освещенной ярким светом. В комнате стояли цветы. Все было очень роскошно. Она протянула ему руку.

— Слава богу, что вы здесь, — сказала она. — Я бы не пережила, если бы вы не приехали.

Он улыбнулся, глядя на миссис Б. В голове у него вертелись неприятные мысли о том, что роды у нее начнутся еще не скоро и что он мог бы сейчас прекрасно спать дома.

— Все будет хорошо, — сказал он машинально.

Делать было нечего.

Он ухитрился вздремнуть полчаса на твердой скамейке в приемной. Перед глазами

вертелись темные лица с белыми зубами, стойкая женщина в шалаше, мучительно сжимающая челюсти от боли которую он причинял ей, работая почти без наркоза. У нее был мужественный вид, у этой Лил.

Миссис Б. кричала и требовала дать ей «чего-нибудь».

— Вы должны дать мне чего-нибудь! Я этого не вынесу, я этого не вынесу!

— Потом, потом, — отвечал он.

Теперь уже она больше не давала ему поспать. Он выкурил слишком много сигарет. Во рту стоял отвратительный вкус, язык был как суконный. Рассвело. Потом прошло утро, за ним полдень, а он все еще не мог уехать домой. Еще не пришло время. Ничего не поделаешь: у миссис Б. схватки, она страдает. А такая здоровенная женщина не должна бы страдать больше, чем положено.

В приемной сидел ее муж. Прекрасно одетый, с солидным животом и сизым носом. «Слишком много пьет, — подумал доктор. — Если не бросит, скоро умрет от ожирения сердца».

— Как она, доктор? И, пожалуйста, не оставляйте ее. Вы ей все время нужны.

Господи боже, можно подумать, что на свет родится мировая знаменитость, а не маленькая толстенная бело-розовая девочка, у которой уже есть брат и всегда будет достаточно денег, чтобы стать испорченной вконец! Невольно ему вспомнился худенький, похожий на борзую ребенок, которому он перед этим помог появиться на свет. Тот едва цеплялся за жизнь слабыми ручонками. Не-

ужели вся жизнь должна состоять из таких циничных контрастов?

Только под вечер он смог выбраться из больницы. Все это время, кроме какого-нибудь получаса, пропало зря. А жизнь так коротка, и времени так мало!

Палата миссис Б. доверху заполнилась цветами, фруктами, подарками. Какие-то надушенные родственницы сновали там и пересваривались приглушенными голосами.

— Вы приедете завтра?

— Да, да, утром. Пока до свидания. Все будет хорошо.

Это было похоже на припев популярной песенки, который повторяют так часто, что уже невозможно слушать. Но в конце концов это его хлеб. Не будь миссис Б., разве мог бы он помочь такой вот Лил, довольствуясь одной молитвой? Просто у людей разных достаток больше ничего.

Он собирался свернуть с проселочной дороги в свою улицу и вдруг резко затормозил, так что завизжали шины. Он вылез, рассерженный донельзя, и подошел к женщине. Это была Лил. На ней была пестрая шаль, в которую она кутала ребенка. Она шла в лавку.

— Это еще что такое? — закричал доктор. — Ты что это выдумала? Какого черта надо мне было вытаскивать тебя из могилы, чтобы ты тут же начала рыть себе новую? Что ты здесь делаешь? Ты должна быть дома, в постели.

Не успел он произнести эти слова, как понял всю их нелепость. Дома, в постели... Может быть, рядом с миссис Б.? Он попробовал представить себе Лил в палате миссис Б.

— Но ведь это же пустяк, доктор, — сказала Лил, опасливо поглядывая на него, — мне некогда лежать. Мне никогда раньше не приходилось лежать. Что бы я стала делать в постели?

Его гнев остыл. К чему? Бог дал человеку тело, и это уж дело человека, как обходиться с этим даром. Она выглядела ужасно, но была на ногах. Он понял, что слова бесполезны.

— Ладно, — сказал он. — Я тебя предупредил. По крайней мере, я тебя предупредил.

Он пошел к машине. Боже мой, это что-то невероятное!

— Да благословит вас господь, — крикнула она ему вслед, — благословение господне на вас!

Слова прозвучали автоматически. Это была формула благодарности нищих, которые тут же за вашей спиной могут осмеять вас. Но это не имеет значения. Ничто не имеет значения. Чем больше живешь на свете, чем больше видишь, тем меньше понимаешь.

Дома его ждала жена. Она беспокоилась. Она приготовила ему обед и заботливо накрыла на стол. В камине весело потрескивал огонь. Слава богу, что у него такая жена!

— Ты, наверное, устал, — сказала она. — Бедный мой, такой тяжелый день!

— Что верно, то верно, — сказал он.

Зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Это мистер Б.

— Мистер Б.? Ну, в чем дело? Так. Значит, у нее болит голова? Что же, ее счастье, что у нее больше ничего не болит. Пусть потерпит. У меня вот тоже болит голова. Ничего не поделаешь. Нет, я не могу приехать. Мне совершенно все равно, нужен я ей или нет. Я только что, вот сию минуту, видел женщину, которая сегодня утром родила. Знаете, что она делала? Она шла по улице. Если бы вашей жене пришлось перенести десятую часть того, что перенесла эта женщина, она давно бы испустила дух. Истинная правда. Нет. Я не поеду сейчас. Я заеду к вашей жене завтра утром, а может быть, и вовсе не заеду. Она здорова, как корова. Ничего с ней не случится, я это прекрасно знаю. Это все! До свидания. До свидания!

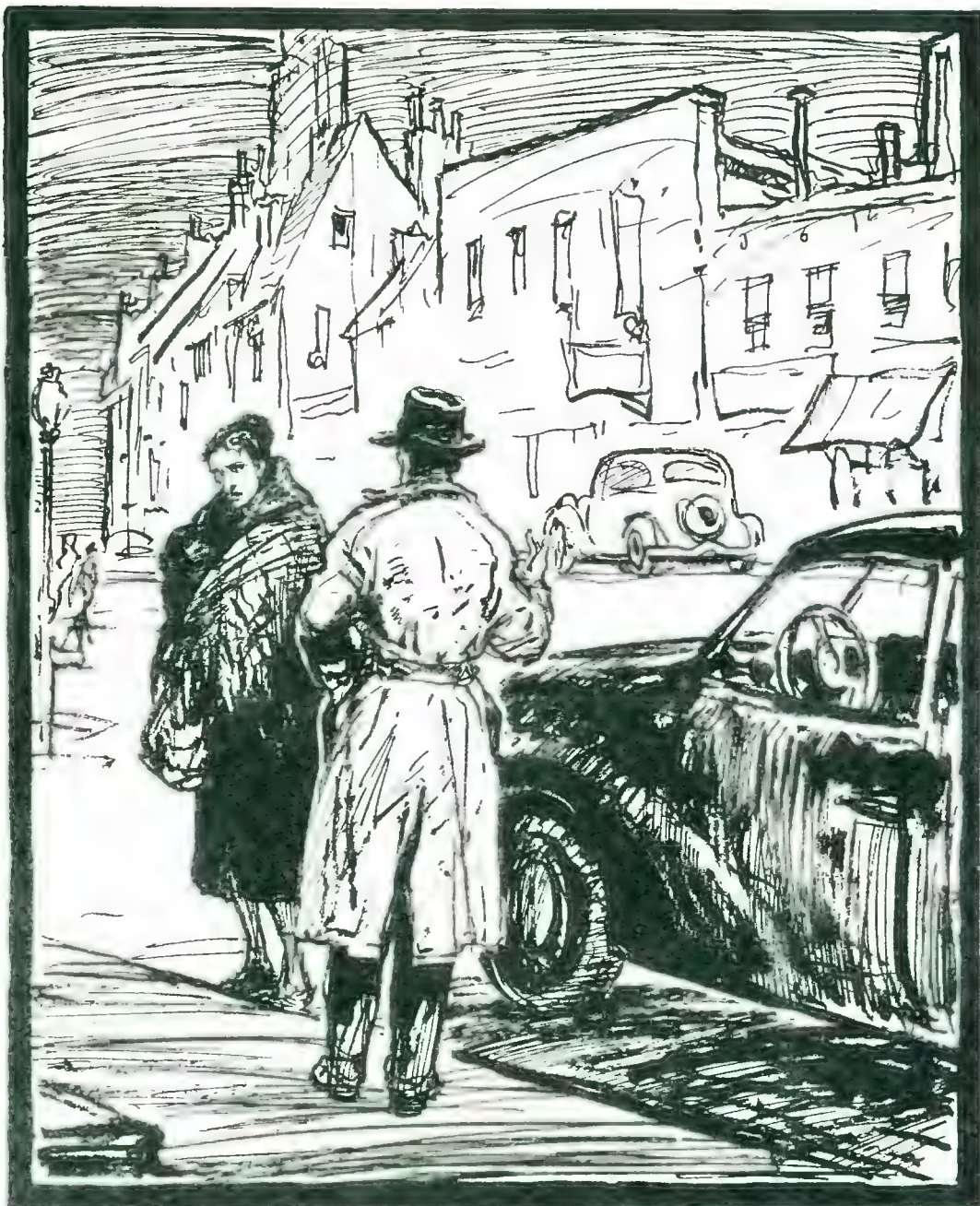
Он бросил трубку.

— Ну что же, — сказал он. — Еще одним пациентом меньше.

Он вытащил свой журнал. Скрипя пером, он нарушил девственную белизну страницы.

«У бродяги, — написал он, — родился сын, у богача — дочь». И внизу с ехидной усмешкой приписал крупными буквами:

«Оба появились на свет во вторник».

Посланцы Китая.

Делегаты Китая, Кореи и Японии часто встречались друг с другом.

Участники танцевальной сюиты «Цветы, наша молодость».

У фонтана на площади Свердлова. Немецкие юноши достают со дна фонтана монетки. Это тоже будет сувенир.

Участники саморейтельного чукотско-эскимосского национального ансамбля, выступавшие на фестивале.

Делегат с острова Кипр.

Фото Дм. Бальтерманца.

Студентка Хозефина Мунез из Испании.

Фото Ю. Меснянкина

Темпераментная мексиканская песня полетела по московской улице.

НАШИ ГРИГ

Арне ХЕГГЕН,
учитель начальной школы
(Норвегия)

Я не музыкант и не музыкальный критик. Я учитель начальной школы, участник VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Я люблю музыку, и поэтому мне приятно сказать несколько слов об Эдварде Григе.

Каждая страна, каждый народ гордится своими музыкантами, в творчестве которых воплощена душа народа. Вы, русские, не можете представить свою культуру без Глинки, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова и других великих композиторов.

Для нас, норвежцев, Эдвард Григ символизирует нашу национальную культуру. Григ дорог нам тем, что он с необычайной проникновенностью воплотил в своей музыке богатства народного творчества.

«Мною записана народная музыка родной страны...» — говорил о себе Григ, — я черпал из богатой сокровищницы народных норвежских песен и пытался создать национальное искусство из этого до сих пор не опознанного источника народной души».

Специалисты-музыканты могут много сказать об особенностях музыки Грига, разобрать его произведения, дать их глубокий профессиональный анализ. Обыкновенный же слушатель воспринимает то или иное музыкальное произведение прежде всего сердцем. И мне кажется, что самое привлекательное в музыке Грига для любого слушателя любой страны — лирическая задушев-

ность, человечность, простота и какая-то особенная прозрачность и ясность. Это делает музыку Грига понятной всем. Думается, люди из других стран чувствуют в музыке Грига именно то, что характерно для Норвегии и ее народа, для ее природы, ее фольклора.

Григ творил в период возрождения и подъема духовных сил нашего народа. Музыка Грига глубоко национальна, как и творчество его современников Генрика Ибсена, Бьернстерьне Бьернсена и других деятелей отечественной культуры.

Григ умер 50 лет назад, но он живет среди нас, как наш друг и современник. Его песни поет народ. И уже на школьной парте наши маленькие граждане постигают красоту его музыки, учатся любить ее.

Недалеко от Бергена, на берегу фьорда, находится дом, где жил и работал Эдвард Григ. В музее, который находится под охраной государства, сохранилась рабочая комната нашего великого соотечественника; здесь мы можем видеть рукописи его произведений, здесь самые крупные музыканты исполняют его произведения. Сюда приходят и старые и молодые, чтобы поклониться великому музыканту, отдать ему дань безграничного уважения.

Мы горды тем, что в Советском Союзе хорошо знают Грига и часто исполняют его музыку.

Дружба великих

В 1888 году в Лейпциге произошло знакомство П. И. Чайковского и Эдварда Грига. Знакомство вскоре переросло в дружбу, и между композиторами завязалась переписка.

Из «Автобиографического описания путешествия за границу в 1888 году» П. И. Чайковского

«...В его (Грига.— Ред.) музыке, проникнутой чарующей меланхолией, отражающей в себе красоты норвежской природы, то величественно-широкой и грандиозной, то serene, скромной, убогой, но для души северянина всегда несказанно чарующей, есть что-то нам близкое, родное, немедленно находящее в нашем сердце горячий, сочувственный отклик... Слушая Грига, мы инстинктивно сознаем, что музыку эту писал человек, движимый неотразимым влечением посредством звуков излить наплыв ощущений и настроений глубоко поэтической натуры, повинующейся не теории, не принципу, не знамени, взятому на плечи вследствие тех или других случайных обстоятельств, — а напору живого, искреннего художнического чувства. Совершенства формы, строгости и безупречной логичности в разработке тем не будем упорно искать у знаменитого норвежца; но зато, что за прелесть, что за непосредствен-

ность и богатство музыкального изобретения! Сколько теплоты и страстности в его певучих фразах, сколько ключом бьющей жизни в его гармонии, сколько оригинальности и очаровательного своеобразия в его остроумных, пикантных модуляциях и в ритме, как и всё остальное, всегда интересном, новом, самобытном! Если прибавить ко всем этим редким качествам полнейшую простоту, чуждую всякой изысканности и претензий на небывалое глубокое и новое... то не удивительно, что Грига все любят, что он везде популярен...»

Из переписки Эдварда Грига и П. И. Чайковского

«Лейпциг, 12 апреля 1888 г.

Дорогой друг и учитель!

Прежде чем покину Лейпциг, я все же должен Вас поблагодарить за Ваше любезное письмо из Парижа. Вы меня им искренно обрадовали, и я бы уже давно Вам ответил, если бы только знал — куда? Но на днях я слышал от Бродского, что Вы пресытились успехами и намерены остаться в России. Поэтому пользуюсь имеющимся у меня адресом и жду — повезет ли мне. Вы не поверите, какую радость доставила мне встреча с Вами. Нет, не радость — гораздо больше!

Как художник и как человек Вы

Эдвард ГРИГ (1843—1907).

произвели глубокое впечатление... Вот Вы увидите, если я смогу еще некоторое время писать ноты, я непременно когда-нибудь осмелюсь и украсу Вашим именем одно из моих произведений...

Ваш Эдвард Григ».

«Клин, близ Москвы,
Фроловское,
24 апреля 1888 г.

Мой милый, добрый друг! Я был несказанно обрадован Вашим письмом! Как Вы добры, милы и благожелательны и как я горжусь, что заслужил Вашу дружбу! Досадно только, что так убийственно трудно писать по-немецки, а то бы я сказал еще очень много о моей любви и преклонении!..

Из Лондона я проехал прямо в Тифлис (Кавказ); это большое путешествие продолжалось целых две недели, но Вы не можете себе и представить, до чего было хорошо и приятно, по прибытии в Тифлис, неожиданно найти после непрерывной скверной погоды цветы и южное солнце. Там я прожил три недели. Четыре дня тому назад я вернулся в Москву, а сегодня приехал сюда. Теперь я буду насколько возможно спокойно жить и работать в деревне; я собираюсь написать симфонию и посвятить ее моему доброму другу Григу.

Когда я увижу Вас, мой милый, добрый друг? Будем надеяться, что мне еще много раз представится счастье повидать Вас и Вашу неоцененную супругу. Я никогда не забуду чудесные лейпцигские дни, когда мы были вместе!

Увертюру «1812 год» и b-moll-ный концерт я послал Вам вчера и с нетерпением буду ожидать Вашу партитуру, которую Вы мне обещали.

Мне б очень хотелось знать — все ли было хорошо в Лондоне. Но иначе это и быть не могло; в

Лондоне, — впрочем как и везде — Вы очень любимы и известны.

Приветствуйте милую и глубокоуважаемую госпожу Григ. Я обнимаю Вас! До свидания!

Ваш верный друг
П. Чайковский».

«Бробювёрк на острове Фюннен
(Дания)
26 мая 1888 г.

Дорогой и глубокоуважаемый друг!

Как обрадовало нас Ваше письмо! И меня в особенности, поскольку я питаю надежду на столь значительное посвящение. Поверьте, я сумею оценить Ваше столь лестное для меня внимание и сумею отблагодарить, если только когда-нибудь создам произведение, которое Вас заинтересует. Я страшно рад Вашим партитурам. Я буду изучать их в Норвегии, куда они отправлены...

Правда ли, что Вы, может быть, в августе будете в Бирмингеме? Это было бы замечательно! Во всяком случае мы должны повидаваться, — где бы то ни было: в России, в Норвегии или еще где-нибудь! Родственные души ведь не растут на деревьях!..

Моя жена сердечно Вас приветствует!

То же делает

Ваш Эдвард Григ».

«Клин, под Москвой
5-го сентября 1888 г.

...Как Вы поживаете, милый друг?

Я написал новую симфонию и увертюру «Гамлет» (которая, правда, еще не наинструментована). Эта увертюра посвящена Вам.

Я надеюсь, что Ваше здоровье в полном порядке!

Кланяйтесь Вашей милой супруге!..

До свидания, мой милый, хороший, уважаемый друг!

П. Чайковский».

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Участники митинга направляются к американскому аэродрому.

На токийский аэродром Ханеда мы приземлились в полночь. Воздушные экспрессы, совершая прыжки по несколько тысяч километров с часовыми остановками в Праге, Париже, Франкфурте, Стамбуле, Тегеране, Карачи, Калькутте, Сайгоне и Маниле, доставили нас из Москвы в Токио за трое суток.

Персонал авиакомпании «Эйр-Франс» хорошо обслуживал пассажиров. Погода не капризничала — не было ни качки, ни болтанки. И все же трехсуточный перелет из Москвы в Токио показался долгим и утомительным. Один француз, согбенный своими семьюдесятью годами, жуя беззубыми деснами сигару, говорил нам:

— Парадокс! Летим почти вокруг всей Азии. А ведь можно из Парижа в Токио через Москву на ваших красавцах «ТУ-104» перелететь за одни сутки. Даже, возможно, быстрее. Экономия времени, сил и средств!

Старик-француз был прав. Его доводы мы приводили многим японцам: журналистам и ученым, писателям и депутатам парламента. Все они соглашались: «Конечно, воздушный путь из Европы в Японию через Москву самый прямой, а значит, самый короткий, быстрый и дешевый». Но потом сокрушенно разводили руками: «Земля в Японии японская, а небо, к сожалению, американское».

Страна восходящего солнца, как привыкли называть свою родину японцы, лишилась неба. Оно отдано на откуп чужестранцам.

Над японскими островами днем и ночью режут моторы, кружатся американские военные и транспортные самолеты. Они полонили все небо. Расписания маршрутов и зон полетов над страной устанавливаются американскими военными штабами. Запретные для полетов пространства тоже диктуются ими.

В связи с двенадцатой годовщиной окончания войны, как известно, завершившейся для Японии трагически, журналисты организовали большой вечер печати в парке Принц-Отель Сунагава. За столиками под вечнозелеными соснами вместе с работниками японских газет и журналов сидели журналисты многих стран мира. Тема бесед была одна: надо укреплять дружбу между народами, бороться за мир, против войны. Участники приема, взяв друг друга под руки, образовали большой круг, похожий на наш хоровод. Раскачиваясь из стороны в сторону, люди пели японские песни о счастье и о запрещении атомных и водородных бомб. Это была хотя и разноязыкая, но одна семья, полная веры в победу сил мира над силами войны.

Ко мне подошли молодые японские журналисты, вчерашние студенты. Один из них спросил:

— Вы были в Сунагаве?

— Да, был, — ответил я. — Очень взволнован тем, что увидел и услышал там.

— Значит, вы познакомились с

тем, как японский народ ведет борьбу за небо и землю? Расскажите об этом советским людям.

Депутат японского парламента от правящей либерально-демократической партии, президент банка «Синва» — Токатуро Китакура, беседуя со мной, сетовал:

— В результате поражения во второй мировой войне Япония потеряла значительную часть своей территории. Густота населения у нас 228 человек на квадратный километр — мы на одном из первых мест в мире по плотности населения. А если взять удобную землю, то на один квадратный километр приходится тысяча жителей!..

И в этих условиях на земле Японии размещено несколько сот американских военных баз, занявших уже два процента всей пахотной земли. Для своих аэродромов американцы выбрали равнинные, как правило, самые плодородные земли. Тысячи крестьян, веками обрабатывавших свои участки, поливавших их потом, теперь лишены и земли и крова.

У колючей проволоки американских аэродромов, полигонов и учебных полей днями и ночами стоят японские крестьяне в печальном забытии ожидания. Но они не только ждут. Они требуют. Требуют гневно и настойчиво:

— Верните нам нашу землю!

К голосу крестьян присоединяются голоса сотен тысяч рабочих и студентов.

Всему миру известна борьба крестьян Сунагавы, уже не первый год мужественно отстаивающих свою землю: попытки американцев расширить площадь военного аэродрома в Сунагаве остаются тщетными.

Когда мы ехали в Сунагаву, мы догнали огромную вереницу автобусов. На кузовах белые полотнища с черными иероглифами — это требования запретить атомные и водородные бомбы, ликвидировать американские военные базы в Японии. В автобусах представители самых различных районов страны — участники третьей Международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия. Они поют песни, приветливо машут крестьянам, вышедшим на дорогу с флажками и транспарантами.

Зелень полей и садов притокийской равнины обещает в этом году хорошее вознаграждение за труд земледельца. В симфонии природы и песен как бы сливаются чувства японского народа, жаждущего мира и национальной самостоятельности. И вдруг в эту симфонию врывается ревущий звук. В воздух взмывают тяжелые американские воздушные корабли, один, второй, третий. Они оглушают своим четырехмоторным рычанием. В ответ еще громче звучат песни в автобусах, лица людей суровеют, кулаки сжимаются.

Жители Сунагавы до единого

человека — на улицах. Они приветствуют посланцев всех японских островов. Вот вышли из автобуса представители Ниигаты. Через плечо у каждого из них сиреневые ленты, на них призыв: всеми силами отстоять свою землю! В Ниигате тоже американская база. Жители Ниигаты так же, как

Буддийские священники на митинге.

и крестьяне Сунагавы, борются против расширения территории базы.

Мимо автобусов проходит процессия буддийских священников. Впереди — знамя из черного бархата. В руках у каждого бубен. Священники в такт бьют палками по бубну — они шествуют на площадь Адзусами Тэндзин, приглашая всех на митинг. Это уже не первый митинг протеста в Сунагаве. Их были десятки. Но каждый новый — многолюднее, требовательнее. В несколько минут вся площадь, окруженная парком, заполнена людьми. Знамена, флаги, транспаранты взметнулись над головами. Репродукторы разносят слова мэра Сунагавы — Миядзакис:

— Жители Сунагавы при поддержке профсоюзов и студенчества отстаивают свою землю. Правительство насильно отняло часть наших земель и отдало их под американскую авиабазу. Но американцам стало тесно на этой базе, и они хотят отнять у нас новые земли. Мы заявляем: расширение американских баз в Японии, ввоз в нашу страну атомного оружия являются нарушением японской конституции! Мы отстаиваем не только свои права, но и нашу конституцию, которая запрещает Японии иметь армию и участвовать в войне.

По площади и парку гремит овация, раздаются возгласы одобрения оратору. И они звучат еще сильнее, когда Миядзакис заявляет:

— Мы клянемся, что будем продолжать борьбу до победного конца!

А в воздухе рычат моторы американских самолетов. Они летят совсем низко, едва не касаясь крылом верхушек деревьев. Оказывается, аэродром совсем рядом, в 500 метрах от площади, где происходит митинг, он скрыт зеленью садов. Но вот люди с митинга двумя потоками, со знаменами и песнями, в которых зву-

чит протест против войны, направляются к аэродрому. Через несколько метров пути открывается панорама полей, с домами и деревьями в разных концах массива, над которым взметнулись красные флаги. Земли крестьян, живущих здесь, предназначены под аэродром. Но крестьяне не уходят отсюда. Они живут тут, обрабатывают землю. Они гневно протестуют. Красные флаги — знак их непримиримости в борьбе.

Мы идем в потоке людей к колючей проволоке, за которой американские самолеты, ангары, казармы, бетонные взлетные дорожки, асфальтированные магистрали возле самой проволоки. Мы уже видим лица американцев, сидящих в автомобилях и нервно снующих по асфальту. Не очень весело быть непрошеными гостями в чужой стране! О чем сейчас думают сыны Америки, видя тысячи гневных лиц людей, приближающихся к проволоке?

Нам объясняют:

— Вы видите среди огородов, садов и полей участки, заросшие сорной травой. Весь этот большой массив, примыкающий к аэродрому, площадью в 53 тысячи цубо¹ должен отойти под аэродром. Но абсолютное большинство крестьян воспротивилось решению правительства. Не устояли только одиночки, их земли — в разных местах массива и составляют всего восемь тысяч цубо. Вот они-то, эти восемь тысяч цубо, и поросли сорняками. Лишившись земли и крова, получив за это небольшое вознаграждение, крестьяне эти теперь мыкают горе в разных концах Японии. Но и американцы не могут воспользоваться их землями: большинство крестьян Сунагавы не отдают землю, а на клочках, разбросанных тут и там, бетонную взлетную дорожку не построишь.

Тысячи людей подходят к изгороди из колючей проволоки, становясь лицом к аэродрому, повернув транспаранты с лозунгами в сторону американцев. Из репродукторов звучат речи и лозун-

¹ Цубо = 3,306 кв. м.

ги, призывающие вести борьбу до победы.

У самой проволоки, в 15 метрах от нее, стоит небольшая хатенка. Над крышей высоко взметнулся бамбуковый шест с красным полотнищем. Чей это дом? Кто так мужественно два года отстаивает свои права, недосыпая из-за рева моторов? А вот и она, рядовая героиня японского народа, крестьянка Курихара. Ей много лет. Морщины избородили лицо, седые пряди пролегли в волосах. Но она стоит выпрямившись и спокойно говорит окружающим ее людям:

— Земля моя, японская. Я на ней жила, живу и буду жить. Она моя единственная кормилица. И с нее я сама не уйду никогда.

Голос Курихары звучит уверенно и твердо. Таких, как она, в Сунагаве большинство. С ними миллионы простых японцев. Представители этих миллионов стоят сейчас у колючей проволоки. Они полны гнева, но ведут себя мирно. Об этом их просили организаторы митинга. Просили потому, что не хотят повторения июльских событий. Тогда, в начале июля, в Сунагаву приехали токийские студенты и представители профсоюзов. Около двух тысяч человек собралось у колючей проволоки аэродрома. Но перед ними стеной стали тысяча восемьсот японских полицейских, прибывших сюда на грузовиках, бронетранспортерах и броневиках. Это вызвало ярость. «Кого защищаете? Кого охраняете? Кто вы — японцы?» — раздалась возгласы. В полицейских полетели камни, началась свалка. Студенты в нескольких местах вырвали столбы с колючей проволокой. К полицейским вскоре пришло большое подкрепление. Все же студенты одержали верх. Они в четырех местах повалили проволоку, перекинули через нее соломенные маты и ворвались на американский аэродром. Усевшись на асфальте, они стали петь гневные песни протеста.

Проходил час, другой. Время перевалило за полдень. Ни упрямства, ни усталости, ни угрозы не действовали на студентов.

Сидячей забастовкой на асфальте американского аэродрома молодые люди Японии выражали протест против чужого владычества на их земле и требовали, чтобы в Японии все было японское.

Сейчас на одной из улиц Сунагавы висит фотовитрина, кадры которой красочно повествуют о несокрушимой воле передовой части японского народа, требующего ликвидации американских военных баз в Японии.

Около витрины стоял полицейский. Я спросил его:

— Как вы относитесь ко всему, что здесь происходит?

Полицейский вначале улыбнулся. Потом лицо его посуровело. Он сказал:

— Я из Хиросимы. Этим все сказано.

* * *

Борьба жителей Сунагавы за свою землю — это и борьба за небо Японии. Японское небо должно быть японским, и хозяева его — сами японцы. Об этом все больше говорят широкие слои населения. В самом деле, гражданский аэродром Ханеда находится в Токио. Обслуживает он преимущественно японцев. А восемьдесят процентов сооружений на аэродроме принадлежат иностранным авиакомпаниям, больше всего американским. Японские авиакомпании хотя сами распоряжаться своим аэродромом. Для этого у них есть и силы и средства.

— Борьба за землю и небо становится у нас общенациональной, народной борьбой, — сказал мне в Сунагаве делегат из Киото Учиямо Кондзо. — Наше правительство должно понять и, надо думать, поймет это. Будет лучше, если оно это сделает быстрее.

Слушая Учиямо Кондзо, я вспомнил о старике-французе, который хочет летать по прямой, летать быстро и дешево. А для этого нужно, чтобы никакие силы не мешали общению между народами.

Токио.

Август 1937 года.

Возле американского аэродрома.

Много друзей у семьи Кочегиных

В Куртамыше, небольшом городке Курганской области, почти всем почтальонам знаком адрес семьи Кочегиных. Редкий день не приходят им письма с разнообразными марками и штемпелями.

— Гляди, Павел, еще одно новое знакомство, — частенько говорит мужу Екатерина Ефимовна, принимая очередной пакет.

Павел Захарович, которому адресуются большая часть этой обширной корреспонденции, терпеливо разрезая конверты и развешивая сложенные листки, радостно улыбается:

— Вот сколько на свете хороших людей!..

Имя П. З. Кочегина, в прошлом боевого летчика, памятное товарищам, ветеранам Отечественной войны, с недавних пор стало хорошо известно в нашей стране и за рубежом. И многие люди, никогда прежде в глаза не видевшие скромного куртамышского жителя, завязали с ним переписку.

Произошло это так. В 19-м номере «Огонька» за этот год Павел Захарович Кочегин обратился с письмом к норвежцам из Сванвика, которые осенью 1944 года во время освобождения Северной Норвегии Советской Армией спасли его, раненого летчика, от фашистского плена, от смерти. Написал Кочегин просто, по-солдатски, поблагодарил от души, рассказал коротенько о своей послевоенной судьбе, о жене, о ребятах. И сколько всколыхнулось добрых чувств, теплого, дружелюбного участия к нему и его семье! Как много друзей оказалось у Кочегиных всюду!

«Помнишь, Павел Захарович, как встречали мы тебя после ранения тогда в полку, на аэродроме? Какой салют устроили из пистолетов в твою честь, даже от командования нам тогда попало, — пишет однопольщик Иван Анисимович Шевченко, радуясь, что отыскались следы друга. — Ты смотри, как все здорово, Павел. Воевали вместе и теперь вроде соседи оказались. Я ведь тоже на Урале живу, в Ревде, Свердловской области. Как и ты, расстался с авиацией, вышел в запас. Заведую коммунальным хозяйством, в горсовет депутатом избран. Ну, конечно, и семейством обзавелся...»

Другой армейский сослуживец, Шамиль Акусба, вспоминает в письме к другу юношеские годы, учебу в Одессе:

«Сохранился ли у тебя групповой снимок наших курсантов? Глянешь на карточку и сразу узнаешь и себя и меня... Да, впрочем, что фотографии: будешь на Черном море, добро пожаловать ко мне в Сухуми».

Всю семью Кочегиных радушно зовет в гости Людмила Арутюнян из Еревана:

«В нашей солнечной Армении много фруктов, винограда. Приезжайте, отдохнете на славу».

Клавда Трченко из молдавского села Кошницы тоже хвалит свой край, но работать хочет ехать на Урал и к Кочегиным обращается за советом: в какой район направиться?

«От всей души чистосердечный комсомольский привет» шлет Павлу Захаровичу Клавда Романюк и Рая Калетюк — воспитанницы Золотоносского детского дома:

«Мы решили с вами иметь переписку вместо папы и мамы».

Судьба бывшего воина и его близких взволновала детей зарубежных стран.

«Ваш подвиг, Павел Захарович, вновь напомнил мне встречу с советскими солдатами-освободителями в 1945 году. И вы, на далеком Севере, проливая кровь за норвежцев, и ваши товарищи, изгонявшие гитлеровцев с нашей земли, творили одно великое дело», — пишет школьница Иржи Вацек из Чехословакии.

Иржи хорошо владеет русским языком, он хочет постоянно переписываться с детьми Кочегина — Маргаритой и Валерием.

Болгарская девочка Калинка Петрова из города Нова Загора прямо обращается к Маргарите:

«Здравствуй, дорогая незнакомая советская подруга! Я очень хочу скорее научиться правильно писать по-русски...»

День ото дня растет переписка Кочегиных с новыми и новыми друзьями — на родине, в дружественных странах народной демократии. Большой и любвеобильной семьей родных по духу людей разных наций окружена эта рядовая советская семья.

На этом снимке, сделанном через десять лет после описанных событий, в 1927 году, снята группа участников захвата оружия. Командира отряда П. Уткина уже не было в живых, поэтому боевые друзья поставили в центре его портрет. Первый справа в первом ряду М. Маркин.

КАК НАШЛИ ОРУЖИЕ

В революционные дни 1917 года комиссаром вооруженных сил в районе Казанского вокзала в Москве был слесарь депо Александр Семенович Гусев. Одной из главных его забот было оружие. Мало оружия — вот беда. У штаба Красной Гвардии Железнодорожного района 1500 вооруженных железнодорожников, но ведь они по всем узлам Москвы несут охранную службу. Охрана грузов и железных дорог сновала их. Будь оружие, эти силы выросли бы в десять раз!

Из районов то и дело звонили, вопрос один у всех: как с оружием?

Гусев позвонил в Центральный штаб, а там не до того было: согласительная комиссия разрабатывала условия соглашения о перемирии с белогвардейцами — меньшевики и эсеры настояли, большинство в штабе было на их стороне.

Родилась мысль: идти наперекор обстоятельствам, самим искать оружие. Через связных Гусев вызвал начальников сводных отрядов Красной Гвардии: со станции Сортировочная — Уткина и Блюмберга, из Перова — Плющева, с Курской дороги — Котлика.

Приказ был краток: искать оружие. Проверить все грузы на складах, вскрыть и осмотреть вагоны.

Поздно вечером возвратились начальники отрядов, докладывали: ничего не нашли.

— Плохо искали, — гневно говорит Гусев, — ищите снова!

К вечеру второго дня принесли авиационные бомбы, но к чему они? Винтовки нужны, а не бомбы.

— Ищите, ищите, как хлеб ищут, когда голод одолевает. Красногвардеец Сортировочной коммунист М. Маркин обходил свой участок. Вечерело. Смотрит, на разгрузочной площадке Товарной в Сокольниках груда ящиков, возле них маячит часовая. Рядом длинная цепь вагонов под охраной вооруженных солдат. Днем этого не было. Подошел ближе. Длинные, плотно сбитые ящики. Маркин по опыту знал, что в таких ящиках могут быть только винтовки. В охране ополченцы: видно по белым крестам на шапках. Радостно забило сердце. Нашел! Действовать надо было быстро и незаметно, чтобы не насторожить охрану. Первым долгом сообщил в штаб. По телефону ответили: отряд пришлет позже, а сейчас некого, все на постах или пошли на смену караулов. Приказ такой: наблюдать!

Легко сказать — наблюдать, а вдруг увезут оружие?

Нет, надо самому действовать. Маркин пошел в помещение ревкома. Взял с собой красногвардейца Воронцова, прихватили винтовки, фонари и пошли. Что будут делать, и сами не знали. Выручил случай.

Возле Красносельского моста у путей увидели двух солдат, догонявших отряд. «Стой! Руки вверх!» Два борзых ополченца остановились. От них узнали, что охрана размещается близ разгрузочной площадки, в помещении блокпоста. Теперь скорее в штаб, требовать подмоги.

Прошли немного, а из темноты навстречу группа людей. Кто они, еще неизвестно. Снова затаились. Идут вразнобой, одеты в гражданское, винтовки несут по-разному. Свои!

Оказалось, что это сводные отряды красногвардейцев депо Сортировочной под командованием Уткина и Блюмберга. Их послал комиссар Гусев. Отряд Уткина должен был захватить оружие, а Блюмберг со своими людьми шел на помощь красногвардейцам Сокольников.

Пользуясь темнотой, люди осторожно приблизились к помещению блокпоста. В окнах свет. Помогли — караул расположился на отдых. Начальник караула, унтер-офицер, сидел за столом. Рядом горел фонарь. Окружили здание. Уткин и несколько красногвардейцев вошли в караульное помещение.

— Руки вверх!

Дуло нагана глянуло в лицо караульному начальнику. Разговор с ним был короткий: «Мы Красная Гвардия. Помогите нам снять часовых без шума и идите вместе со своими солдатами на все четыре стороны». Согласился.

Из ноты «Огонька»

Так было захвачено 12 вагонов с оружием — 40 тысяч винтовок.

Теперь у Гусева появилась новая забота. Как быть с оружием? Формально надо сообщить в Центральный штаб Красной Гвардии. Но там шел спор по последнему пункту соглашения. Напористо и нахально вел себя представитель белогвардейцев Шер, а меньшевики и эсеры хвосты поджали. Голоса большевиков еще не имели тогда решающего значения.

Опыт старого большевика подсказал Гусеву правильный выход: немедленно передать оружие районным штабам Красной Гвардии. Там нет соглашателей. Оружие попадет в руки восставших рабочих и солдат.

Всю ночь кипела напряженная работа. К платформе подъезжали грузовики за оружием.

— Теперь мы им покажем перемирие! — говорили красногвардейцы.

В ту же ночь на Симоновском военном складе захватили патроны. А ранним утром пролетариат Москвы, отказавшись подписывать соглашение с белогвардейцами, ринулся в бой: в его руках было оружие...

С тех пор прошло немало времени.

Двенадцать ветеранов революции — железнодорожников Сортировочной — дожили до славного 40-летнего юбилея Октября. Вот их имена: Т. Г. Борзов, М. И. Булатов, Н. З. Горбачев, А. В. Карачев, Я. М. Кондратьев, А. А. Лаврентьев, М. Н. Маркин, Ф. И. Павлов, В. М. Сидельников, В. А. Чепров, А. П. Чулин, Ф. А. Шелонин. Бывший комиссар А. С. Гусев до 1956 года работал инженером локомотивного отдела Московского отделения Северной железной дороги, сейчас он пенсионер, живет в Москве.

Нет в живых организаторов Красной Гвардии Сортировочной и ее начальников: убит на Южном фронте красный командир Порфирий Уткин, в 1952 году умерли Петр Кабанов и комиссар Сортировочной, первый председатель ячейки РКП(б) Иван Бураков.

Под знаменем Ленина шли они в бой за власть Советов, и их славные дела никогда не забудутся.

И. СМЕРНОВ,
лектор Калининского
райкома КПСС.

Москва.

В защиту тех, кто учится шить

Я прочла в «Огоньке» статью «В защиту косметики». Прочла и подумала: а может, пора выступить и в защиту курсов кройки и шитья? В кино, на эстраде, в рассказах все чаще встречаешь зубоскальство по адресу женщин, занимающихся на курсах кройки и шитья.

В самом деле, разве зазорно для девушки, женщины учиться искусству кроить и шить платье, и шить со вкусом?

К сожалению, наши ателы не могут еще удовлетворить запросы женщин. Шьют долго и порой плохо. Иные вынуждены прибегать к услугам портных, весьма избалованных заработками. А другие предпочитают иной путь: они сами учатся шить. Вот им-то на помощь и приходят курсы, которые за последние годы стали особенно популярны.

В странах народной демократии девочки со школьной скамьи приобщаются к искусству кройки и шитья. Неплохо было бы и нам заимствовать этот опыт. Не последнюю роль сыграют и различные курсы кройки и шитья. Занятия тут носят отнюдь не развлекательный характер, как это пытаются иногда изобразить. Статья хорошей портнихой — дело не легкое и не такое уж простое.

Общественность должна обратить внимание еще на одно обстоятельство. Некоторые клубы превратили курсы в источник доходов. Зачастую здесь процветает бессовестная халтура: руководители таких курсов меньше всего думают о качестве подготовки портных. Для них важно собрать побольше денег с учащихся.

Но эти уродливые явления не дают основания иронически относиться к женщинам, занимающимся на курсах кройки и шитья, к организаторам таких курсов. Их, таких курсов, должно быть больше. Женщины учатся здесь одеваться красиво, а это, по моему, очень важно.

А. ЗАХАРОВА,
преподаватель инструкторских курсов кройки и шитья
при Одесском окружном доме офицеров.
Одесса.

Служебное удостоверение А. С. Гусева.

Б. ЛЯПУНОВ

Фото Я. Рюмкина.

Под Тулой, в Шатске, находится одна из интереснейших строек шестой пятилетки — станция «Подземгаз». Это будет первая в стране газотурбинная электростанция, работающая на сжигаемом под землей угле.

Сердце этой станции — машинный зал. Здесь нам довелось встретиться со старой знакомой — газовой турбиной «ГТ-12-3». Монтаж ее закончен, и начались испытания отдельных узлов.

Газовая турбина прибыла под Тулу из Ленинграда. На Металлическом заводе год тому назад мы видели, как создавались детали и узлы вот этой, стоящей теперь здесь установки. Тогда трудно было представить себе, велика ли она. Только сейчас получаешь подлинное впечатление о масштабах машины. Оно становится особенно отчетливым, когда спускаешься вниз и пробираешься среди хаотического, на первый взгляд, сплетения трубопроводов, в машинном зале. Впрочем, разобратся не так уж трудно. Детище ленинградского завода существует теперь в собранном виде. Знакомое слово «ГЭС» приобрело здесь другое значение: не гидро-, а газотурбинная электростанция, не вода, а газ.

Турбина будет работать на подземном газе. Под землей уже зажжен угольный пласт. Два компрессора непрерывно подают воздух под землю для выработки газа. Шесть компрессоров — газовых и воздушных — в недалеком будущем подадут газ и воздух в камеры сгорания. Турбин в этой установке две — высокого и низкого давления. Одна из них тратит свою мощность на вспомогательные нужды — питает компрессоры, другая, кроме того, вращает генератор.

Нигде нет пока турбин, которые работали бы на газе, получаемом из угля. Пятьдесят тысяч кубометров такого топлива в час понадобится подавать в установку Шат-

ской ГЭС. Мощность ее — 12 тысяч киловатт, зимой — 16 тысяч. Это может показаться странным на первый взгляд. Но газовая турбина чувствительна к температуре наружного воздуха: чем холоднее воздух, тем большую мощность она дает.

Бурый, низкосортный уголь, который здесь трудно, да и невыгодно извлекать из недр земли, без затраты нелегкого шахтерского труда будет отдавать свою энергию в виде газа. А угля здесь немало: подсчитано, что пласта тут хватит на 70 лет непрерывной работы турбин!

Около здания станции пролегла труба. Она идет между разных строений, потом к ней присоединяются другие, более узкие трубы, и все трубопроводы уходят вдаль — туда, где под землей неугасимым огнем горит пожар. Путь этот длинен и извилист: общая длина всех коммуникаций — примерно 20 километров, а от станции до скважины надо пройти километра полтора.

Первое, что бросается в глаза, когда глядишь на панораму стройки, — несколько высоких башен разных форм, разбросанных близ здания ГЭС и другого, в котором помещаются воздуходувки. Оттуда доносится равномерный гул машин. Там начинается воздушная магистраль — сжатый воздух по трубам нагнетается в скважину, к горящему углю.

Газу же предстоит дорога сложнее. Его надо очистить — крупные частицы вымывает вода, остатки помельче ловятся электрофильтром. Для этого служат башни, а кроме того, бассейны-отстойники, которые встречаются нам по пути.

Не случайно газ подвергают столь тщательной очистке: ведь на лопатки газовой турбины могут попасть вредные осадки. Немногие миллиграммы примесей на кубометр газа могут уже вызвать немало неприятностей. Даже

пользуясь жидким топливом, приходится через три — четыре сотни часов работы промывать лопатки. Поэтому очистка — важнейшее звено всей газовой магистрали.

Трубопроводы, стелющиеся над землей, ведут нас дальше, в открытое поле. И вот наконец начало «технологической цепочки»: здесь, на пятидесятиметровой глубине, зажжен пласт угля.

Для того, чтобы зажечь его, не нужно было спускаться под землю. Геологи определили глубину и мощность залегания угольного пласта. Потом пробурили ряд скважин. Через них подводится дутье и отводится полученный газ. Если бы нам удалось заглянуть в глубь земли и увидеть, как это происходит, нам бы представилась интереснейшая картина. Вот через одну из двух соседних скважин подают сжатый воздух, а через другую поджигают уголь. Огонь и воздух двигаются навстречу друг другу, и между скважинами протягивается огневой канал. Теперь остается заботиться только о непрерывной подаче воздуха, и, раз начавшись, подземный пожар уже не угаснет. И по трубам на поверхность непрерывно идет топливо для газовых турбин. Продукты газификации угля — смесь горючих газов. Пройдя через сложную систему очистки, она попадает, наконец, в машинный зал.

Однако огненная стихия не предоставлена самой себе. Хотя и нельзя увидеть, что творится в этой необычной шахте, люди знают обо всем: приборы неустанно следят за поведением газа. Управление работой этого необычного «забоя» производится с поверхности земли. Регулярно берутся пробы, и в лаборатории выстроились ряды разноцветных пробирок. Это реактивы отвечают на вопрос о составе газа, которому предстоит отправиться отсюда в дальний путь, к зданию ГЭС. Сложный автоматический прибор осуществляет непрерывный контроль за составом подземного газа.

Первое время Шатская газо-

Общий вид Шатской ГЭС.

турбинная электростанция будет опытной. Как в свое время опыт постройки «ГТ-12-3» многое дал заводу, так и работа всей установки позволит на практике проверить то, что было лишь результатом расчетов. Это первый шаг, а за ним последуют и другие. В Донбассе, Кузбассе строятся несколько станций подземной газификации, проектируются полностью автоматизированные станции. Они дадут дешевое топливо для электростанций и сырье для химических заводов.

«Настанет, вероятно, со временем даже такая эпоха, что угля из земли вынимать не будут, а там, в земле, его сумеют превращать в горючие газы и их по трубам будут распределять на далекие расстояния». Эти пророческие слова были написаны Д. И. Менделеевым почти 70 лет назад. Одной из великих задач техники называл подземную газификацию угля Ленин. «Переворот, который вызовет ее решение, громаден», — подчеркивал Владимир Ильич.

У нас до войны заработала станция в Горловке. Впервые в истории горного дела загорелся подземный угольный пласт, — после неудачных попыток сжечь уголь под землей, так, как это делают в наземных газогенераторах. Несколько лет действует Подмосковская станция. Исследования ведутся в ряде стран мира, и постепенно начинают развиваться энергетика подземного огня. Она обещает огромную экономию самой большой ценности — человеческого труда. Она позволит использовать тонкие пласты угля, которые невозможно извлечь из недр земли. Она даст горючий газ, нужный промышленности и в быту. А в связи с развитием строительства газовых турбин ее значение возрастет еще больше. Шатская ГЭС — первенец газотурбинной энергетики, вслед за нею последуют другие. То, о чем давно мечтали, над чем давно работали ученые и инженеры, теперь воплощается в жизнь.

Последнее увлечение

Владимир ПОЛЯКОВ

Рисунки В. ГАЛЬБА.

Как она его пилила!.. Существует такая категория жен, которые пилят своих мужей с утра до вечера. Елизавета Петровна принадлежала именно к этой категории.

Необходимо заметить: несмотря на то, что техника распиловки в наши дни, когда почти всюду имеются электропилы, находится на очень высоком уровне и на распиловку дерева объемом в один метр вполне хватает пятнадцати секунд, пила мужей производится так же, как она производилась сто лет назад: с утра до вечера. Но сопротивляемость мужей явно повысилась.

Итак, Елизавета Петровна его пилила. На этот раз поводом был фестиваль.

— А я тебе говорю, что мы должны на эти дни уехать из Москвы!

— Ты сошла с ума! Все стремятся на эти дни в Москву, а мы уедем! Ты не представляешь, какое веселье будет в городе! Как заживут улицы! Здесь же будут делегаты всех стран... Я уже видел вчера на Арбате двух девушек из Индонезии.

— Вот этого я и боюсь, — сказала Елизавета Петровна. — Ты увлекающийся человек, и ты обязательно потеряешь голову.

— Когда я ее терял?

— В позапрошлом году ты терял, когда приезжала венгерская оперетта и ты бросал цветы Марике Немет, которая пела Сильву. В прошлом году ты терял голову, когда бежал по улице Горь-

кого за Симоной Синьоре. А вчера, когда мы были у Сусевичких и жена Гарика играла на пианино, ты не потерял голову?

— Не потерял.

— Почему же я ее у тебя не видела?

— Удивительное дело, — сказал Сергей Викторович. — Стоит мне посмотреть на более или менее хорошенькую женщину, как ты начинаешь меня пилить.

— А ты не смотри!

— Легко сказать!.. А если у меня хороший вкус? Тогда что?

— В общем, чем дольше ты меня убеждаешь, тем больше я думаю, что мы должны уехать. На фестивале будет много девушек, и много хорошеньких, плохих не пришло. Я знаю тебя, и я знаю, что я говорю.

Она пилила его до поздней ночи. Но он не распиливался. И они остались в Москве.

В первый же день фестиваля Елизавета Петровна увидела из окна, как ее муж шел под руку со смуглой девушкой из Латинской Америки. Так определил сосед по квартире, зубной врач и географ в душе, Анатолий Семенович Кортик.

— Это или эквадорка, или лабрадорка, или просто обыкновенная венесуэлка, — сказал он.

Елизавета Петровна выбежала на улицу.

Сергей Викторович стоял с девушкой под плакатом с изображением голубя мира и разговаривал с ней на смеси французского, немецкого и английского языков. Так как он не знал ни одного из трех, то ему приходилось трудно.

— Донде эста су каса? — спрашивала девушка.

— Ву зэт эзер шён унд тре вери гут, — отвечал Сергей Викторович.

— Йо но компрендо.

— Их бин... забыл, в общем... аллон занфан... гуд бай... ниht ферштеен.

— Бонитаментэ! Очень карашо. Донде эста су каса? Донде эста су мухэр?

— Я не понимаю.

— Очень карашо.

Елизавета Петровна решительно направилась к ним, чтобы прекратить беседу, которая разрывала ее сердце.

— Сэ мон мари, — сказала она с ходу (по-французски — «это мой муж»), чтобы сразу внести ясность.

Девушка поняла. И была рада. Она очень хотела познакомиться с женой Сергея Викторовича и все время просила его об этом, но никак не могла объяснить. Она

желала зайти в обыкновенную московскую квартиру — посмотреть, как живут москвичи.

Девушка протянула руку Елизавете Петровне и внезапно поцеловала ее.

— Я очень рада, — сказала Елизавета Петровна и метнула на мужа уничтожающий взгляд.

В этот момент к ним подошел переводчик из группы, в которую входила девушка, и, обменявшись с ней короткими речами, разъяснил:

— Эта девушка из мексиканской делегации. Ее зовут Кончитта. Она очень рада, что вы муж и жена, и хотела бы посмотреть, как вы живете.

— Прошу в наш дом, — сказала Елизавета Петровна и зачем-то добавила по-немецки: — Биттэ, биттэ.

Супруги занимали в квартире две комнаты, в третьей жил зубной врач Анатолий Семенович Кортик, который, узнав, что к Поповым пришла иностранка, немедленно постучался к ним в дверь и поспешил принять участие в общей беседе.

На столе появились кофе, печенье, апельсины, и завязался дружеский разговор. Переводчик лихо переводил, и всем все было понятно.

— Вот наша столовая, — сказала Елизавета Петровна, — а там спальня. Нас всего двое. Это наш сосед.

— У вас не болят зубы? — спросил Анатолий Семенович. — А то я могу...

— Анатолий Семенович — зубной врач, — сообщила Елизавета Петровна.

Кончитта улыбнулась, и все увидели, что зубы у нее в полном порядке.

— Мой муж — главный бухгалтер, а я педагог в средней школе. Преподаю химию, — сказала Елизавета Петровна.

— А я учусь в колледже на факультете математики, — сообщила Кончитта.

— Это близко к бухгалтерии, — заметил Сергей Викторович.

Жена бросила на него взгляд, в котором сверкнуло пламя. Но Сергей Викторович сделал вид, что ничего не замечает, и тихо сказал переводчику:

— Если можно, пусть синьори-та запишет мой адрес и напишет

мне из своей Мексики. Тверской бульвар...

Елизавета Петровна толкнула его ногой под столом и улыбнулась Кончитте.

Переводчик перевел, Кончитта записала в блокноте адрес.

Выпив кофе, гости приветливо попрощались и покинули квартиру супругов.

Зубной врач проследовал в свою комнату, а Елизавета Петровна накинута на супруга:

— Тебе мало встреч, тебе еще нужны письма! Первый день видит девушку, и уже переписка. Тебе пятьдесят лет, у тебя лысина, равной которой нет в районе. Как тебе не совестно! О чем она будет тебе писать? Что ты ей ответишь?

— Я не понимаю: ты против дружбы народов?

— Я не идиотка. Я за дружбу, но почему ты должен дружить с женщинами, а не с мужчинами?

— Зачем ты так говоришь? Я недавно получил письмо от Раджа Капура, от Джиротти и от Филипа Жерара.

— Почему я об этом ничего не знаю?

— Потому что они писали мне на работу.

— Может быть, Симона Синьоре и Марика Немет тоже пишут тебе туда?

— Да. Пишут.

— И ты это скрывал от меня?

— Да. Я стеснялся.

— Еще бы! В пятьдесят лет переписываться с неизвестными женщинами! Можно стесняться.

— Я не переписки стесняюсь.

— Чего? Чего еще?!

Елизавета Петровна покраснела, лицо ее сияло, как начищенный таз из-под варенья.

— Я стеснялся той слабости, которая появилась у меня на пятидесятом году жизни.

— Слабость к красивым женщинам?

— Нет, Лизочка. Слабость к филателии. Я начал собирать почтовые марки. Каждое письмо из-за границы приносит новое пополнение в мою маленькую коллекцию.

Он выдвинул ящик стола и достал из него альбом.

— Вот эти три марки из Венгрии от Марики Немет, эти две от Раджа Капура из Индии, эта из Италии от Джиротти. Эта из Парижа от Симоны Синьоре, а эта из Бирмы от одной участницы ансамбля песни и пляски.

Елизавета Петровна с любопытством рассматривала синие, зеленые, розовые, оранжевые квадратiki, и на лице ее показалось успокоение.

— Теперь буду ждать марки из Мексики! — вдохновенно сказал Сергей Викторович и посмотрел в окно.

— Что ты там уже увидел? — спросила Елизавета Петровна, но голос ее звучал несколько добрее.

О БОЛЬШИХ и маленьких

Ласло КАЛЛУШ

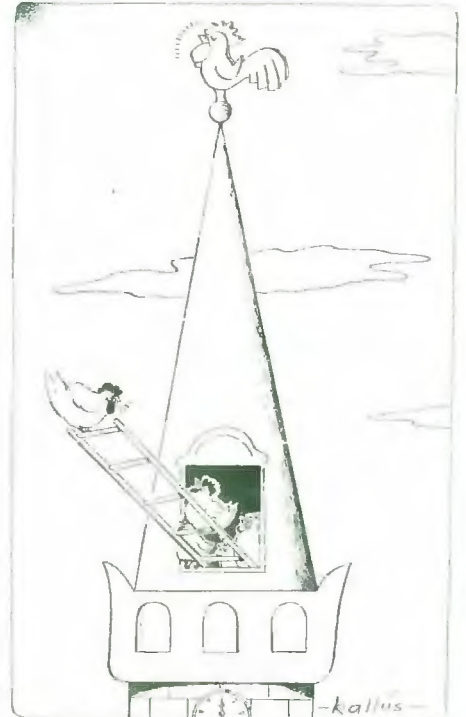
Венгрия

Ласло КАЛЛУШ. Автопортрет.

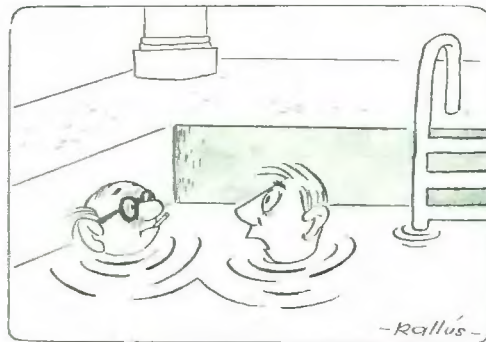
— Мы скажем маме, что было просто небольшое землетрясение.

— Напрасно мы так высоко лезли: петух, оказывается, железный.

— Приготовиться! Сейчас кукушка выглянет.

— Простите, у вас нет спичек?

— Мама, тебе дали двух, чтобы ты потом могла выбрать одного?

В музее спорта.

— Это победитель. Как же выглядит побежденный?

— Смотри, он забыл надеть штаны!

У нас свои держалки!

Как видит витрину жена...

и муж...

Все за одного

КОЛЮЧКИ ДЛЯ... ПАТЕФОНА.

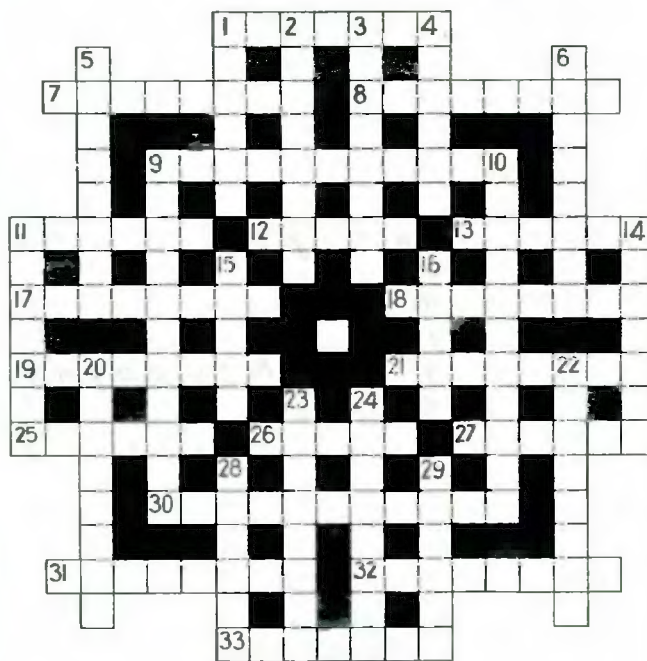
На улицах и в парках южных городов встречается дерево, покрытое колючками. Это гледичия обыкновенная, которая часто образует непроходимую колючую изгородь и служит для защиты садов. Но колючки гледичий, покрытые сверху прочным роговидным слоем, можно использовать для проигрывания граммофонных пластинок. Особенно удобны колючки молодых растений, которые легко входят в иглодержатель. Перед употреблением иглы просушиваются. Звук при пользовании такой «иглой» приятный, мягкий, громкость не снижается, даже заграничные пластинки звучат лучше. Кроме того, пластинки снашиваются меньше, чем при пользовании металлической иглой.

Д. КОВАЛЕВА,

Д. ТУПИЦЫН, кандидат биологических наук.

Ташкент.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Род луковичных растений семейства лилейных. 7. Спортивная лодка. 8. Колебание упругих тел, конструкций, сооружений. 9. Геометрическая фигура. 11. Композитор XIX века. 12. Денежная единица ряда европейских стран. 13. Указатель, перечень. 17. Надстроженный знак. 18. Русский ученый-естествоиспытатель. 19. Деятельный член коллектива. 21. Небольшое литературное произведение на злободневную тему. 25. Дерево с ценной древесиной, распространенное в Восточной Азии и Индии. 26. Птица отряда куриных. 27. Единица электрической емкости. 30. Спортсмен. 31. Сорт шелковой ткани. 32. Высшее научное учреждение. 33. Окисел, образующийся на поверхности металла.

По вертикали:

1. Английский врач, открывший кровообращение. 2. Переводной отряд. 3. Сопровождение растений. 4. Крепление в шахтах, туннелях. 5. Горный массив в Альпах. 6. Научное предположение. 9. Техническая ткань. 10. Специалист, дающий советы, заключения. 11. Разрывной снаряд. 14. Тропическая лесостепь. 15. Русский архитектор. 16. Стихотворный размер. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 22. Гимнастический снаряд. 23. Столовая посуда. 24. Город и порт в Японии. 28. Польская писательница. 29. Древнегреческая эпическая поэма.

П. МАНУЙЛОВ

СТРУНЫ ГИТАРЫ

(Басня)

Киршал ЧАЧХАЛИА

Спор гитарных струн,
Стар он или юн,
Но опять возник...
Кто же прав из них?

Первый голосок
Звонок и высок.
А сама тонка —
Тоньше волоска.
Говорит она:
«Я у вас одна,
Ведь недаром я
Первая струна.
Мой приятен тон,
Звуки хороши,
Достигает он
Глубины души...»

Вдруг последний бас
Перебил рассказ:
«Кто болтает тут,
Что за писк смешной?
Зря тебя зовут
Первою струной!
Твой умолк бы звук
И твоих подруг,
Если б среди вас
Не гремел мой бас».

Помешала им
Дека в этот миг,
Возражала им
Дека напрямик:
«Ваш нестроен хор,
Ваш напрасек спор.
Вы,
Струна к струне,
Держитесь на мне».

Вдруг рука взяла
И гитары той
Шею обняла.
С нежностью простой
Струны обхватив,
Перебрала их.
Зазвенел мотив,
Ну, а спор утих.

Струны поняли —
Затрезвонили.

Коль они дружны,
Все они нужны.
Но без тех живых
Человеческих рук
Не родится в них
Ни единый звук.

Авторизованный перевод
с абхазского А. КРОНГАУЗА.
Рисунки Е. Горохова.

Сен

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

7. Моравия. 8. Мазурка. 9. Монотип. 11. Нервюра. 12. Метчик. 13. Тариф. 15. Алунд. 16. Антропология. 18. Гальванометр. 21. Ханка. 23. Таран. 25. Осетия. 27. Верстак. 28. Кунашир. 29. Мелодия. 30. Пифагор.

По вертикали:

1. Шоколад. 2. «Сапоги». 3. Витин. 4. Гашек. 5. Буйвол. 6. Окарина. 10. Петрозаводск. 11. Нивелировщик. 14. Футбол. 15. Аргумент. 16. Ашуг. 17. Явор. 19. Саженец. 20. Маньяк. 22. Кессон. 24. Ананас. 25. Оазис. 26. Нушич.

В этом номере на вкладках восемь страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международной — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06662. Подписано к печати 28/VIII 1957 г. Формат бум. 70x108%. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 225 000. Изд. № 892. Заказ № 2162.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Закарпатская область. Дорога на горное пастбище.
Фото М. Начинкина.

